

ТАТЬЯНА МЕЛЬНИКЪ

РОЖДЕННАЯ БОТКИНА.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЦАРСКОЙ СЕМЬѢ И ЕЯ ЖИЗНИ

ДО И ПОСЛѢ РЕВОЛЮЦІИ.

ТАТЬЯНА МЕЛЬНИКЪ
(РОЖДЕННАЯ БОТКИНА).

ooo

ВОСПОМИНАНІЯ О ЦАРСКОЙ СЕМЬѢ

И ЕЯ ЖИЗНИ ДО И ПОСЛѢ РЕВОЛЮЦІИ

БѢЛГРАДЪ.
ВСЕСЛАВЯНСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
М. И. СТЕФАНОВИЧЪ И Ко.
1921

Полковникъ С. А. Кашкинъ, офицеръ старой русской Императорской Гвардіи сообщилъ мнѣ въ концѣ іюля с. г., что въ Бѣлградѣ находится рукопись записокъ Т. Е. Мельникъ-Боткиной, дочери доктора Е. С. Боткина, доблестнаго лейбъ-медика покойнаго Государя Императора Николая II-го, убитаго вмѣстѣ съ Царской Семьей, и что въ этихъ запискахъ авторъ воспроизводитъ свои воспоминанія о жизни Царской Семьи, особенно о жизни ея въ Тобольскѣ, и о мученической смерти ея въ Екатеринбургѣ.

Какъ славянинъ и младшій братъ великаго страдальца — народа русскаго, я за долгъ счелъ принять на себя изданіе этихъ записокъ, гдѣ съ такой правдой и искренностью изложена жизнь и послѣднія минуты Русскаго Царя Славянина-Мученика и Его Семьи.

Пройдутъ десятилѣтія, вѣка, а свѣтлая память объэтихъ Царственныхъ патріотахъ, такъ безжалостно замученныхъ палачами Россіи, будетъ жить среди всего Славянства, такъ многимъ обязаннаго Русскому Царю-Славянину.

Въ концѣ воспоминаній самой Т. Е. Мельникъ-Боткиной помѣщены выписки, сдѣланныя изъ писемъ ея покойнаго отца къ сыновьямъ. Это добавленіе даетъ нѣсколько яркихъ штриховъ душевнаго и нравственнаго облика царскаго врача, оставшагося вѣрнымъ тѣмъ, чье здоровье онъ призванъ былъ оберегать. Онъ не въ силахъ былъ уберечь ихъ жизнь, но, оставшись съ ними до послѣдней ихъ минуты, онъ раздѣлилъ ихъ мученическую участь.

Я считаю, что это изданіе должно выдѣлиться изъ ряда обыкновенныхъ и не могу не поблагодарить отъ души Секретаря покойнаго Князя Іоанна Константиновича и Ея Королевскаго Высочества Княгини Елены Петровны — Сергѣя Николаевича Смирнова, директора Петербургской гимназіи С. В. Лаврова, полковника С. А. Кашкина, равно какъ и художника В. И. Жедринскаго, принявшихъ близкое участіе въ работахъ по изданію.

ИЗДАТЕЛЬ.

ПРЕДИСЛОВIЕ.

Издавая свои воспоминанія, я хочу предупредить читающихъ, что дѣлаю это безъ всякой политической цѣли. Мнѣ очень часто случалось встрѣчать людей, у которыхъ, на основаніи сплетенъ, сложилось совершенно ложное представленіе о Царской Семьѣ. Узнавая отъ меня нѣкоторыя подробности, они говорили:

— „У насъ распространяютъ только дурное и никто не знаетъ то хорошее, что дѣйствительно было. Вы должны записать, что знаете, и напечатать.“

Съ тѣхъ поръ я стала записывать все, пережитое мною лично и разсказанное моимъ отцомъ, такъ какъ хочется, чтобы побольше истинной правды распространялось объ этой оклеветанной, невинной Семьѣ Мучениковъ.

ТАТЬЯНА МЕЛЬНИКЪ.

Еще мой дѣдъ былъ Лейбъ-Медикомъ Императора Александра II и Императора Александра III. Преемникомъ его былъ назначенъ докторъ Гиршъ, и, когда послѣднiй умеръ и Императрицу Александру Федоровну спросили, кого она желаетъ пригласить, она сразу сказала: „Боткина." Въ то время въ Петроградѣ одинаково извѣстны были два Боткина: старшiй сынъ моего дѣда — Сергѣй Сергѣевичъ и мой отецъ — Евгенiй Сергѣевичъ. „Того, который былъ на войнѣ", добавила Ея Величество.

Это было вскорѣ послѣ Русско-Японской войны, которую мой отецъ всю провелъ въ дѣйствующей армiи. О его храбрости и неутомимой работѣ много говорили въ Петербургѣ и знала и Ея Величество.

Вначалѣ мой отецъ ѣздилъ въ Царское Село изъ Петербурга, но въ апрѣлѣ 1908 года онъ былъ назначенъ Лейбъ-Медикомъ Его Величества, и осенью мы всѣ переѣхали въ Царское Село, гдѣ жила Царская Семья съ 1905 года.

Царская Семья жила въ Александровскомъ дворцѣ, построенномъ еще Екатериной Великой для Наслѣдника Александра Павловича. Красивое желтоватое зданiе въ стилѣ empire украшалось бѣлыми колоннами и орнаментами. Дворецъ былъ построенъ покоемъ. Фасадомъ своимъ, центръ котораго занимало полукруглое окно кабинета Его Величества, онъ выходилъ на газонную площадку парка. Флигеля выходили на большой дворъ, съ чугунными воротами на улицу. За дворомъ шелъ прудъ съ бѣлыми лебедями и разстилался паркъ. Въ лѣвомъ флигелѣ и нижнемъ этажѣ центра находились парадныя комнаты; въ правомъ флигелѣ помѣщалась часть свиты и коронованные Гости; въ верхнемъ этажѣ центра была спальня Ихъ Величествъ и комнаты Ихъ Высочествъ. Дворецъ уже становился малъ для Царской Семьи, и жили они очень тѣсно. Алексѣй Николаевичъ имѣлъ двѣ комнаты: спальню и классную. Великiя Княжны имѣли двѣ спальныя, въ которыхъ онѣ жили по двое и гдѣ стояли ихъ кровати, туалетные и письменные столы. Однажды мой отецъ засталъ Великую Княжну Анастасiю Николаевну, лежащую ничкомъ на полу и переписывающую заданный урокъ: въ классной занимался Алексѣй Николаевичъ, а всѣ столы были заняты ея сестрами или завалены вещами.

Ея Величество принимала моего отца въ началѣ 10-го часа въ спальнѣ, и онъ всегда заставалъ ее уже за работой: за вышиванiемъ или рисованiемъ какой-нибудь вещи, которая потомъ дарилась или продавалась на благотворительныхъ базарахъ.

Его Величество уже тоже давно былъ на ногахъ и уходилъ въ свой кабинетъ для принятія докладовъ. Кромѣ чисто медицинскаго разговора, Ея Величество почти всегда задерживала моего отца или разспросами о нашей семьѣ, такъ что, въ концѣ концовъ, они знали весь нашъ образъ жизни и привычки, или какими — нибудь порученіями благотворительности и разговорами объ Ихъ Высочествахъ. Ея Величество, какъ рѣдкая мать, входила во всѣ мелочи жизни своихъ дѣтей, выбирая имъ книги и занятія, распредѣляя ихъ день, сама читая и работая съ ними. Когда кончались уроки, Великія Княжны шли за рояль или за рукодѣлія, въ которыхъ онѣ были большія мастерицы.

Кромѣ вышиванія, онѣ должны были шить на бѣдныхъ, такъ же какъ и свитскія дамы, каждой изъ которыхъ Ея Величество поручала набирать, въ свою очередь, 12 дамъ для изготовленія опредѣленнаго количества теплыхъ и необходимыхъ вещей. Все это отсылалось Ея Величеству, разбиралось и сортировалось фрейлинами и Великими Княжнами и разсылалось по пріютамъ, или лично имъ извѣстнымъ бѣднымъ семьямъ.

Мы жили въ Царскомъ Селѣ на Садовой улицѣ, противъ большого Екатерининскаго Дворца и каждый день около 3-хъ часовъ внимательно глядѣли въ окно: въ эти часы Великія Княжны и Наслѣдникъ, а иногда и Императрица ѣздили кататься.

Мы знали это уже по тѣмъ приготовленіямъ, которыя происходили въ находящейся въ нашемъ дворѣ конюшнѣ. Въ этой конюшнѣ были лошади Ихъ Величествъ, а лошади Великихъ Княженъ и Наслѣдника стояли отдѣльно, но, тѣмъ не менѣе, всегда заѣзжали сюда за конюшеннымъ офицеромъ, присутствовавшимъ при всякомъ выѣздѣ Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ. Кромѣ того, шли всегда два конюха, разстилавшіе коврики, а на запяткахъ каретъ Государя и Императрицы стояли гайдуки въ высокихъ шапкахъ и синихъ кафтанахъ; за Великими Княжнами и Наслѣдникомъ скакали конвойцы. Его Величеству и Ея Величеству подавали русскій выѣздъ. Долго запрягали лошадей, въ послѣдній разъ все чистили и приводили въ порядокъ, и наконецъ появлялся толстый кучеръ въ медаляхъ, котораго нѣсколько конюховъ начинали подсаживать, запахивать на немъ кафтанъ и подавать возжи. Усѣвшись, кучеръ неизмѣнно крестился, конюшенный офицеръ становился на подножку, и пара медленно двигалась съ нашего двора подъ арку на Дворцовую улицу, а оттуда въ ворота Александровскаго парка. Великимъ Княжнамъ подавали англійскій выѣздъ, а Наслѣднику низенькія саночки, съ ямщикомъ въ круглой шапкѣ. Государь почти никогда не ѣздилъ кататься. Ея Величество ѣздила съ кѣмъ-нибудь изъ фрейлинъ или съ Анной Александровной Вырубовой. Разъ я помню Вырубову, когда она была съ визитомъ у моей матери. Полная и розовая, вся въ пушистыхъ мѣхахъ, она какъ-будто преувеличенно ласково смотрѣла на насъ-дѣтей и не очень намъ понравилась. Благодаря нашимъ наблюденіямъ, Великія Княжны скоро замѣтили насъ и знали въ лицо, и всегда, увидавъ кого-нибудь изъ насъ на улицѣ, на слѣдующій день говорили моему отцу: „А мы Вашу дочь видѣли или Вашего сына“. Вскорѣ онѣ всѣ знали насъ по именамъ, постоянно посылали поклоны, иногда персикъ или яблоко, иногда цвѣтокъ или просто конфетку, если же кто-нибудь изъ насъ захварывалъ, — а со мной это случалось часто, — то непремѣнно каждый день, даже Ея Величество, справлялась о здоровьѣ, присылала святую воду или просфоры, а когда меня остригли послѣ брюшного тифа, Татьяна Николаевна собственноручно связала голубую шапочку. И вовсе не мы одни пользовались какимъ-либо исключительнымъ расположеніемъ Царской Семьи: свои заботы и вниманіе они распространяли на всѣхъ, кого знали, и часто въ свободныя минуты



Е. И. В. Государь Императоръ Николай Александровичъ.
1910 г.

Великія Княжны шли въ комнаты какой-нибудь судомойки или сторожихи, чтобы понянчить тамъ дѣтей, которыхъ онѣ всѣ очень любили.

До осени 1911 года мы, дѣти, не видали Царскую Семью иначе, какъ на улицѣ, и только слышали о нихъ отъ нашихъ родителей. Мой отецъ всегда говорилъ намъ, что любитъ Ихъ Высочествъ не меньше насъ, своихъ дѣтей. Разсказывалъ, какъ они трогательно дружны между собой, какъ, въ особенности, Анастасія Николаевна любитъ Ольгу Николаевну, всюду ходитъ за ней и съ уваженіемъ и нѣжностью цѣлуетъ у нея руки; какъ они просты въ своей одеждѣ и въ образѣ жизни, такъ что Алексѣй Николаевичъ донашивалъ старыя ночныя рубашки своихъ сестеръ.

Вскорѣ послѣ нашего переѣзда въ Царское Село моя мать ѣздила представляться Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ. „Во-первыхъ, одѣньтесь какъ можно проще“, сказала моей матери одна изъ фрейлинъ, наша родственница Ольга Евгеньевна Бюцова. И моя мать поѣхала въ черномъ суконномъ платьѣ. Ея Величество принимала ее одну, въ своей маленькой гостиной съ сиреневой мебелью, и все время разспрашивала о моемъ отцѣ и о насъ-дѣтяхъ, такъ что моя мать вернулась въ восторгѣ отъ простого и внимательнаго отношенія Ея Величества.

Осенью 1909 года Ихъ Величества были въ Крыму, и Его Величество захотѣлъ испытать на себѣ тяжесть солдатскаго снаряженія. Поэтому онъ приказалъ принести себѣ таковое изъ 16-го стрѣлковаго Императора Александра III полка, стоявшаго въ Ореандѣ. Снаряженіе было послано со стрѣлкомъ, которому Государь сказалъ: „Одѣвай меня, а то я не знаю, что надѣвать сначала.“ Одѣвшись, Государь вышелъ изъ дворца, прошелъ по Ливадійскому парку и вышелъ въ Ореанду и, пройдя по шоссе, нарочно остановился спросить у дворцоваго городового дорогу въ Ливадію. Городовой, не узнавъ Царя, отвѣтилъ довольно рѣзко, что туда нельзя идти и чтобы онъ повернулъ обратно. Врядъ ли городовой узналъ когда-нибудь свою ошибку, такъ какъ Государь молча повернулся и пошелъ, куда ему показали. Онъ ходилъ около двухъ часовъ по горамъ и, вернувшись, сталъ раздѣваться при помощи все того же стрѣлка. Впослѣдствіи ротный командиръ той роты, изъ которой посылали снаряженіе, попросилъ Его Величество занести, какъ полагается всѣмъ стрѣлкамъ, собственноручно имя и фамилію въ книжку и заполнить нѣкоторыя графы. У меня хранится фотографія съ первой страницы этой книжки, гдѣ слѣдующее записано Государемъ Императоромъ. (См. стр. 10.)

Этой же осенью Ея Величество пошла съ Вырубовой въ Ялту за покупками. Вскорѣ пошелъ сильный дождь, такъ что, когда Ея Величество вошла въ магазинъ съ ея зонтика натекли большія лужи на полъ, и приказчикъ строго сказалъ ей, указавъ на подставку для палокъ и зонтиковъ: „Мадамъ, для этого есть вещь въ углу.“ Императрица покорно поставила зонтикъ, но велико же было смущеніе приказчика, когда Вырубова сказала: „Александра Федоровна,“ и онъ догадался, съ кѣмъ разговаривалъ.

Въ 1911 году Ихъ Величества были опять въ Крыму, и мой отецъ захотѣлъ, чтобы и мы съ младшимъ братомъ провели тамъ осень. Пріѣхавъ въ Севастополь, мы узнали, что отецъ лежитъ больной на Штандартѣ и что намъ сегодня разрѣшено пріѣхать его навѣстить. Только что мы успѣли закусить въ гостиницѣ, какъ пріѣхалъ за нами мичманъ Бутаковъ (впослѣдствіи убитый на войнѣ) и усадилъ насъ на Графской пристани на катеръ, ходившій къ Штандарту. Съ трепетомъ подъѣзжали мы къ величественному и красивому Штандарту, сверкавшему на южномъ солнцѣ своей чистотой. Проведя насъ по нѣсколькимъ узенькимъ корридорамъ, Бутаковъ ввелъ насъ въ маленькую, но уютную и свѣтлую каютку, въ которой на

диванѣ лежалъ мой отецъ. Только что мы успѣли поздороваться и сказать пару словъ, какъ за дверьми послышались шаги, голоса, смѣхъ, затѣмъ стукъ въ дверь и появились всѣ четыре Великія Княжны. Какъ сейчасъ помню, что старшія были въ бѣлыхъ юбкахъ и блѣдно-голубыхъ вышитыхъ блузкахъ, а младшія въ красныхъ съ сѣрыми горошинками юбкахъ и бѣлыхъ блузкахъ... Великія Княжны страшно мило съ нами поздоровались и старшія задали намъ нѣсколько вопросовъ о нашемъ путешествіи, на которые мы еле-еле отъ смущенія отвѣчали, а затѣмъ собрались уходить, когда мой отецъ попросилъ Татьяну Николаевну спросить у Ея Величества,

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА
16
СТРѢЛКОВАГО
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III
ПОЛКА

Роты . . . . „1"
Взвода. . . . „1"
Отдѣленія . . „1"

на 1909—19 г.

Личный №1.

Книжку эту нижній чинъ долженъ постоянно хранить у себя; при полученіи денегъ и пр. онъ предъявляетъ ее Ротному Командиру для отмѣтки выдаваемыхъ денегъ и времени выдачи.

п.

Имя Николай
Фамилія Романовъ
На службѣ съ 16-го Іюня 1907 г
На правахъ (никакихъ) до гробовой доски
Въ ____ съ ____ 190__ г
Изъ сословія ____
Губерніи С. Петербургской
Уѣзда Царскосельскаго
Города или волости Царскаго Села
Села или деревни ____
Вѣроисповѣданія православнаго
Холостъ или женатъ женатъ
Знаетъ мастерство ____

Прохожденіе службы:
Стрѣлкомъ и 24 октября 1909 г.
Ефрейторомъ съ ____ 190__ г
Младш. унт.-офиц. съ ____ 190__ г
Старш. унт.-офиц. съ ____ 190__ г.

разрѣшитъ ли Она намъ пріѣхать и завтра. Черезъ нѣсколько минутъ Татьяна Николаевна вернулась и сказала своей милой манерой, быстро, быстро, скрадывая слова: „Мама сказала, что Таня и Глѣбъ, пока Вы больны, могутъ пріѣзжать каждый день." Можно себѣ представить нашу радость и то нетерпѣніе, съ которымъ мы каждый день ждали двухъ часовъ, т. е. отхода катера съ Графской пристани на Штандартъ. Почти сразу послѣ нашего пріѣзда приходили младшія Великія Княжны, изрѣдка старшія. Больше всего мы видѣли Анастасію Николаевну. Она приходила и садилась въ ногахъ дивана, на которомъ лежалъ отецъ, а вечеромъ, когда при закатѣ солнца должна была стрѣлять пушка, она всегда дѣлала видъ, что страшно боится и забивалась въ самый дальній уголокъ, затыкая уши и смотря оттуда большими дѣланно-испуганными глазками. Иногда чинно разговаривая, она, если мы

вставали за чѣмъ-либо, незамѣтно подставляла намъ ножку. Марія Николаевна и Анастасія Николаевна страшно любили играть въ нулики и крестики и знали какой-то секретъ, при помощи котораго всегда выигрывали, но сообразительный Глѣбъ проникъ въ ихъ секретъ и Анастасія Николаевна, проигравъ ему нѣсколько разъ, предупреждала Марію Николаевну: „Берегись, Мари, онъ хорошо играетъ." Глѣбъ, уже тогда очень хорошо рисовалъ людей съ звѣриными головами, и онѣ приносили кусочки бумаги и карандаши, чтобы срисовывать. Однажды Анастасія Николаевна пришла, вся утопая въ своихъ распущенныхъ длинныхъ волосахъ, въ которыхъ гдѣ-то виталъ маленькій бѣлый бантикъ, и, усѣвшись въ ногахъ дивана, вытащила изъ кармана цѣлую гору смятыхъ листковъ папиросной бумаги, которую она стала разглаживать на колѣняхъ и аккуратно складывать стопочкой. „На что Вамъ эти бумажки?" спросилъ отецъ.

„А я съ ними играть буду", сказала Анастасія Николаевна и, сложивъ ихъ горкой, запихнула ихъ обратно въ карманъ. Затѣмъ, просидѣвъ еще немножко, она разсказала намъ, что Марія Николаевна всѣ туфли портитъ, потому что надѣваетъ ихъ, придавливая пятку; поговоривъ еще о чемъ-то, она встала, попрощалась и вышла, но не въ корридоръ, а только за портьеру, такъ что мы видѣли кончики ея бѣлыхъ туфелекъ.

„А мы Васъ видимъ, Анастасія Николаевна," смѣясь сказалъ мой отецъ. Она выглянула изъ-за портьеры, засмѣялась и убѣжала. На слѣдующій день то же самое: Анастасія Николаевна сдѣлала видъ, что ушла, но изъ-за портьеры выглядывалъ ея бѣлый башмачекъ. „А мы Васъ видимъ", сказалъ мой отецъ. За портьерой молчаніе. „Выходите, Анастасія Николаевна, мы Васъ видимъ." Опять молчаніе. Мы отодвинули портьеру, и тамъ одиноко стояла бѣлая туфля, а Анастасія Николаевна, поставивъ ногу въ чулкѣ на носокъ другой туфли, выглядывала изъ-за пріотворенной въ корридоръ двери. Около пяти часовъ къ моему отцу приходила Ея Величество, которой онъ ежедневно выслушивалъ сердце. Къ этому времени мой отецъ всегда просилъ насъ подать ему вымыть руки, что мы и дѣлали, наливая воду въ стеклянную чашку, которую Великія Княжны называли „простоквашницей."

Однажды, уже послѣ нашего отъѣзда, мой отецъ попросилъ сидѣвшую у него Великую Княжну Анастасію Николаевну выйти въ корридоръ и позвать лакея. „Вамъ зачѣмъ?" — „Я хочу вымыть руки." — „Такъ я Вамъ подамъ." На протесты моего отца она сказала: „Если это Ваши дѣти могутъ дѣлать, то отчего я не могу?" Моментально завладѣвъ „простоквашницей", она начала усердно помогать моему отцу мыть руки. Вообще простота и скромность были отличительными чертами Царской Семьи. Великія Княжны говорили: „Если Вамъ не трудно, то мама проситъ Васъ прійти." Никогда никто изъ окружающихъ не слышалъ отъ Ихъ Величествъ или отъ Ихъ Высочествъ слово „приказываю".

Ея Величество приходила всегда въ очень нарядныхъ бѣлыхъ капотахъ съ длинной жемчужной нитью на шеѣ, опускавшейся почти до самыхъ колѣнъ. Она всегда удивительно ласково заговаривала съ нами и, когда я цѣловала Ей руку, цѣловала меня въ високъ. Одинъ разъ пришелъ Государь, и отъ одного взгляда Его чудныхъ синихъ глазъ я чуть не расплакалась и ничего не могла отвѣтить на Его вопросы о нашемъ путешествіи. Неудивительно, что я, дѣвочка, смутилась, но я знаю свѣтскихъ дамъ и мужчинъ, не одинъ разъ видѣвшихъ Государя и говорившихъ, что отъ одного взгляда этихъ глубокихъ и ласковыхъ глазъ они еле удерживали слезы умиленія и готовы были на колѣняхъ цѣловать у Него руки и ноги. Я помню, какъ мой отецъ разсказывалъ о жизни въ Могилевѣ во время войны, когда въ отсутствіи

Ея Величества, Государь, самъ разливая вечерній чай, спрашивалъ, указывая на сахаръ: „Можно пальцами?“ А для моего отца это было дѣйствительнымъ счастьемъ получить кусочекъ сахара, тронутый Его Величествомъ.

Раза два приходилъ Алексѣй Николаевичъ. Ему было тогда 7 лѣтъ. Его очень интересовалъ костыль, приготовленный для моего отца, и, прислонившись лбомъ къ плечу костыля, онъ выглянулъ между палками и спросилъ: „Вы меня видите?“ а потомъ: „Чей это костыль?“ Мы всегда называли моего отца „папуля“, и поэтому братъ отвѣтилъ: „Папулинъ.“ Это слово, повидимому, очень понравилось Алексѣю Николаевичу, т. к. онъ улыбнулся и въ слѣдующій разъ повторилъ свой вопросъ и былъ удовлетворенъ тѣмъ же отвѣтомъ. Когда же, послѣ нашего отъѣзда, Алексѣй Николаевичъ спросилъ моего отца, „чей это костыль“, и тотъ отвѣтилъ: „мой“, онъ сдѣлалъ разочарованное лицо. При Алексѣѣ Николаевичѣ состояла тогда няня Марія Ивановна Вишнякова и дядька боцманъ Деревенько, но няня была скоро смѣнена, и на ея мѣстѣ появился гувернеръ-швейцарецъ М-сье Жильяръ, образованный и удивительно милый человѣкъ, котораго сразу всѣ полюбили, а Алексѣй Николаевичъ завязалъ съ нимъ тѣсную дружбу и вскорѣ заговорилъ по французски лучше своихъ сестеръ. Уже гораздо позже появился англичанинъ М-ръ Гиббсъ, не бывшій въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ Царской Семьей, какъ Жильяръ, а боцману Деревенькѣ въ качествѣ помощниковъ-лакеевъ были назначены два матроса — Нагорновъ и Сѣдневъ.

Помню, какъ обрадовалъ моего отца Алексѣй Николаевичъ первой, обращенной къ нему французской фразой: „Je vous aime de tout mon petit cœur,“* сказалъ онъ ему какъ-то вечеромъ на прощаніе.

Большимъ было горемъ для всѣхъ, когда осенью 1912 года въ Спалѣ Алексѣй Николаевичъ захворалъ и настолько серьезно, что изъ Петербурга вызвали хирурга — Сергѣя Петровича Федорова. Какъ мнѣ потомъ объяснялъ мой отецъ, у Алексѣя Николаевича появилось внутреннее кровоизліяніе на почвѣ ушиба живота. Образовавшаяся опухоль давила на нервы, и этимъ вызывались страшныя боли и неподвижность ноги. Съ трепетомъ слѣдили мы за печатавшимися въ газетахъ бюллетенями. Къ сожалѣнію, я, боясь обыска красноармейцевъ, сожгла всѣ письма моего отца, а подробный дневникъ, который онъ велъ во время болѣзни, остался въ Царскомъ Селѣ. Къ декабрю Алексѣй Николаевичъ настолько поправился, что Царская Семья переѣхала въ Царское Село.

Съ этой зимы при Алексѣѣ Николаевичѣ появилось новое лицо, остававшееся при немъ неотлучно, — докторъ Деревенко, ассистентъ профессора Федорова, къ которому Алексѣй Николаевичъ очень привязался, и сынъ котораго постоянно игралъ съ нимъ. При Великихъ Княжнахъ состояла гофъ-лектриса и учительница русскаго языка Ея Величества, въ бытность Ея невѣстой Государя, — Екатерина Адольфовна Шнейдеръ. Изъ фрейлинъ въ то время ближе другихъ была Ольга Евгеньевна Бюцова, очень милый, но нѣсколько несдержанный человѣкъ; изъ флигель-адъютантовъ: Александръ Александровичъ Дрентельнъ, бывшій преображенецъ, высокого роста, съ большой лысиной и красивыми чертами лица, очень образованный и начитанный, большой любитель музыки, умѣвшій на всякаго произвести пріятное впечатлѣніе, и Великій Князь Дмитрій Павловичъ. Начальникомъ военно-походной канцеляріи былъ Князь Орловъ, непомѣрно толстый человѣкъ, котораго мой отецъ очень любилъ за его сердечность, остроуміе и широкую русскую душу.

* Я Васъ люблю всѣмъ своимъ маленькимъ сердцемъ.



Е. И. В. Государь Императоръ въ Ставкѣ.

Дворцовымъ комендантомъ былъ тогда генералъ Дедюлинъ, скончавшійся осенью 1913 года отъ грудной жабы, и на его мѣсто былъ назначенъ командиръ Лейбъ-Гвардіи гус. Его Величества полка Воейковъ, человѣкъ дѣльный, но не оченъ симпатичный, большой карьеристъ и дѣлецъ. Онъ нашелъ какой-то удивительный цѣлебный источникъ въ своемъ Пензенскомъ имѣніи, сталъ посылать воду на изслѣдованіе, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже всюду появились круглыя бутылочки съ этикеткой и надписью „кувака". Воейковъ доходилъ до смѣшного въ рекламѣ своей чудодѣйственной воды. Помню, какъ мой отецъ разсказывалъ, что на одномъ большомъ выходѣ подошелъ къ моему отцу Вел. Кн. Николай Николаевичъ и началъ у него спрашивать средство для лѣченія ревматизма. „Лучшее средство — „кувака", Ваше Высочество," заявилъ вдругъ безцеремонно, прерывая ихъ разговоръ, Воейковъ. Великій Князь обернулся, замолчалъ и отошелъ. Въ обществѣ надъ Воейковымъ смѣялись и находили совершенно неприличнымъ для генерала и дворцоваго коменданта такую торговлю, но это его нисколько не смущало, и онъ съ гордостью продолжалъ разсказывать о томъ, какъ продалъ Компаніи Wagons Lits на три года впередъ большое количество бутылокъ „куваки" и выручилъ за это 100 тысячъ.

Осенью 1913 года мы опять были въ Крыму и были однажды приглашены въ Ливадійскій театръ, гдѣ пріютскія дѣти должны были играть для Великихъ Княженъ пьесу объ избраніи Царя Михаила Федоровича. Изъ Великихъ Княженъ пріѣхали только Марія Николаевна и Анастасія Николаевна, затѣмъ были двѣ дочери Великаго Князя Георгія Михайловича, Наслѣдникъ и сынъ д-ра Деревенко. Не знаю, кто изъ насъ больше стѣснялся: Великія Княжны или мы; во всякомъ случаѣ, въ антрактахъ мы не могли связать и двухъ словъ. Одинъ Алексѣй Николаевичъ чувствовалъ себя непринужденно и весело, и играя въ антрактахъ съ Колей Деревенкой, возился неимовѣрно, ни минуты не сидя на мѣстѣ и кувыркаясь то подъ столомъ, то на столѣ. Когда въ дверяхъ показывался боцманъ Деревенько или мой отецъ, Алексѣй Николаевичъ бѣжалъ къ нимъ съ крикомъ: „Взрослые должны уйти" и захлопывалъ передъ ними дверь.

Мы уѣхали очарованные и счастливые видѣть Ихъ Высочествъ, но не думаю, чтобы онѣ вынесли о насъ благопріятное впечатлѣніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Ливадіи былъ выстроенъ новый дворецъ, Ихъ Величества и Ихъ Высочества очень любили ѣздить туда и дѣлали это два раза въ годъ, весной и осенью. Ливадійскій дворецъ былъ единственный, выстроенный Государемъ и Императрицей за Ихъ царствованіе по собственному вкусу и соотвѣтственно требованіямъ Ихъ Семьи. Это было зданіе бѣлаго мрамора въ итальянскомъ стилѣ, съ красивыми внутренними двориками, все окруженное цвѣтами. Громадныя клумбы, трехъугольниками расходившіяся отъ дворца, еще до Пасхи начинали пестрѣть коврами желтыхъ и красныхъ тюльпановъ, которые смѣнялись голубыми и розовыми гіацинтами или бѣлыми нарциссами. Позже появлялись глициніи и розы, и весь дворецъ, точно въ сказкѣ „Спящая Красавица", утопалъ въ душистыхъ ярко-розовыхъ и желтыхъ гирляндахъ. Внизу помѣщалась бѣлая столовая, она же зала, гдѣ для танцевъ послѣ парадныхъ обѣдовъ освобождали мѣсто, убирая столы, затѣмъ гостиная съ старинной итальянской мебелью чернаго дерева, обитой розоватымъ шелкомъ, по которому были вытканы темно-лиловые бархатные цвѣты. Изъ гостиной шла галлерея съ мебелью того же стиля, обитой ярко-желтымъ штофомъ. Галлерея приводила въ оффиціальный кабинетъ Его Величества, большую свѣтлую комнату съ мебелью краснаго дерева, обитой зеленовато-сѣрымъ шелкомъ. Кромѣ

того, внизу была билліардная, комната Великаго Князя Дмитрія Павловича, одной изъ фрейлинъ и Жильяра. Наверху была маленькая столовая, классная Великихъ Княженъ, маленькій кабинетъ Государя, будуаръ Ея Величества, ихъ спальня, спальня Ихъ Высочествъ, классная Алексѣя Николаевича и гостиная Великихъ Княженъ, гдѣ стояли четыре ихъ письменныхъ столика. Спальни Великихъ Княженъ и Наслѣдника были какъ разъ противъ оконъ стараго свитскаго дома, въ которомъ жилъ мой отецъ, такъ что въ теплыя лѣтнія ночи, когда открыты были всѣ окна, мой отецъ слышалъ голосъ Алексѣя Николаевича, звавшій „Дина“ (такъ называлъ онъ боцмана Деревенько).

Во время пребыванія Ихъ Величествъ въ Крыму, Ея Величество всегда устраивала базары съ благотворительной цѣлью. Впослѣдствіи на деньги, собранныя такимъ образомъ, а отчасти и на личныя средства Ея Величества была построена въ Массандрѣ на берегу моря чудная санаторія, куда во время войны посылались на климатическое лѣченіе раненые офицеры.

Главный доходъ на этихъ базарахъ доставляли собственноручныя работы Ея Величества и Великихъ Княженъ, состоявшія въ очень красивыхъ рукодѣліяхъ или рисункахъ. Ея Величество замѣчательно искусно дѣлала акварелью различныя виньетки на какихъ-нибудь пресспапье, рамочкахъ или коробочкахъ, сразу дѣлавшихъ скромную вещь замѣтной своимъ изяществомъ и красотой. За столомъ съ этими вещами всегда Ея Величество, а также и Великія Княжны присутствовали сами, и понятно поэтому, что толпа была невѣроятная и продажа шла съ исключительной быстротой. За другими столами торговали свѣтскія дамы, проводившія сезонъ въ Ялтѣ, которыхъ Ея Величество привлекала такимъ образомъ къ благотворительности.

Изрѣдка въ Ливадіи давались балы, отличавшіеся своей простотой и непринужденностью. Къ сожалѣнію, я была еще очень мала и не видала ни одного бала. Зимой 13—14 года одинъ маленькій балъ для подростковъ былъ данъ у Великой Княгини Маріи Павловны старшей, куда былъ приглашенъ мой старшій братъ, бывшій въ то время камеръ-пажемъ Великой Княгини Викторіи Федоровны. Ему очень хотѣлось танцовать съ Великими Княжнами, но онъ считалъ невозможнымъ приглашать ихъ самъ, думая, что, если Имъ угодно будетъ, Онѣ его пригласятъ. Разъ его пригласила Княжна Надежда Петровна, дочь Вел. Кн. Петра Николаевича, Великія же Княжны ни разу. Онъ былъ очень огорченъ этимъ, а на слѣдующій день Великія Княжны выразили неудовольствіе моему отцу, такъ какъ Онѣ считали, что братъ нарочно обходилъ Ихъ, Ихъ, Великихъ Княженъ. По Ихъ необычайной скромности Имъ не могло придти въ голову, что мой братъ считалъ невозможнымъ и неприличнымъ первымъ подходить къ Нимъ, и Онѣ приняли это, какъ знакъ пренебреженія.

Въ концѣ 1913 или въ началѣ 1914 года Петербургъ взволновался пріѣздомъ иностранныхъ гостей: Наслѣднаго Принца Румынскаго и его молодого сына Кароля. Въ городѣ сразу заговорили о сватовствѣ, и „Новое Время“, безъ всякихъ поясненій, помѣстило въ своемъ субботнемъ иллюстрированномъ прибавленіи на одной страницѣ портретъ Великой Княжны Ольги Николаевны, а на другой Принца Кароля. Разсказамъ и сплетнямъ не было конца, и мой отецъ ужасно сердился, когда къ нему бѣжали любопытные съ вопросами: „ну что, какъ, кого изъ Княженъ выдаютъ?“ — „Неужели Вы думаете,“ отвѣчалъ онъ, „что Государь Императоръ ходитъ спрашивать у свиты совѣта, за кого выдавать дочерей, да и вообще еще о сватовствѣ никто не говоритъ: пріѣхали въ гости“. Мой отецъ считалъ всегда совершенно недопустимымъ какіе-либо пересуды и сплетни о Царской Семьѣ и даже намъ, дѣтямъ, не пере-

давалъ ничего, кромѣ уже завѣдомо свершившихся фактовъ. Впослѣдствіи я слышала отъ другихъ, что, дѣйствительно, принцъ Кароль пріѣзжалъ свататься къ Ольгѣ Николаевнѣ, что ему больше понравилась Татьяна Николаевна, а на Великихъ Княженъ онъ вообще не произвелъ особеннаго впечатлѣнія, и поэтому всѣ мирно разъѣхались, такъ какъ Государь и Императрица настолько любили своихъ дочерей, что никогда бы не принесли счастья одной изъ нихъ въ жертву политическимъ интересамъ, хотя, въ свою очередь, дочери готовы были на какую угодно жертву. Вскорѣ въ Петербургъ прибылъ еще одинъ иностранный гость: король Саксонскій. Я запомнила его пріѣздъ, потому что ради него былъ данъ парадъ всему царскосельскому гарнизону, а также потому, что о немъ самомъ много тогда говорили. Говорили, что онъ, можетъ быть, очень добръ и милъ, какъ человѣкъ, но что очень мало образованъ, грубъ и нетактиченъ до крайности, такъ что совершенно невольно разобидѣлъ незаслуженно цѣлую массу лицъ свиты.

Въ день парада, который, какъ нарочно, выдался яркій и солнечный, все Царское Село было разукрашено бѣло-зелеными Саксонскими флагами. Ярко блестѣли въ весеннемъ солнцѣ золотые купола церкви Большого Дворца, передъ которымъ на плацу уже пестрой лентой стройно вытянулись войска, а на нихъ съ любопытствомъ смотрѣла толпа публики, льнувшая къ подъѣздамъ и стѣнамъ дворца и съ нетерпѣніемъ ожидавшая появленія Царской Семьи. Вдругъ воздухъ прорѣзалъ первый звучный аккордъ величественнаго гимна, и подъ стройные звуки „Боже, Царя храни" показалась изъ лѣвыхъ воротъ группа блестящихъ всадниковъ. Впереди, въ формѣ Конвоя Его Величества, ѣхалъ Государь. Едва замерли послѣдніе звуки „Боже, Царя храни", какъ воздухъ дрогнулъ отъ дружнаго „ура", катившагося широкой волной все дальше и дальше по всѣмъ полкамъ и оттуда перешедшаго на публику. Вслѣдъ за свитой, сопровождавшей Государя, показалась коляска, въ которой ѣхала Государыня съ Наслѣдникомъ, а затѣмъ открытое ландо, гдѣ привѣтливо улыбались изъ-подъ большихъ бѣлыхъ шляпъ красивыя личики Великихъ Княженъ. Государыня ѣхала въ экипажѣ, запряженномъ à la Daumont, т. е. тремя парами снѣжно-бѣлыхъ лошадей, при чемъ на первой и послѣдней парѣ сидѣли жокеи въ черныхъ, съ золотой бахромой, шапочкахъ, красныхъ курткахъ, обтянутыхъ рейтузахъ цвѣта кремъ-брюлэ и низкихъ лакированныхъ сапогахъ съ отворотами. За ландо Великихъ Княженъ слѣдовали два конвойца.

Объѣхавъ войска, вся эта красивая группа двинулась мимо публики, налегавшей другъ на друга, чтобы поближе увидѣть красивую, добрую улыбку проѣзжающаго Государя. Государь и свита стали верхами около центральнаго подъѣзда Большого дворца, на ступеняхъ котораго были приготовлены мѣста для Государыни, Наслѣдника и Великихъ Княженъ. Начался молебенъ. По окончаніи его, публика, все время молча крестившаяся, вдругъ зашевелилась. Изъ правыхъ воротъ показались первые ряды пѣхоты. Тутъ былъ Сводно-пѣхотный полкъ и Стрѣлковая дивизія, затѣмъ слѣдовала кавалерія, т. е. конвойцы, гусары, кирасиры, казачья конная артиллерія и Сводно-Казачій полкъ. Каждый былъ хорошъ по своему. Изъ пѣхоты больше всего привлекали вниманіе барашковыя шапочки, малиновыя рубашки и русскій кафтанъ съ золотымъ галуномъ Стрѣлковъ Императорской Фамиліи, а кавалерія была такъ пестра и красива, что въ публикѣ все время вырывались крики восторга. Нельзя было рѣшить, кто лучше: стройные конвойцы въ черкескахъ, съ тонкими таліями, красавцы гусары въ снѣжно-бѣлыхъ ментикахъ, обшитыхъ бобромъ, чуть колебавшихся на ихъ спинахъ, блестѣвшие на солнцѣ своими кирасами и грандіозными касками величественные кирасиры или казаки въ высокихъ шапкахъ,

лихо заломленныхъ на затылокъ. Давно не видѣли такого парада. И кто думалъ тогда, что это послѣдній въ этомъ Царствованіи?

* * *

Лѣто 1914 года стояло жаркое и душное. Ни одного дождя. Вокругъ Петербурга постоянные торфяные пожары, такъ что и дни и ночи нельзя было отдохнуть отъ запаха гари. Гдѣ-то грохоталъ громъ, и сухія грозы каждый день кружили надъ Петербургомъ, не принося облегченія. Собиралась большая гроза, но другого рода. Всѣ были встревожены убійствомъ въ Австріи сербомъ Наслѣднаго Принца. Всѣ симпатіи были на сторонѣ сербовъ. Уже съ начала балканскихъ войнъ говорили сочувственно о южныхъ славянахъ, считая необходимымъ войну съ Германіей и Австріей. Теперь эти разговоры усиливались; говорили, что Россія должна выступить на защиту своихъ меньшихъ братьевъ и освободить и себя, и ихъ отъ германскаго засилья. Но были люди, яростно спорившіе противъ подобныхъ плановъ. Это были крайніе правые, которые говорили, что Россія ни въ какомъ случаѣ не должна ссориться съ Германіей, такъ какъ Германія оплотъ монархизма, и по этой, а также и экономическимъ причинамъ, мы должны быть съ ней въ союзѣ.

Во время всѣхъ этихъ споровъ и разговоровъ въ Петербургѣ шли безпорядки. Рабочіе бастовали, ходили толпами по улицамъ, ломали трамваи и фонарные столбы, убивали городовыхъ. Причины этихъ безпорядковъ никому не были ясны; пойманныхъ забастовщиковъ усердно допрашивали, почему они начали всю эту передѣлку. „А мы сами не знаемъ“, были отвѣты, „намъ надавали трешницъ и говорятъ: бей трамваи и городовыхъ, ну мы и били“. И въ этотъ самый моментъ вдругъ появился долгожданный манифесть объ объявленіи войны и мобилизаціи, а австрійскія и германскія войска показались на нашей территоріи. Какъ только была объявлена война, вспыхнулъ грандіозный патріотическій подъемъ. Забыты были разбитые трамваи и нѣмецкія трехрублевки, казаковъ встрѣчали криками радости, а вновь произведенныхъ офицеровъ качали и цѣловали имъ погоны. По улицамъ Петербурга ходили толпы манифестантовъ съ иконами и портретами Его и Ея Величества, пѣвшіе „Спаси, Господи, люди Твоя“ и „Боже, Царя храни“. Всѣ бѣгали радостные и взволнованные. Никто не сомнѣвался, что черезъ три мѣсяца наши побѣдоносныя войска будутъ въ Берлинѣ.

При такомъ настроеніи публики Государь пріѣхалъ въ Петербургъ читать въ Зимнемъ Дворцѣ манифестъ объ объявленіи войны. Когда Ихъ Величества проходили по заламъ Зимняго Дворца, то возбужденная публика, забывъ всѣ этикеты, кидалась къ нимъ, обступая Ихъ кольцомъ, цѣлуя руки Имъ обоимъ и подолъ платья Императрицы, у которой по красивому одухотворенному лицу текли крупныя, тихія слезы радости. Когда Его Величество вышелъ на балконъ, то вся толпа, запрудившая площадь Зимняго Дворца, такъ что еле можно было дышать, какъ одинъ человѣкъ, упала на колѣни, и всѣ разомъ подхватили „Боже, Царя храни“. Всѣмъ, видѣвшимъ событія 1917 и 1918 годовъ, трудно повѣрить, что это была все та же толпа, тѣхъ же рабочихъ, солдатъ и чиновниковъ. Черезъ нѣсколько дней Ихъ Величества переѣхали въ Москву. Мы поѣхали тоже.

Въ первый же день, на пути отъ вокзала, мы встрѣтили манифестацію, но въ Москвѣ подъемъ былъ значительно меньшій. Въ день чтенія манифеста, вся Царская Семья проѣхала прямо изъ дворца къ Успенскому Собору, въ которомъ еще Александръ Первый молился передъ началомъ Отечественной войны. Молебенъ продол-



Е. И. В. Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

жался долго, но вотъ наконецъ, при звонѣ колоколовъ и при яркомъ свѣтѣ золотистаго августовскаго солнца, вышли Ихъ Величества и Ихъ Высочества изъ собора и прошли къ своимъ экипажамъ по высокимъ досткамъ, обитымъ краснымъ сукномъ, подъ которыми колебалось море человѣческихъ головъ, волновавшееся и дрожавшее отъ дружнаго „ура".

Въ 10 числахъ августа Ихъ Величества вернулись въ Царское Село и еще больше упростили и безъ того простой образъ жизни своего двора, посвятивъ себя исключительно работѣ. Государь лично потребовалъ, чтобы, въ виду продовольственныхъ затрудненій, былъ сокращенъ столъ. Стали подавать только два блюда за завтракомъ и три за обѣдомъ. Ея Величество, въ свою очередь, сказала, что ни себѣ, ни Великимъ Княжнамъ она не сошьетъ ни одного новаго платья, кромѣ формъ сестеръ милосердія, да и тѣ были заготовлены въ такомъ скромномъ количествѣ, что Великія Княжны постоянно ходили въ штопанныхъ платьяхъ и стоптанныхъ башмакахъ, всѣ же личныя деньги Ихъ Величествъ шли на благотворительность. Въ Царскомъ Селѣ моментально стали открываться лазареты, куда Ея Величество постоянно посылала вина, лѣкарства и различныя медицинскія усовершенствованія и дорогія мелочи. Были открыты комитеты — Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны (помощь семьямъ запасныхъ) и Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны (помощь бѣженцамъ), и Великія Княжны лично предсѣдательствовали на засѣданіяхъ и входили во всѣ дѣла. Во всѣхъ дворцахъ были открыты склады Ея Императорскаго Величества, снабжавшіе армію бѣльемъ и перевязочными средствами. Моментально были оборудованы санитарные поѣзда имени всѣхъ членовъ Царской Семьи, образцы чистоты и удобства, подвозившіе раненыхъ въ районы Москвы и Петрограда.

Въ теченіе всей войны, каждое Рождество и Пасху, всѣмъ раненымъ Царскосельскаго района выдавались великолѣпные подарки на личныя средства Ихъ Величествъ, какъ напримѣръ, серебряныя ложки и вилки съ гербами, и кромѣ этого, еще устраивались елки съ угощеніемъ. Ихъ Величества не ограничивались общественной благотворительностью: значительныя суммы раздавались нуждающимся раненымъ, такъ что, навѣрно, многіе изъ нихъ и не подозрѣвали, откуда идетъ имъ помощь. Тѣмъ менѣе знали объ этомъ въ обществѣ, такъ какъ это шло иногда черезъ моего отца, иногда черезъ другихъ лицъ, умѣвшихъ хранить секреты. Между прочимъ помогала въ этомъ дѣлѣ и Вырубова, человѣкъ очень щедрый и отзывчивый къ чужому несчастью, благодаря чему, послѣ того, какъ во время революціи ее выпустили изъ тюрьмы, она, желая избѣжать вторичнаго ареста, находила пріютъ въ подвалахъ и коморкахъ бѣдняковъ, когда-то выручённыхъ ею изъ нищеты.

Сколько радости и утѣшенія приносили Ея Величество и Великія Княжны своимъ присутствіемъ въ лазаретахъ! Въ первые же дни войны послѣ своего пріѣзда въ Царское Село старшія Великія Княжны и Ея Величество стали усердно готовиться къ экзаменамъ на сестеръ милосердія и слушать лекціи для того, чтобы имѣть право работать наравнѣ съ остальными сестрами. И впослѣдствіи онѣ работали такъ, что докторъ Деревенко, человѣкъ весьма требовательный по отношенію къ сестрамъ, говорилъ мнѣ уже послѣ революціи, что ему рѣдко приходилось встрѣчать такую спокойную, ловкую и дѣльную хирургическую сестру, какъ Татьяна Николаевна. Великая Княжна Ольга Николаевна, болѣе слабая и здоровьемъ, и нервами, недолго вынесла работу хирургической сестры, но лазарета не бросила, а продолжала работать въ палатахъ, наравнѣ съ другими сестрами убирая за больными. Ея Величество, если только Ея здоровье позволяло Ей это, пріѣзжала

также ежедневно въ Дворцовый или Собственный Ея Величества лазаретъ, гдѣ работали Великія Княжны. Изрѣдка Ея Величество занималась перевязками, но чаще просто обходила палаты и сидѣла съ работой у изголовья наиболѣе тяжелыхъ больныхъ. Были случаи, когда больные заявляли, что не могутъ заснуть безъ Ея Величества или что только Ея присутствіе успокаиваетъ ихъ боли, и Она пріѣзжала, въ какомъ бы это ни было лазаретѣ, и сидѣла часа два, три только для того, чтобы доставить, хоть немного, спокойствія несчастнымъ.

Однажды въ Царскомъ Селѣ на Братскомъ кладбищѣ хоронили скончавшагося въ одномъ изъ Царскосельскихъ лазаретовъ офицера. Одинъ изъ нашихъ друзей-офицеровъ поѣхалъ на вечернюю панихиду и разсказывалъ намъ впослѣдствіи, какъ глубоко онъ былъ потрясенъ всѣмъ, имъ видѣннымъ. Служба еще не начиналась, но публики въ церкви собралось много и въ маленькой церкви стало такъ душно, что онъ вышелъ на улицу. Темнѣло, и въ сумракѣ весенняго дня кое-гдѣ бѣлѣли кресты могилъ. Вдругъ у ограды кладбища остановился автомобиль, изъ котораго вышла дама, вся въ черномъ, и, войдя въ ограду, остановилась у первой же могилы, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Офицеръ отошелъ изъ скромности возможно дальше и ожидалъ, что дама сейчасъ уѣдетъ или пройдетъ въ церковь. Но велико было его удивленіе, когда она, отойдя отъ одной могилы, пошла дальше и, остановившись съ молитвой передъ слѣдующей, обошла все кладбище, молясь передъ каждымъ крестомъ. Когда она дошла до офицера, онъ узналъ въ ней Государыню Императрицу, которая одна ночью молилась за души погибшихъ своихъ подданныхъ . . . . .

Младшія Великія Княжны не работали сестрами милосердія, такъ какъ большая часть дня у нихъ еще уходила на ученье, но ежедневно онѣ посѣщали лазаретъ своего имени, при Федоровскомъ Государевомъ соборѣ, а днемъ вмѣстѣ со старшими сестрами дѣлали объѣзды остальныхъ лазаретовъ. Иногда въ этихъ объѣздахъ принималъ участіе и Алексѣй Николаевичъ, очень любившій вступать въ разговоры съ ранеными. Однажды старшая сестра одного изъ лазаретовъ попросила офицеровъ, чтобы они, какъ можно больше, разсказывали Алексѣю Николаевичу изъ жизни на фронтѣ, и, дѣйствительно, онъ былъ такъ заинтересованъ, что, когда Великія Княжны, бывшія въ сосѣднихъ палатахъ, пришли звать его домой, онъ сказалъ: „Ну вотъ, когда мнѣ интересно, Вы всегда уѣзжаете раньше, а когда скучно, такъ сидите, сидите безъ конца.“ Но, конечно, все-таки поѣхалъ тотчасъ же. Часто въ лазареты пріѣзжали артисты Императорскихъ театровъ и давались спектакли и концерты, на которыхъ Великія Княжны и Наслѣдникъ любили присутствовать. Еще до войны Великихъ Княженъ очень рѣдко вывозили, а съ началомъ войны всякія развлеченія прекратились совершенно. Помню, какъ Наслѣдникъ смотрѣлъ въ лазаретѣ Большого Дворца „Вова приспособился“, что ему страшно понравилось, а, уѣзжая, онъ просилъ поставить вторую часть: „Вова въ отпуску“, про которую онъ слышалъ отъ сестеръ, что это тоже очень забавно. Конечно, было рѣшено возможно скорѣе удовлетворить его скромное желаніе, но революція разстроила всѣ планы.

„Я удивляюсь Ихъ трудоспособности“, говорилъ мнѣ мой отецъ про Царскую Семью, „уже не говоря про Его Величество, который поражаетъ тѣмъ количествомъ докладовъ, которые онъ можетъ принять и запомнить, но даже Великая Княжна Татьяна Николаевна; напримѣръ: Она, прежде чѣмъ ѣхать въ лазаретъ, встаетъ въ 7 часовъ утра, чтобы взять урокъ, потомъ онѣ обѣ ѣдутъ на перевязки, потомъ завтракъ, опять уроки, объѣздъ лазаретовъ, а какъ наступитъ вечеръ, онѣ сразу берутся за рукодѣлье или за чтеніе“.

Дѣйствительно, во все время войны и безъ того скромная жизнь Царской Семьи проходила одинаково изо дня въ день за работой.

Такъ проходили будни, праздники же отличались только тѣмъ, что, вмѣсто утренняго посѣщенія лазарета, Ихъ Величества и Ихъ Высочества ѣздили къ обѣднѣ въ Федоровскій Государевъ соборъ.

Этотъ соборъ былъ, собственно говоря, полковой церковью конвоя и Сводно-пѣхотнаго полка и возродился изъ маленькой церкви, сплошь уставленной старинными образами и первоначально устроенной въ казармахъ Сводно-пѣхотнаго полка. Древнерусскій стиль и старина иконъ такъ понравились Государю, что вскорѣ былъ построенъ соборъ. Нижній пещерный храмъ былъ весь уставленъ старинными иконами, и полумракъ, царившій тамъ, придавалъ еще больше молитвеннаго настроенія. Помню разъ всенощную въ Великомъ Посту, во время говѣнія Ихъ Величествъ, на которую мы пріѣхали очень некстати, такъ какъ Ихъ Величества изъявили желаніе, чтобы во время говѣнія, кромѣ солдатъ, никого не было Я никогда не забуду того впечатлѣнія, которое меня охватило подъ сводами церкви: молчаливые стройные ряды солдатъ, темные лики Святыхъ на почернѣвшихъ иконахъ, слабое мерцаніе немногихъ лампадъ и чистые, нѣжные профили Великихъ Княженъ въ бѣлыхъ косынкахъ наполняли душу умиленіемъ, и жаркія молитвы безъ словъ за эту Семью семи самыхъ скромныхъ и самыхъ великихъ русскихъ людей, тихо молившихся среди любимаго ими народа, вырывались изъ сердца.

Верхній храмъ производилъ большое впечатлѣніе красивою живописью Царскихъ Вратъ и массивныхъ колоннъ, поддерживавшихъ сводъ. Блескъ золотыхъ иконныхъ ризъ, великолѣпіе облаченія духовенства, величественные напѣвы хора-какъ нельзя лучше гармонировали съ яркимъ настроеніемъ большихъ праздниковъ, когда хочется побольше торжественности и необычайности .... Царская Семья пріѣзжала очень рано и проходила на свои мѣста на солеѣ, минуя публику, черезъ маленькую боковую дверь. Государь и Наслѣдникъ стояли всегда на виду у публики, большая колонна скрывала мѣста Государыни и Великихъ Княженъ. Около алтаря была маленькая молельня для Ея Величества, въ которой горѣли неугасимыя лампады и приносились къ образамъ живые цвѣты.

Однажды, въ самомъ началѣ войны, Ея Величество и Великія Княжны посѣтили лазаретъ, устроенный моимъ отцомъ въ занимаемомъ нами казенномъ домѣ. Мы съ младшимъ братомъ были только вдвоемъ дома. Мой отецъ, какъ всегда, страшно занятой, уѣхалъ по дѣламъ, а сестра милосердія ушла на полчаса домой, когда къ намъ наверхъ прибѣжала горничная, съ извѣстіемъ о пріѣздѣ Ея Величества. Когда мы съ братомъ стремглавъ сбѣжали внизъ по лѣстницѣ, Ея Величество и Великія Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, какъ всегда, скромно одѣтыя въ темныя пальто и шляпы, уже были въ лазаретѣ. Большинство раненыхъ были выздоравливающіе и, сидя, кто въ халатахъ, кто въ нижнемъ бѣльѣ, играли въ карты. Ея Величество подошла къ нимъ и спросила, во что они играютъ. „Въ дурачки, Ваше Величество", былъ отвѣтъ. Въ это время подошли мы, и Ея Величество обратилась кь намъ съ вопросами, но ласковый тонъ Ея Величества и счастье Ее видѣть, какъ всегда, лишили меня всякаго самообладанія, и я отвѣчала что-то очень безтолковое. Тогда Ея Величество подошла къ лежавшему. Это былъ солдатъ, 35 лѣтъ, глухой, ревматикъ и до такой степени изнуренный, что ему можно было дать лѣтъ 75. Онъ лежалъ и читалъ Евангеліе, ранѣе присланное Ея Величествомъ, и даже не обратилъ вниманія на вошедшихъ и не догадывался, кто это заговариваетъ

съ нимъ. „Ты что читаешь“? спросила его Ея Величество, наклоняясь къ нему. „Да вотъ все ноги болятъ.“ Ея Величество улыбнулась и попробовала задать другой вопросъ, но отвѣтъ былъ такой же безтолковый, и Она, отойдя, попрощалась съ нами и вышла вмѣстѣ съ Великими Княжнами въ переднюю. „Уже на зиму приготовили“, сказала, проходя, Ея Величество, указывая на валенки, стоявшія въ передней. Затѣмъ Она вышла на крыльцо, кивнула намъ еще разъ и сѣла въ автомобиль.

Уже гораздо позже пріѣхалъ къ намъ Алексѣй Николаевичъ. Онъ очень стѣснялся идти въ лазаретъ и, чтобы оттянуть это, пошелъ съ моимъ отцомъ осматривать остальныя комнаты нижняго этажа и нашелъ, что у насъ очень уютно. Мы же тѣмъ временемъ ждали Алексѣя Николаевича въ лазаретѣ. Всѣ встрепенулись, когда въ дверяхъ показалась его красивая маленькая фигурка. Мой отецъ подвелъ къ Алексѣю Николаевичу нѣсколькихъ солдатъ, которые стояли, вытянувшись, около своихъ кроватей, а затѣмъ Алексѣй Николаевичъ прошелъ черезъ лазаретъ въ переднюю, а давно приготовленный грамофонъ звучно грянулъ: „Боже, Царя храни“, что, кажется, Алексѣю Николаевичу очень понравилось.

Однажды на Рождествѣ 1914 года мой отецъ какъ-то особенно долго говорилъ по телефону и самъ звонилъ куда-то и, наконецъ, выйдя изъ кабинета, сказалъ мнѣ: „Сейчасъ было крушеніе шестичасового поѣзда, очень много пострадавшихъ, между прочимъ Анна Александровна Вырубова.“ Дѣйствительно, Вырубова была изъ наиболѣе пострадавшихъ: ссадины были по всему тѣлу и на головѣ, но, главное, было переломлено бедро, на всю жизнь сдѣлавшее ее калѣкой. Другой, сильно пострадавшій, былъ учитель рисованія той гимназіи, гдѣ я училась. Ихъ обоихъ, по распоряженію Ея Величества, положили въ отдѣльныя палаты Собственнаго Ея Величества лазарета. Вырубова очень страдала, была очень нервна и нетерпѣлива. Дѣйствительно, переломъ былъ настолько неудаченъ, что нога срослась неправильно, и она не могла послѣ этого случая ходить безъ костылей. Во время болѣзни Вырубовой, къ ней часто пріѣзжалъ Распутинъ, и съ тѣхъ поръ все больше и больше стали говорить о немъ въ Петербургѣ, при чемъ говорили не просто, а выдумывали, выдумывали зло и невѣрно, кто съ опредѣленной цѣлью оскорбить Царскую Семью, кто просто изъ любви къ сплетнямъ. Совершенно не хочу оправдывать Распутина; это былъ нечестный, хитрый и распущенный мужикъ, обладавшій, несомнѣнно, умѣніемъ вліять на окружающихъ, а, главное, разыгрывать какую угодно роль. Во дворцѣ онъ принялъ на себя роль святого и выполнялъ ее настолько удачно, что Государыня Императрица, человѣкъ глубоко вѣрующій и имѣвшій въ этой вѣрѣ и своей семьѣ единственное счастіе, повѣрила въ него всей душой и ухватилась за вѣру въ него, какъ за спасенье горячо любимаго сына. Распутинъ постоянно говорилъ во дворцѣ, что его молитвами живетъ Алексѣй Николаевичъ, что, не станетъ его, - Царской Семьѣ будетъ худо, очень худо; онъ даже намекалъ на сверженіе съ престола, но говорилъ, что потомъ Государь будетъ избранъ вновь. Само собой понятно, что во дворцѣ онъ держалъ себя иначе, чѣмъ въ „Вилла Родэ“, и Государыня не видала грязной стороны его жизни. Въ публикѣ постоянно говорили: „Почему же ей не скажутъ?“ Бѣда въ томъ, что о Распутинѣ говорили и говорили слишкомъ много, и этими разговорами его создали. Таково было мнѣніе моего отца и многихъ людей, близко знавшихъ Царскую Семью. Мой отецъ говорилъ: „Если бы не было Распутина, то противники Царской Семьи и подготовители революціи создали бы его своими разговорами изъ Вырубовой, не будь Вырубовой, изъ меня, изъ кого хочешь.“ И дѣйствительно, не будь людей, распространявшихъ о его власти совершенно невѣроятные слухи, не было бы тѣхъ, кто къ нему обра-



Е. И. В. Государыня Императрица Александра Өеодоровна за работой.
Царское Село. 1915 г.

щался; а чѣмъ больше къ нему обращались, тѣмъ больше Ея Величество вѣрила въ его святую жизнь, дѣлавшую его извѣстнымъ; если же Государынѣ разсказывали отрицательныя стороны его жизни, Она думала, что это гоненіе на святого. Насколько же разсказы о приближенности Распутина къ Царской Семьѣ были раздуты, можно судить изъ того, что мой отецъ, прослужившій при Ихъ Величествахъ 10 лѣтъ и ежедневно, въ теченіе этихъ 10-ти лѣтъ, бывавшій во дворцѣ, при чемъ не въ парадныхъ комнатахъ, а какъ докторъ, почти исключительно въ дѣтскихъ и спальнѣ Ихъ Величествъ, видѣлъ Распутина всего одинъ разъ, когда онъ сидѣлъ въ классной Алексѣя Николаевича и держалъ себя, какъ самый обыкновенный монахъ или священникъ. Поэтому не было совершенно никакой надобности, чтобы быть при дворѣ, заискивать у Распутина. Моего отца Ея Величество лично просила принять Распутина на дому, какъ больного, и мой отецъ отвѣтилъ, что въ медицинской помощи онъ ему отказать не можетъ, но видѣть его у себя въ домѣ не хочетъ, а потому поѣдетъ къ нему самъ. Несмотря на это заявленіе, мой отецъ продолжалъ служить и пользоваться уваженіемъ Царской Семьи. Еще другой случай произошелъ на глазахъ моего отца, какъ разъ, когда Распутинъ пріѣхалъ навѣстить Вырубову въ лазаретъ. Старшій врачъ лазарета, княжна Гедройцъ, нашла, что онъ слишкомъ засидѣлся и попросила его уйти. Онъ всталъ, но все еще не уходилъ. Тогда она взяла его за плечи и, толкая къ дверямъ, сказала: „Ну, уходи, уходи.“ Онъ обернулся и заявилъ: „Я жаловаться буду, что ты меня прогнала.“ — „Ну и жалуйся потомъ, сколько хочешь, а сейчасъ уходи, разъ тебѣ говорятъ“, и вывела его за дверь. „Съ какихъ поръ Вы съ нимъ на ‚ты‘?“ спросилъ ее мой отецъ. — „Разъ онъ мнѣ ‚ты‘ говоритъ, такъ и я не буду съ мужикомъ церемониться“, отвѣтила княжна Гедройцъ. Если основываться на Петроградскихъ слухахъ, то ее, по меньшей мѣрѣ, сослали бы въ Сибирь, но она осталась преспокойно старшимъ врачемъ Дворцоваго лазарета, который даже вскорѣ, въ видѣ особаго вниманія, былъ переименованъ въ „Собственный Ея Величества“. Несомнѣнно, что Ея Величество слѣдовала совѣтамъ Распутина, которые бывали очень вредны, какъ для Государства, такъ и для Царской Семьи, но какъ же могла Она, съ ея горячей вѣрой, поступать иначе по отношенію къ человѣку, котораго Она считала святымъ? Въ послѣднемъ же нѣтъ никакого сомнѣнія: объ этомъ говорятъ письма Ея Величества и Великихъ Княженъ къ Распутину, изъ которыхъ три были напечатаны въ первые же дни революціи, когда столько клеветы, столько преступныхъ наговоровъ было на нихъ и, несмотря на это, въ этихъ письмахъ, сплошь проникнутыхъ горячей вѣрой и содержащихъ въ себѣ столько разсужденій на религіозныя темы и просьбы молиться за всю Царскую Семью, и тогда никто не могъ найти ничего предосудительнаго. Впослѣдствіи, проѣзжая черезъ Сибирь, я встрѣтила одну даму, спросившую меня объ отношеніи Ея Величества къ Распутину. Когда я передала ей все вышеизложенное, она разсказала мнѣ слѣдующій случай: ей пришлось быть однажды въ слѣдственной комиссіи, помѣщавшейся въ Петроградѣ въ Таврическомъ дворцѣ. Во время долгаго ожиданія, она слышала разговоръ, происходившій въ сосѣдней комнатѣ. Дѣло шло о корреспонденціи Царской Семьи. Одинъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи, спросилъ, почему еще не опубликованы письма Императрицы и Великихъ Княженъ. „Что Вы говорите“, сказалъ другой голосъ: „вся переписка находится здѣсь въ моемъ столѣ, но, если мы ее опубликуемъ, то народъ будетъ поклоняться имъ, какъ святымъ.“ Il n'y avait pas du mal, il y en avait seulement l'apparence* говорилъ одинъ изъ

* „Зла не было, была только одна видимость.“

наиболѣе близкихъ къ Царской Семьѣ людей, М. Жильяръ. Mais c'est assez pour le peuple*, добавлялъ онъ.

Для народа — да, для народа, представляющаго собой слѣпую массу, которая поддается какимъ угодно внушеніямъ; но меня удивляетъ, какъ люди развитые и образованные, болѣе или менѣе знавшіе Семью, могли вѣрить и распространять всю преступную болтовню, исходившую отъ „творцовъ революціи", избравшихъ Распутина своимъ орудіемъ. Немного было людей, рѣшавшихся защищать Государыню Императрицу, какъ дѣлалъ это мой отецъ, но зато въ его домѣ никто не позволялъ себѣ сказать что-либо дурное про Царскую Семью, а, если моему отцу случалось попадать на подобные разговоры въ чужихъ домахъ, онъ всегда возвращался до крайности раздраженный долгимъ споромъ и говорилъ: „Я не понимаю, какъ люди, считающіе себя монархистами и говорящіе объ обожаніи Его Величества, могутъ такъ легко вѣрить всѣмъ распространяемымъ сплетнямъ, могутъ сами ихъ распространять, взводя всякія небылицы на Императрицу, и не понимаютъ, что, оскорбляя Ее, они тѣмъ самымъ оскорбляютъ Ея Августѣйшаго Супруга, котораго якобы обожаютъ".

„Я теперь понимаю", слышала я отъ одной дамы послѣ революціи," что мы своими неумѣренными разговорами оказали неоцѣненную услугу революціонерамъ; мы сами во всемъ виноваты. Если бы мы раньше это поняли или имѣли достаточно уваженія къ Царской Семьѣ, чтобы удерживать свои языки отъ сплетенъ, не имѣвшихъ даже основанія, то революціонерамъ было бы гораадо труднѣе подготовить свое страшное дѣло." У насъ же къ моменту революціи не было ни одного уважающаго себя человѣка, не старавшагося какъ-нибудь задѣть, если не Его Величество, то Ея Величество. Находились люди, когда-то Ими обласканные, которые просили аудіенціи у Ея Величества въ завѣдомо неудобный часъ, и когда Ея Величество „просила" зайти на слѣдующій день, говорили: „Передайте Ея Величеству, что тогда *мнѣ* будетъ неудобно." При помощи тѣхъ же злыхъ языковъ распустился слухъ о германофильствѣ нашего Двора и о стремленіи Ея Величества заключить сепаратный миръ. Всѣ кричали: „Подумайте, Она нѣмка, Они окружили себя нѣмцами, какъ Фредериксъ, Бенкендорфъ, Дрентельнъ, Грюнвальдъ". И ухватившись за эти четыре фамиліи, склоняли ихъ во всѣхъ падежахъ, забывая прибавить, что, кромѣ этихъ лицъ, при Дворѣ были: графиня Гендрикова, кн. Долгоруковъ, ген. Татищевъ, Воейковъ, гр. Ростовцевъ, Нарышкинъ, Мосоловъ, Комаровъ, кн. Трубецкой, кн. Орловъ, Дедюлинъ, Ниловъ, гр. Апраксинъ, Аничковъ, кн. Путятинъ и другіе. Да и никто не старался провѣрить, нѣмцы ли или германофилы гр. Фредериксъ и гр. Бенкендорфъ. Всякій же, хоть разъ видѣвшій Дрентельна, твердо запоминалъ по его наружности, что онъ русскій, имѣвшій несчастье носить иностранную фамилію, такъ какъ кто-то изъ его предковъ-иностранцевъ сотни лѣтъ тому назадъ поселился въ Россіи. Бенкендорфъ, католикъ и говорившій даже съ легкимъ акцентомъ по русски, дѣйствительно, былъ Прибалтійскій нѣмецъ, но, во-первыхъ, онъ оберъ-гофмаршалъ, т. е. завѣдывалъ такой отраслью, которая къ политикѣ никакого отношенія не имѣла, а, если бы онъ даже пытался на кого-нибудь вліять, то результаты, навѣрное, получились бы самые благопріятные, т. к. онъ былъ человѣкъ большого ума и благородства. Грюнвальдъ имѣлъ еще меньше касанія къ политикѣ, чѣмъ Бенкендорфъ. Дѣйствительно, при первомъ взглядѣ на него, можно было догадаться о его происхожденіи: средняго роста, полный, коренастый, съ снѣжно-бѣлыми усами на

* „Но это достаточно для народа."

грубомъ, красномъ лицѣ, онъ ходилъ, въ своей фуражкѣ прусскаго образца, прусскимъ шагомъ по Садовой. Иногда его вмѣстѣ съ женой можно было видѣть верхомъ, и никто, глядя на молодцеватую посадку этихъ старичковъ, не далъ бы имъ ихъ возраста. По-русски Грюнвальдъ говорилъ непростительно плохо, но опять же, на занимаемомъ имъ посту, это никого не могло особенно смущать. Онъ завѣдывалъ конюшенной частью и, т. к. дѣло зналъ въ совершенствѣ, былъ очень строгъ и требователенъ, то конюшни были при немъ въ большой исправности, самъ же онъ появлялся во дворцѣ только на парадныхъ обѣдахъ и завтракахъ. Единственный, имѣвшій возможность вліять на политику, какъ министръ двора и близкій къ Царской Семьѣ человѣкъ, былъ графъ Фредериксъ, но мнѣ каждый разъ становится смѣшно, когда говорятъ о немъ, какъ о политическомъ дѣятелѣ. Бѣдный графъ уже давно былъ на этомъ посту, такъ какъ Его Величество былъ слишкомъ благороденъ, чтобы увольнять вѣрнаго человѣка, единственно изъ старости. Уже къ началу войны Фредериксъ былъ такъ старъ, что врядъ ли помнилъ даже, что онъ министръ двора. Всѣ дѣла велись его помощникомъ ген. Мосоловымъ, а онъ только ѣздилъ на доклады и, несмотря на всеобщее къ нему уваженіе, служилъ пищей для анекдотовъ, т. к. доходилъ до того, что собирался выходить изъ комнаты въ окно, вмѣсто двери, или, подходя къ Государю, спрашивалъ Его: „А ты будешь сегодня на Высочайшемъ завтракѣ“? принявъ Его Величество за своего зятя Воейкова, хотя даже слѣпой, кажется, не могъ бы ихъ спутать. Много смѣялись въ Царскомъ по поводу еще одного случая съ графомъ Фредериксомъ. Однажды Начальникъ Военно-Походной Канцеляріи, кн. Орловъ, дѣлалъ ему докладъ, какъ вдругъ Фредериксъ остановилъ его. „Погодите, милый князь“, онъ провелъ пальцемъ по своей щекѣ, „мнѣ кажется, что я сегодня не побрился: какъ Вы думаете?“ — „Право не знаю“, отвѣтилъ князь Орловъ, стараясь скрыть улыбку. „Ну, ничего, князь, продолжайте.“ Черезъ пять минутъ Фредериксъ опять положилъ руку на рукавъ князя Орлова. „Постойте, мнѣ кажется, что я сегодня не брился.“ — „Не могу знать; я думаю, что лучше всего Вамъ спросить Вашего камердинера“. Фредериксъ нажалъ звонокъ: „Послушай, голубчикъ, что я брился сегодня или нѣтъ?“ — „Брились, Ваше Сіятельство.“ — „Хорошо, можешь идти.“ Князь Орловъ еще не успѣлъ докончить докладъ, какъ Фредериксъ поднялся со своего мѣста. „Нѣтъ, князь, докончите въ другой разъ, я положительно сегодня не брился, я ѣду въ парикмахерскую“. По дорогѣ въ парикмахерскую бѣднаго старика въ каретѣ такъ укачало, что онъ заснулъ, а кучеръ, пріѣхавъ въ назначенное мѣсто, долго удивлялся, что графъ такъ долго не выходитъ, наконецъ, заглянувъ въ карету, онъ увидѣлъ его спящимъ и поспѣшилъ доставить его домой. Конечно, такой человѣкъ не могъ имѣть никакого вліянія, и всѣ, знавшіе его, относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, но когда приходилось переходить на дѣловую почву, обращались къ генералу Мосолову.

Теперь объ Ея Величествѣ. Я утверждаю, что не было ни одной, болѣе русской женщины, чѣмъ была Ея Величество, и это съ особенной яркостью высказывалось во время революціи. Глубоко православная, она никогда и не была нѣмкой иначе, какъ по рожденію. Воспитаніе, полученное Ея Величествомъ было чисто англійскаго характера, и всѣ, бывшіе при дворѣ, знали, какъ мало общаго у Ея Величества съ Ея нѣмецкими родственниками, которыхъ Она очень рѣдко видѣла, изъ которыхъ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, дядю — Императора Вильгельма, прямо не любила, считая его фальшивымъ человѣкомъ. Не будь Ея Величество такая русская душой, развѣ смогла бы Она внушить такую горячую любовь ко всему русскому, какую

Она вложила въ своихъ Августѣйшихъ дѣтей. Послѣ революціи особенно сказалось отношеніе Ея Величества ко всему русскому. Пожелай они, намекни они однимъ словомъ, и Императоръ Вильгельмъ обезпечилъ бы имъ мирное и тихое существованіе на родинѣ Ея Величества, но, уже будучи въ заключеніи въ холодномъ Тобольскѣ и терпя всякія ограниченія и неудобства, Ея Величество говорила: „Я лучше буду поломойкой, но я буду въ Россіи". Это-доподлинныя слова Ея Величества, сказанныя моему отцу. Я думаю, что этого не скажетъ ни одна Русская женщина, такъ какъ ни одна изъ нихъ не обладаетъ той горячей любовью и вѣрой въ русскаго человѣка, какими была проникнута Государыня Императрица, несмотря на то, что отъ насъ русскихъ Она ничего не видала, кромѣ насмѣшекъ и оскорбленій. Нѣтъ тѣхъ каръ, которыми русскій народъ можетъ искупить свой великій, несмываемый грѣхъ передъ Царской Семьей, и, переживая теперь всѣ нескончаемыя несчастья нашей родины, я могу сказать, что, продолжайся они еще 10, 20, 30 лѣтъ, это будетъ вполнѣ заслуженное нами наказаніе.

Передъ революціей осужденіе Царской Семьи принимало все болѣе и болѣе грандіозные размѣры. Совершенно умышленно каждое Ихъ дѣйствіе, каждое слово толковались вкривь и вкось. Я увѣрена, что, поддайся Ихъ Величества тогда наговорамъ на Распутина и заточи Они его въ какой-нибудь монастырь, это непремѣнно истолковалось бы такъ, чтобы выставить Ихъ Величествъ въ черномъ свѣтѣ. Мнѣ вспоминается одинъ незначительный, но характерный случай. Въ началѣ войны всѣ возмущались нѣмецкимъ названіемъ столицы, а когда вышло распоряженіе о переименованіи Петербурга въ Петроградъ и патріотическій подъемъ немного улегся, тѣ же самые люди начали вышучивать перемѣну, на которой такъ настаивали . . .

Раздраженіе противъ Распутина все росло. Постоянную смѣну министровъ приписывали исключительно его вліянію, забывая, что совѣты Распутина исходили не отъ него лично, а отъ всемозможныхъ интригующихъ лицъ, при его помощи старавшихся получить хорошія мѣста и убирать своихъ враговъ, а Его Величество, одинъ изъ самыхъ умныхъ русскихъ людей, какъ истый христіанинъ, считалъ всегда свое мнѣніе наименѣе достойнымъ исполненія и прислушивался къ голосу окружающихъ, думая, что они, какъ ближе стоящіе къ дѣлу, болѣе опытны. Многіе же изъ министровъ этимъ пользовались, и когда потомъ, по ихъ совѣтамъ, выходило плохо, никогда не имѣли мужества сознаться въ томъ, что неудачные проэкты исходили изъ ихъ головъ, а, пожимая плечами, отвѣчали на нападки: „Что мы можемъ сдѣлать? воля Государя Императора." Насколько я помню, мой отецъ отличалъ, въ данномъ случаѣ, Сазонова и говорилъ, что онъ имѣлъ мужество брать на себя неудачныя постановленія . . . .

Назначеніе на постъ министра иностранныхъ дѣлъ Штюрмера, человѣка съ нѣмецкой фамиліей, опять вызвало цѣлую бурю негодованія. Наконецъ послѣдовало назначеніе Протопопова, члена думы и ея протеже; но какъ только онъ проявилъ себя неудачно, всѣ забыли о его думской карьерѣ и закричали: „Опять Государь назначаетъ какихъ-то распутинцевъ, да вѣдь Протопоповъ, всѣмъ извѣстно, боленъ прогрессивнымъ параличемъ. Развѣ такихъ людей назначаютъ"? Эти и подобныя разсужденія позволяли себѣ даже офицеры гвардіи, изъ которыхъ многіе стали увлекаться думскими рѣчами. Гвардія къ тому времени была отведена, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, въ резервъ. Они не нашли ничего лучшаго, какъ называть себя въ насмѣшку „династическій резервъ", совершенно забывая, что если бы такой резервъ существовалъ на самомъ дѣлѣ, то состоять въ немъ-только честь для каждаго русскаго офицера. Къ сожалѣнію, гвардія была отведена въ резервъ



Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.

уже тогда, когда лучшіе солдаты были выбиты, и въ Петроградѣ и въ Царскомъ Селѣ, къ моменту революціи, запасные гвардейскіе батальоны состояли изъ деревенскихъ парней или фабричныхъ рабочихъ во главѣ съ прикомандированными, неизвѣстно откуда, прапорщиками-соціалистами. Будь гвардія въ старомъ составѣ, неизвѣстно, какой оборотъ приняла бы революція; но и здѣсь все было разсчитано, и губительная работа революціонеровъ и здѣсь сдѣлала свое дѣло . . .

Къ концу 1916 года настроеніе было напряжено у всѣхъ до послѣдней степени. Одни знали о готовящихся событіяхъ, другіе предвидѣли ихъ по ходу дѣлъ, третьи безсознательно чувствовали надвигающуюся грозу, когда вдругъ разнеслась вѣсть объ убійствѣ Распутина. Сперва показалось, что этотъ ударъ разрядитъ атмосферу, но вскорѣ стало ясно, что это начало, что дальше будетъ гораздо хуже, и даже его противники, прежде говорившіе: „Вотъ бы кто-нибудь догадался его прикончить", теперь пожалѣли о случившемся. Надо сказать, что Царская Семья вела себя, въ данномъ случаѣ, какъ всегда, съ большимъ тактомъ. Ея Величеству донесли объ этомъ событіи утромъ, когда Она была въ лазаретѣ. Со свойственной Ей силой воли, Она ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не обнаружила того большого потрясенія, которое, несомнѣнно, должно было въ ней вызвать это извѣстіе, и только страшная блѣдность, покрывшая Ея щеки, была доказательствомъ Ея волненія. Окончивъ утреннюю работу, какъ обыкновенно, Ея Величество и Ихъ Высочества уѣхали домой въ обычный часъ, и вечеромъ того же дня Ихъ Высочества, какъ всегда, опять были въ лазаретѣ. Слѣдствіе по убійству велось обычнымъ порядкомъ, наказаніе, наложенное на участниковъ дѣла, было не больше, какъ въ случаѣ убійства всякаго другого смертнаго, посѣщеніе Ея Величествомъ тѣла и присутствіе на церковныхъ службахъ было тоже сдѣлано незамѣтно и скромно, а жизнь двора шла попрежнему.

Впослѣдствіи, уже въ Тобольскѣ, я слышала отъ д-ра Кострицкаго, пріѣзжавшаго изъ Ялты лѣчить Ихъ Величествъ, подробное описаніе того убійства, слышанное докторомъ Кострицкимъ отъ князя Феликса Феликсовича Юсупова младшаго.

Заговоръ состоялся изъ 5-ти лицъ: Великаго князя Дмитрія Павловича, любимаго двоюроднаго брата Государя, князя Ф. Ф. Юсупова, Вл. Митр. Пуришкевича, доктора Л. и поручика К. Рѣшено было Распутина отравить, для чего Юсуповъ приготовилъ пирожныя и вино, отравленныя ціанистымъ каліемъ, а затѣмъ поѣхалъ за нимъ въ автомобилѣ. Привезя Распутина, Юсуповъ остался съ нимъ вдвоемъ пить вино и ѣсть пирожныя, тогда какъ остальные заговорщики находились въ верхнемъ этажѣ. Когда Распутинъ выпилъ все полагавшееся ему вино и съѣлъ всѣ пирожныя, а ядъ не начиналъ дѣйствовать, Юсуповъ въ отчаяніи кинулся за совѣтомъ къ остальнымъ, и тамъ его осѣнила мысль застрѣлить Распутина. Онъ схватилъ револьверъ и снова побѣжалъ къ гостю. Чтобы отвлечь вниманіе Распутина, онъ подвелъ его къ старинному Распятію и, одной рукой указывая на Христа, другой выстрѣлилъ Распутину въ сердце. Тотъ упалъ въ судорогахъ, а когда онъ стихъ Юсуповъ наклонился надъ нимъ, и вдругъ Распутинъ опять открылъ глаза, приподнялся, схватилъ Юсупова за погонъ и оторвалъ его. Юсуповъ опять побѣжалъ наверхъ къ своимъ сообщникамъ, и когда они всѣ вышли на лѣстницу, имъ представилась ужасная картина: Распутинъ весь въ крови, съ кровавой пѣной изо рта, ползкомъ на четвереонькахъ пробирался къ передней. Тогда Пуришкевичъ еще двумя выстрѣлами изъ револьвера добилъ его, послѣ чего тѣло было отвезено въ автомобилѣ и брошено въ прорубь. Разсказывая о своемъ разговорѣ съ Юсуповымъ, Кострицкій вспоминалъ, какое непріятное впечатлѣніе произвелъ на него холодный

и даже циничный тонъ послѣдняго. „Ну, что-же, князь“, спросилъ его Кострицкій, „неужели у Васъ никогда не бываетъ угрызенія совѣсти? вѣдь Вы все-таки человѣка убили“. — „Никогда“, сказалъ Юсуповъ съ улыбкой: „я убилъ собаку“.

Вскорѣ послѣ убійства, Юсуповъ просилъ аудіенціи у Ея Величества, въ которой ему было отказано, такъ какъ у Ея Величества, какъ Она говорила моему отцу, явилось подозрѣніе, что эта аудіенція окончится покушеніемъ уже лично на Нее...

Черезъ нѣсколько дней новое несчастье постигло Царскую Семью: Алексѣй Николаевичъ и Ольга Николаевна заболѣли корью, заразившись отъ маленькаго кадета, который ѣздилъ къ Алексѣю Николаевичу въ гости изъ одного изъ Петроградскихъ корпусовъ. Въ корпусѣ уже была эпидемія кори, и мальчика, жаловавшагося на недомоганіе, отпустили въ Царское Село. Онъ захворалъ, вернувшись изъ отпуска, а черезъ нѣсколько дней слегли и Царскія дѣти. Дружба съ кадетомъ, фамиліи котораго я, къ сожалѣнію, не помню, завязалась у Алексѣя Николаевича въ Могилевѣ.

Государь Императоръ съ начала войны почти безвыѣздно жилъ въ Ставкѣ, находившейся сперва въ Барановичахъ, потомъ въ Могилевѣ. Взявъ на себя командованіе арміями въ самый критическій моментъ и остановивъ, такимъ образомъ, отступленіе, которое велось систематически, Государь окончательно переѣхалъ въ Ставку и перевезъ къ себѣ Алексѣя Николаевича. Государь и Наслѣдникъ жили вмѣстѣ въ одной комнатѣ, вся обстановка которой состояла изъ походныхъ кроватей и нѣсколькихъ стульевъ. И отецъ, и сынъ, оба одинаково наслаждались своей совмѣстной жизнью; Алексѣй Николаевичъ обожалъ отца, и трогательно было видѣть, какъ онъ Его всюду сопровождалъ. Съ Алексѣемъ Николаевичемъ пріѣзжали въ Ставку его учителя, такъ что занятія его не нарушались. Окончивъ уроки, Алексѣй Николаевичъ уходилъ съ Жильяромъ гулять въ городской садъ. Тамъ онъ очень скоро подружился со всѣми мальчиками своего возраста, и они, всѣ вмѣстѣ, устраивали шумныя и воинственныя игры. Больше всего доставляла удовольствія Алексѣю Николаевичу эта простота общенія съ другими дѣтьми, и онъ съ восторгомъ разсказывалъ о всѣхъ происходившихъ баталіяхъ или о томъ, какъ онъ упалъ въ грязь и т. п. Двое изъ этихъ мальчиковъ кадеты, одинъ Петроградскаго, другой Московскаго корпусовъ, допускались въ Ставку и пріѣзжали въ Царское Село, если Алексѣй Николаевичъ былъ тамъ.

Мой отецъ только раза два ѣздилъ съ Его Величествомъ въ Ставку, такъ какъ Государь бралъ съ собой лейбъ-хирурга профессора Федорова, сказавъ моему отцу, что онъ его желаетъ видѣть при Ея Величествѣ и дѣтяхъ. Жизнь въ Могилевѣ, протекавшую въ непосредственной близости къ Государю Императору, мой отецъ вспоминалъ всегда, какъ особенно счастливые дни. Особенно были дороги для моего отца вечера, когда Государь приходилъ отдохнуть и сыграть въ домино или кости съ лицами своей свиты: Воейковымъ, Ниловымъ, Мосоловымъ, флигель-адъютантомъ кн. Игоремъ Константиновичемъ, моимъ отцомъ и нѣкоторыми другими. Послѣ этого приносили самоваръ, и Его Величество лично разливалъ чай. За столомъ велись разнообразные разговоры; очень часто Его Величество разсказывалъ что-нибудь, и мой отецъ всегда любовался содержательностью и ясной простотой Его разсказовъ.

Въ періодъ первыхъ дней болѣзни Алексѣя Николаевича и Ольги Николаевны, Его Величество былъ въ Царскомъ Селѣ, но собирался скоро выѣхать въ Ставку. Болѣзнь проходила съ осложненіями: вслѣдъ за Ольгой Николаевной заболѣла Татьяна Николаевна и А. А. Вырубова, оставшаяся во дворцѣ и очень страдавшая. Мой отецъ дни и ночи проводилъ во дворцѣ, и мы его почти не видѣли. Я лично тоже

была больна ревматизмомъ и лежала наверху у себя въ комнатѣ и, благодаря своей оторванности отъ домашней жизни и общихъ разговоровъ, совершенно не представляла себѣ, что творится въ Петроградѣ. А тамъ уже начинались забастовки, и рабочіе ходили по улицамъ, крича: „хлѣба, хлѣба.“ И вдругъ однажды, послѣ отъѣзда Его Величества въ Ставку, моя тетя разсказываетъ мнѣ, что солдаты запаснаго баталіона Павловскаго полка убили своего командира и вмѣстѣ съ рабочими и еще какими-то полками выступили противъ вѣрныхъ полковъ, въ Петроградѣ идетъ перестрѣлка, манифестаціи принимаютъ все болѣе угрожающій характеръ и къ крикамъ „хлѣба“ прибавились возгласы: „Долой Правительство, долой Алису“, съ еще болѣе грубыми замѣчаніями объ Императрицѣ. Я не повѣрила, и по этому поводу мы даже поссорились съ тетей, т. к. я стала утверждать, что это все сплетни петроградскихъ кумушекъ и что никогда не можетъ дойти дѣло до того, чтобы солдаты, русскіе солдаты, сѣрые герои во время такой великой войны, позволили себѣ убивать своихъ командировъ и участвовать въ оскорбленіяхъ Царской Семьи. Понятно, что тетѣ, читавшей газеты и видавшей очевидцевъ этихъ событій, оставалось только разсердиться на мою наивность и уйти. Все-таки страхъ закрался въ мою душу, и, къ ужасу своему, я вечеромъ получила подтвержденіе всѣхъ этихъ слуховъ отъ моего отца. „Это можетъ быть хуже пятаго года“, говорилъ онъ въ эти дни. Революціонеры ждали и хотѣли отъѣзда Государя въ Ставку, такъ какъ всѣ говорили, что Его присутствіе здѣсь парализуетъ народъ: такъ сильно Его обаяніе. Я не могу налюбоваться твердостью и мужествомъ Ея Величества и младшихъ Великихъ Княженъ. Онѣ присутствуютъ при всѣхъ докладахъ Ея Величеству, и надо сказать, что эти доклады дѣлаются подробнѣе, чѣмъ, можетъ быть, нужно. Онѣ стали совсѣмъ взрослыя и какія очаровательныя, какія умныя и сердечныя, Онѣ такъ поддерживаютъ Ея Величество своими ласками и вниманіемъ.

Какъ сейчасъ помню день 27 февраля . . . Часа два дня . . . Мы всѣ собрались въ гостиной брата, гдѣ солнце яркими весенними пятнами играетъ на малиновомъ плюшѣ большого ковра, на лакированной крышкѣ рояля. и свѣтломъ кретонѣ мебели. Наша родственница, сестра милосердія, пришедшая на часъ изъ лазарета, разсказываетъ намъ со словъ только-что пріѣхавшей изъ Петрограда дамы, что на крышахъ домовъ поставлены пулеметы, изъ которыхъ полиція стрѣляетъ по бунтующимъ войскамъ. Пулеметы стоятъ и на Полицейскомъ мосту, уже неизвѣстно даже чьи, возставшихъ или Правительства, и по Литейному приходится передвигаться чуть не ползкомъ, такъ какъ пулеметы трещатъ безостановочно. Офицеры въ лазаретѣ въ удрученномъ состояніи, особенно волынцы, т. к. они узнали по телефону, что солдаты ихъ запаснаго батальона пришли разоружать офицеровъ, и девять сопротивлявшихся были убиты, а остальные арестованы. Офицеры другихъ запасныхъ батальоновъ тоже были обезоружены и арестованы; убитыхъ еще было мало. Мы слушали всѣ эти разсказы и все-таки никакъ не могли проникнуться серьезностью положенія, такъ намъ, жившимъ своимъ особымъ семейнымъ міромъ, казалось это дикимъ. Мой отецъ, всю ночь дежурившій при Ихъ Высочествахъ, еще не возвращался, и въ этотъ моментъ мы съ радостью увидали его карету, въѣзжавшую во дворъ. Вскорѣ его шаги раздались по лѣстницѣ, и онъ вошелъ въ комнату въ пальто и съ фуражкой въ рукахъ. Мы кинулись къ нему съ привѣтствіями и разспросами о здоровьѣ Ихъ Высочествъ, которыя уже всѣ лежали, но онъ отстранилъ насъ, чтобы не заразить корью и, сѣвъ въ сторонкѣ у дверей, спросилъ, знаемъ ли мы, что происходитъ. „Конечно, знаемъ, но развѣ это все такъ серьезно?“ отвѣтили мы, уже сами теперь встревоженные видомъ отца, у котораго

сквозь обычную выдержку и спокойствіе, проскальзывало что-то, пугавшее насъ. „Настолько серьезно, что существуетъ мнѣніе, будто, во избѣжаніе кровопролитія, Государь долженъ отречься отъ престола, хотя бы въ пользу Алексѣя Николаевича.“ Мы отвѣтили на это гробовымъ молчаніемъ. „Несомнѣнно, что и здѣсь, въ Царскомъ, начнутся выступленія и безпорядки и, конечно, центромъ будетъ дворецъ, поэтому я Васъ очень прошу уѣхать пока изъ дому, т. к. я самъ переселяюсь во дворецъ. Если вамъ дорого мое спокойствіе, то вы это сдѣлаете.“ — „Когда же, къ кому?“ — „Не позже, чѣмъ черезъ два часа, я долженъ быть обратно во дворцѣ, а до этого я бы лично хотѣлъ отвезти васъ.“ И дѣйствительно, черезъ два часа мы съ младшимъ братомъ уже были водворены къ старому другу нашихъ родителей Устиньѣ Александровнѣ Тевяшовой. Старшій братъ, больной ревматизмомъ, съ женой былъ у тещи, а въ нашемъ домѣ оставалась только прислуга да тетя, рѣшившая, что ее никто не тронетъ.

Погода, точно нарочно, перемѣнилась, соотвѣтственно нашему настроенію. Солнца уже не было, и снѣгъ началъ падать густыми бѣлыми хлопьями. Домъ, въ который мы переѣхали, стоялъ какъ разъ въ районѣ, занимаемомъ казармами, и когда стемнѣло, на улицѣ послышались выстрѣлы и щелканье пуль. На развѣдки былъ тотчасъ же посланъ старый лакей Иванъ Капитоновичъ, а мы съ хозяйкой дома сидѣли въ столовой при одной свѣчѣ, съ тревогой прислушиваясь къ тому, что происходило на улицѣ. Иванъ Капитоновичъ вскорѣ вернулся и сообщилъ, что І-ый стрѣлковый полкъ и артиллеристы бунтуютъ, а въ остальныхъ полкахъ пока спокойно. Часовъ около 7-ми пришелъ мой братъ, который объявилъ, что стрѣлять перестали, ходятъ патрули подъ командой офицеровъ, и хотя въ толпѣ и говорили: „идемъ дворецъ громить“, однако никто туда не пошелъ, а, по слухамъ, Великій князь Павелъ Александровичъ принялъ командованіе всѣми Царскосельскими полками, и поэтому все будетъ спокойно. Однако онъ очень и очень ошибся. Вскорѣ пришли свѣдѣнія, что изъ Петрограда толпа революціонеровъ, въ количествѣ 8 тысячъ человѣкъ, съ пулеметами и броневыми автомобилями, идетъ на Царское Село, чтобы разгромить дворецъ. Несмотря на эти ужасныя свѣдѣнія, мы съ братомъ пошли спать. Я раздѣлась и легла, но спать не могла, а потому на разсвѣтѣ встала и вышла въ столовую. Иванъ Капитоновичъ, въ клѣтчатыхъ ночныхъ туфляхъ и большомъ передникѣ, накрывалъ утренній чай. Онъ разсказалъ, что ночью І-ый стрѣлковый полкъ и артиллеристы пошли снимать другіе полки. 2-ой полкъ примкнулъ сразу, а 4-й Императорской Фамиліи сперва отказался, и всѣ солдаты плакали, слушая рѣчь стараго офицера, капитана Кушелева, но потомъ, по словамъ Ивана Капитоновича, пошли и „весь чихаузъ разграбили“ и теперь пьютъ и грабятъ вмѣстѣ со всѣми. Дѣйствительно, на улицѣ творилось что-то невѣроятное: пьяные солдаты, безъ ремней и разстегнутые, съ винтовками и безъ, бѣгали взадъ и впередъ и тащили все, что могли, изъ всѣхъ магазиновъ. Кто бѣжалъ съ кускомъ сукна, кто съ сапогами, нѣкоторые, уже и такъ совершенно пьяные, тащили бутылки вина и водку, другіе всѣ замотались пестрыми шелковыми лентами. Тутъ же бѣгалъ растерянный жидъ-ростовщикъ, бабы и гимназисты. Ночью былъ пожаръ въ одномъ изъ самыхъ большихъ магазиновъ, во время котораго въ погребѣ угорѣли пьяные солдаты. Иванъ Капитоновичъ, подавъ чай, опять побѣжалъ за новостями. Наша хозяйка и ея дочь не спали всю ночь и съ нетерпѣніемъ ожидали каждый разъ результатовъ развѣдки. Оказалось, что вчера былъ посланъ въ Петроградъ на усмиреніе взводъ стрѣлковъ Императорской Фамиліи. Они долго отстрѣливались на вокзалѣ, но затѣмъ вынуждены были отступить, такъ какъ патроны, доставляемые имъ взводомъ І-го стрѣлк. полка, подъ



Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ въ Ставкѣ. Могилевъ. 1916.



Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ за урокомъ со своимъ преподавателемъ русскаго языка Петромъ Васильевичемъ Петровымъ. Царское Село. Январь 1913 г.



Государь Императоръ съ Августѣйшими Дѣтьми на Императорской Яхтѣ. Лѣтомъ 1911 г.



И. И. В. Великія Княжны въ 1909 г.

командой прикомандированнаго къ этому полку кап. Аксюты, были Аксютой переданы рабочимъ. Другой офицеръ, корнетъ Тимофеевъ и два солдата ранены и отвезены въ Царское Село. Зато революціонныя войска, шедшія на Царское Село, потерпѣли неудачу: они дошли только до станціи Средняя Рогатка, гдѣ автомобили застряли въ снѣгу, а пока они ихъ отрывали, революціонный пылъ настолько охладѣлъ, что они рѣшили вернуться въ Петроградъ. Въ теченіе всего этого дня мы все чаще и чаще слышали имя кап. Аксюты, котораго I-й полкъ избралъ своимъ командиромъ. Домъ прежняго командира, полк. Джуліани, окружили и обстрѣливали, несмотря на то, что самъ Джуліани лежалъ больной грудной жабой. Это, а также и обстрѣлъ дома д-ра Ястребова, въ лѣчебницѣ котораго умерла жена Аксюты, приписывались Аксютѣ. Всѣ безобразія, происходившія въ Царскомъ Селѣ, велись, главнымъ образомъ, I-мъ полкомъ и всюду сопровождались именемъ Аксюты. Изъ Петрограда прибыла милиція, съ бѣлыми повязками на рукавахъ, объявившая, что за появленіе въ пьяномъ видѣ виновный будетъ разстрѣлянъ. Однако, это распоряженіе ни разу не было приведено въ исполненіе, такъ какъ слѣдовало бы начать съ милиціи. По улицамъ гарцовали нижніе чины Конвоя Его Величества, надушенные, напомаженные, съ красными бантами, всѣ моментально забывшіе то исключительное положеніе, которое они занимали при Дворѣ, ту ласку и вниманіе, которое имъ оказывали Ихъ Величества.

Сводно-пѣхотный полкъ держался дольше другихъ, такъ что Государыня лично приказала караулу отъ этого полка надѣть бѣлыя повязки, чтобы они не подвергались враждебнымъ выступленіямъ другихъ полковъ. Цѣлые дни проводили мы у оконъ столовой, наблюдая за происходящимъ на улицѣ. Въ нашемъ районѣ было немного спокойнѣе. Изрѣдка появлялись группы пьяныхъ солдатъ или пролетали грузовые автомобили съ плакатами, призывавшими къ порядку. На одномъ изъ автомобилей, на переднемъ мѣстѣ, рядомъ съ шофферомъ почему-то сидѣла сестра милосердія, въ развѣвающейся бѣлой косынкѣ; а внутри всюду солдаты. Не тѣ прежніе солдаты, хорошо одѣтые, спокойные и веселые, а какіе-то другіе, новые для насъ, растерзанные, безъ ремней, съ красными возбужденными лицами, на которыхъ читалось какое-то страшное выраженіе пьянаго, звѣрскаго наслажденія. На углу улицы все время стояла группа изъ нѣсколькихъ любопытныхъ обывателей, между которыми появлялись наши развѣдчики: Иванъ Капитоновичъ или молодой лакей Петръ. Неизвѣстно чей гусь, быстро перебирая своими красными лапами по бѣлому снѣгу, все выбѣгалъ на середину улицы, вертѣлся въ толпѣ, куда-то исчезалъ и черезъ пять минутъ опять появлялся, растерянно бѣгая взадъ и впередъ. Вдали слышались выстрѣлы, говорили, что это и есть обстрѣлъ домовъ Джуліани и Ястребова. Иванъ Капитоновичъ приносилъ газеты, изъ которыхъ мы узнали новый составъ кабинета со Львовымъ, Керенскимъ и Гучковымъ, который выпустилъ свой приказъ № 1, приведшій насъ въ ужасъ, т. к. ясно можно было предвидѣть, чѣмъ закончится законная распущенность, предоставляемая каждому солдату. Также изъ газетъ узнали мы, что Рузскій, Гучковъ и Шульгинъ выѣхали къ Государю въ Ставку. Въ одинъ изъ первыхъ же дней появился какой-то реалистъ лѣтъ 15-ти и объявилъ Устиньѣ Александровнѣ (нашей хозяйкѣ), что онъ теперь начальникъ участка, и въ случаѣ безпорядковъ, она можетъ обращаться къ нему, а пріемные часы у него отъ 5-ти до 6-ти ежедневно. Семидесяти-пяти-лѣтняя величественная старушка, генералъ-губернаторша, привыкшая видѣть другихъ представителей власти въ своемъ домѣ, приняла все это со свойственнымъ ей юморомъ и, сдѣлавъ серьезный видъ, проводила молодого человѣка до передней, при чемъ онъ на прощаніе басомъ заявилъ: „Извиняюсь, я Вамъ тутъ, кажется, наслѣдилъ."

2-го марта мой отецъ пріѣхалъ насъ навѣстить. Его карета, запряженная парой лошадей, въ блестящей орлами упряжи, кучеръ въ трехуголкѣ, тоже весь увѣнчанный орлами, а больше всего пальто моего отца на генеральской подкладкѣ, привлекли толпу солдатъ съ винтовками и красными бантами. Пока мой отецъ разговаривалъ съ нами, нѣсколько человѣкъ, съ офицеромъ во главѣ, позвонили съ парадной и наткнулись на саму Устинью Александровну. „У Васъ генералъ Боткинъ“, приступилъ къ ней прапорщикъ въ папахѣ и съ краснымъ бантомъ. „Не генералъ, а докторъ, пріѣхалъ лѣчить больного“ (это былъ фактъ, такъ какъ братъ Устиньи Александровны лежалъ больной, и мой отецъ его лѣчилъ). „Это все равно, намъ велѣно всѣхъ генераловъ арестовывать.“ — „Мнѣ тоже все равно, кого Вы должны арестовывать, а я думаю, что разговаривая со мной, вдовой генералъ-адъютанта, вы, во-первыхъ, должны снять шапку, а, во-вторыхъ, можете отсюда убираться.“ Опѣшившіе товарищи, еще недостаточно проникнутые революціоннымъ духомъ, сняли шапки и удалились, но тѣмъ не менѣе, когда мой отецъ вышелъ и сѣлъ въ карету, за нимъ поскакалъ верхомъ вооруженный солдатъ, сопровождавшій его такъ во всѣхъ разъѣздахъ по городу и проводившій до самаго дворца. Мой отецъ разсказалъ намъ, что нѣсколько комнатъ во дворцѣ заняты большими ящиками, въ которые спѣшно упаковываются вещи, и Ея Величество спросила его, согласенъ ли онъ, въ случаѣ отъѣзда Ихъ Величествъ заграницу, ѣхать тоже. Конечно, отвѣтъ моего отца былъ утвердительный, что, видимо, очень тронуло Ея Величество, уже такъ привыкшую къ холодности окружающихъ. Мы только и думали о возможно скоромъ выѣздѣ Ихъ Величествъ, такъ какъ чувствовали, чѣмъ можетъ кончиться „великая и безкровная революція.“

3-го марта вечеромъ Устинья Александровна встревоженная вошла въ мою комнату, гдѣ мы съ братомъ пробовали развлечься чтеніемъ какой-то книги. „Сынъ Ивана только что вернулся изъ Петрограда и говоритъ, что офицеры и солдаты ѣздятъ на автомобилѣ и разбрасываютъ бюллетени, въ которыхъ сказано, что Государь отрекся за себя и за Наслѣдника въ пользу Михаила Александровича, а Михаилъ Александровичъ предоставилъ все народному собранію.“ Мы не повѣрили, какъ не вѣрили съ перваго слуха ни одному дурному извѣстію, но на слѣдующій день появился въ газетахъ манифестъ объ отреченіи, изложенный тѣми простыми и великими словами, которыми умѣлъ говорить одинъ Государь . . .

Вновь сформированное временное правительство разослало листки для подписки. Офицеры одного лазарета не хотѣли подписывать, но Ея Величество по телефону приказала это имъ сдѣлать.

Все было кончено.

Впослѣдствіи мы узнали ту ужасную обстановку, которую создали вокругъ Его Величества съ момента революціи. Когда Онъ пожелалъ ѣхать въ Царское Село, Его поѣздъ задержали на ст. Дно, и тамъ Гучковъ, Рузскій и Шульгинъ въ теченіе цѣлой ночи говорили съ Его Величествомъ, вынудивъ у Него отреченіе, какъ говорили, подъ страхомъ причинить ухудшеніе положенія семьи. Не знаю, кто изъ этихъ трехъ лицъ распустилъ отвратительный и совершенно не имѣвшій никакого основанія слухъ, что Государь Императоръ, Ниловъ и Воейковъ находились въ исключительно возбужденномъ состояніи подъ вліяніемъ выпитаго вина. Эта ложь, какъ и всѣ грязныя сплетни про Царскую Семью, быстро распространилась среди публики, передававшей ее, какъ и вообще все дурное про Царскую Семью, съ особымъ удовольствіемъ. Тѣ же, кто хоть разъ видѣлъ Его Величество и обстановку, Его окружавшую, могутъ подтвердить, какая это нелѣпая ложь. Я не буду отрицать,

что Ниловъ пилъ не только дома, но появлялся иногда при Ихъ Величествахъ въ веселомъ состоянiи, однако никогда не переходившемъ границъ приличiя и поэтому вполнѣ терпимомъ. Возможно, что и въ этотъ вечеръ онъ выпилъ, тѣмъ болѣе, что въ такie дни каждому изъ насъ хотѣлось какъ-нибудь забыться, но говорить, что Воейковъ пилъ, могутъ только люди, абсолютно его не знавшie. Еще въ бытность свою командиромъ Лейбъ-Гвардiи Гусарскаго Его Величества полка, онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что всѣми силами противился даже умѣренному питью, такъ что демонстративно пилъ на полковыхъ обѣдахъ молоко, примѣняя вино только для заздравныхъ тостовъ. Позволить же себѣ такую ложь относительно Его Величества, человѣка самой скромной и святой жизни, могутъ только люди, которые для достиженiя своихъ цѣлей развращенiя массъ не гнушаются никакими средствами, и это является хорошей характеристикой нашихъ революцiонныхъ дѣятелей.

5-го марта мой отецъ опять прiѣзжалъ къ намъ, но уже въ штатскомъ, и говорилъ, что прiѣздъ Его Величества ожидается съ минуты на минуту. Тотчасъ же послѣ возвращенiя Его Величества въ Царское, вся Царская семья и бывшая во дворцѣ свита и прислуга были объявлены арестованными. Къ прiѣзду Его Величества, на перронѣ Императорской вѣтки былъ выстроенъ взводъ 1-го стрѣлк. запаснаго батальона со своимъ командиромъ, капитаномъ Аксютой, и взводъ запаснаго батальона стрѣлковъ Императорской Фамилiи съ командиромъ шт.-кап. Апухтинымъ. Онъ, тоже избранный революцiонными солдатами, но офицеръ стараго времени, Георгiевскiй кавалеръ, сумѣлъ за время командованiя батальономъ настолько держать его въ рукахъ, что нижнie чины батальона 4-го полка еще долго сохраняли остатки старой выправки, а нѣкоторые и старыхъ убѣжденiй. Разсказывали, что Аксюта, встрѣчая Государя, на Его „Здравствуйте“ демонстративно-вызывающе отвѣтилъ: „здравствуйте, господинъ полковникъ“ Апухтинъ же постарался скрыться, чтобы не быть вынужденнымъ отвѣтить также. Въ Александровскiй дворецъ былъ назначенъ комендантъ-ротмистръ Коцебу, когда-то служившiй въ Уланскомъ Ея Величества полку и исключенный оттуда за какiя-то исторiи. Мы подумали, что и здѣсь постарались уколоть Ея Величество, но если, дѣйствительно, таковы были намѣренiя у назначавшихъ Коцебу, то этотъ планъ у нихъ не удался, такъ какъ Коцебу держалъ себя съ большимъ тактомъ и вскорѣ былъ смѣненъ по наговорамъ охраны. Говорили, что здѣсь опять виноватъ Аксюта, прослѣдившiй, какъ Коцебу передавалъ корреспонденцiю заключеннымъ, не вскрывая. Мой отецъ не могъ сказать, исключительно ли это Аксюта сдѣлалъ, такъ какъ охрана тоже была недовольна любезностью Коцебу. Охрану несли стрѣлки 1-го, 2-го и 4-го зап. батальоновъ, преимущественно съ прикомандированными офицерами. Одинъ изъ этихъ офицеровъ во время прогулки Государя по парку нарочно наступилъ Ему на пятку. Государь, не оборачиваясь, въ тотъ же моментъ, съ такой силой далъ размахъ назадъ своей тросточкѣ, что ни этотъ, ни другie не пробовали больше такихъ выходокъ. Конечно, солдаты продолжали позволять себѣ разговоры объ Ихъ Величествахъ и Ихъ Высочествахъ въ Ихъ присутствiи, во время прогулокъ по парку или работъ, въ которыхъ даже Ея Величество принимала участie. Весной Его Величество съ дочерьми очищалъ паркъ отъ снѣга, а лѣтомъ они всѣ вмѣстѣ работали надъ огородомъ, при чемъ неутомимость Его Величества такъ поразила солдатъ, что одинъ изъ нихъ сказалъ: „Вѣдь, если ему дать кусокъ земли и чтобы онъ самъ на немъ работалъ, такъ скоро опять себѣ всю Россiю заработаетъ.“ Безобразно было отношенie публики, собиравшейся въ эти часы около рѣшетки парка, облѣплявшей

ее со всѣхъ сторонъ и провожавшей каждое движеніе Великихъ Княженъ и Его Величества насмѣшками и грубыми замѣчаніями. Конечно, попадались и такіе, которые, съ болью въ душѣ, шли еще разъ посмотрѣть на обожаемую Семью, но ихъ было не больше одного-двухъ человѣкъ.

Первое время по возвращеніи въ Царское Село, Его Величество, по требованію правительства, былъ отдѣленъ отъ Ея Величества, и имъ разрѣшено было видѣться только въ обѣденные часы, когда въ столовой присутствовали офицеры и нижніе чины охраны. Даже къ дѣтямъ, еще больнымъ, они должны были приходить въ разные часы. Раньше другихъ поправилась Татьяна Николаевна, ежедневно проводившая нѣсколько часовъ вдвоемъ съ Его Величествомъ въ кабинетѣ и, возвращаясь, говорила: „Мы съ папа вдвоемъ сидѣли, такъ было уютно." Ея Величество проводила всѣ дни возлѣ дѣтей и А. А. Вырубовой. По вечерамъ Его Величество читалъ вслухъ Великимъ Княжнамъ, которыя, выздоравливая, переѣхали въ одну комнату, при чемъ Ольга Николаевна и Марія Николаевна, какъ не вполнѣ поправившіяся, спали въ кроватяхъ, а Татьяна Николаевна и Анастасія Николаевна вмѣстѣ на одной атаманкѣ. Его Величество приходилъ къ нимъ, когда онѣ уже лежали въ постеляхъ. Великія Княжны приготовляли для Него кресло и маленькій столикъ съ лампой и книгой посреди комнаты, чтобы имъ всѣмъ было хорошо слышно, и трогательно было видѣть, какъ дочери и отецъ искали утѣшенія и развлеченія въ обществѣ другъ друга. Жизнь во дворцѣ протекала тихо. По мѣрѣ выздоровленія, Ихъ Высочества принялись за уроки, но такъ какъ учителей къ нимъ не допускали, за исключеніемъ тоже арестованнаго Жильяра, то эти обязанности Ея Величество раздѣлила между всѣми. Она лично преподавала всѣмъ дѣтямъ Законъ Божій, Его Величество — Алексѣю Николаевичу географію и исторію, Великая Княжна Ольга Николаевна своимъ младшимъ сестрамъ и брату англійскій языкъ, Екатерина Адольфовна Шнейдеръ Великимъ Княжнамъ и Наслѣднику — ариѳметику и русскую грамматику, граф. Гендрикова Великой Княжнѣ Татьянѣ Николаевнѣ — исторію, д-ру Деревенко было поручено преподаваніе Алексѣю Николаевичу естествовѣдѣнія, а мой отецъ занимался съ нимъ русскимъ чтеніемъ. Они оба увлекались лирикой Лермонтова, котораго Алексѣй Николаевичъ училъ наизусть, кромѣ того, онъ писалъ переложенія и сочиненія по картинамъ, и мой отецъ наслаждался этими занятіями. Разрѣшалось два раза въ день выходить на прогулку въ сопровожденіи часовыхъ или, какъ я уже говорила, на садовыя работы. Развлеченіе доставляли книги и переписка съ друзьями и родственниками; свитѣ иногда разрѣшались свиданія съ родными, но въ присутствіи часовыхъ. Переписка тоже очень теряла, т. к. каждое письмо съ обѣихъ сторонъ прочитывалось не только комендантомъ Дворца, но даже дежурнымъ офицеромъ, а иногда и солдатами. Комендантомъ послѣ Коцебу былъ назначенъ полк. Коровиченко, другъ Керенскаго, впослѣдствіи командующій войсками, сперва Казанскаго, потомъ Ташкентскаго округовъ, гдѣ онъ былъ большевиками разорванъ на части, а его жена и дѣти скрывались въ сартскихъ деревняхъ. Это былъ очень образованный и неглупый, но чрезвычайно нетактичный и грубый человѣкъ. Онъ позволялъ себѣ, получивъ и прочитавъ письма, носить ихъ въ карманѣ и не выдавать ихъ адресату, разсказывая въ то же время, въ постороннихъ разговорахъ, содержаніе этихъ писемъ. Затѣмъ, подмѣтивъ нѣкоторыя любимыя выраженія Ихъ Высочествъ, какъ, напримѣръ, употребленіе слова „аппетитно" не для однихъ съѣдобныхъ вещей, вдругъ говорилъ которой-нибудь изъ Великихъ Княженъ: „Какая у Васъ аппетитная книга, такъ и хочется скушать." Конечно, подобныя выходки не могли къ нему расположить арестованныхъ.



Выѣздъ на прогулку Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Θеодоровны съ Августѣйшими Дочерьми.

Изрѣдка пріѣзжалъ Керенскій, и эти посѣщенія тоже никого не радовали. Онъ начиналъ подробный осмотръ всѣхъ комнатъ и разспрашивалъ Ихъ Величествъ, въ чемъ они нуждаются, при чемъ всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что Они всѣмъ довольны. Въ первый свой пріѣздъ онъ обратился къ Его Величеству съ предложеніемъ уѣхать въ Англію, что было Его Величествомъ отвергнуто. Затѣмъ онъ пріѣхалъ еще разъ, чтобы отдать распоряженіе объ увозѣ Анны Александровны Вырубовой, при чемъ обратился съ вопросомъ къ моему отцу, не считаетъ ли онъ состояніе здоровья Анны Александровны препятствіемъ для ея отъѣзда изъ дворца. Мой отецъ, не безъ основанія думавшій, что присутствіе Анны Александровны еще больше раздражаетъ революціонное начальство и привлекаетъ вниманіе толпы, далъ свое согласіе, т. к., къ тому же, Анна Александровна вполнѣ поправилась. Этотъ отъѣздъ былъ большимъ огорченіемъ для Ея Величества, и, можетъ быть, если бы отецъ предвидѣлъ всѣ мученія, предстоявшія Аннѣ Александровнѣ въ Петропавловской крѣпости, онъ воспротивился бы ея отъѣзду.

Между тѣмъ революція шла своимъ порядкомъ: началось звѣрское избіеніе офицеровъ въ Кронштадтѣ, гдѣ людей обкладывали сѣномъ и, обливъ керосиномъ, сжигали, клали въ гробы вмѣстѣ съ разстрѣлянными живого, разстрѣливали отцовъ на глазахъ у сыновей. На фронтѣ братались и отступали, несмотря на колоссальныя техническія силы, собранныя передъ революціей. Въ тылу все ухудшался продовольственный вопросъ, и купцовъ возили по городу съ плакатами или повѣшенными на шеѣ продуктами, въ которыхъ они, якобы, смошенничали. На желѣзныхъ дорогахъ классные вагоны были переполнены удиравшими съ фронта или просто путешествовавшими солдатами, которые сдирали обивку, плевали на полъ и били стекла. Дворцы разграблялись по мелочамъ какими-то неизвѣстными посѣтителями и солдатами, уносившими тюки штофныхъ портьеръ на платья женамъ.

Несмотря на всѣ безпорядки, революціонный Петроградъ готовился къ большому празднеству: похороны жертвъ революціи. Похороны должны были быть гражданскія, чего многіе родственники вовсе не желали, и поэтому часть тѣлъ оказалась, несмотря на стражу, выкраденной. Количество жертвъ оказалось очень ничтожнымъ, и это смутило революціонныя власти, но ненадолго: онѣ отправились по всѣмъ мертвецкимъ и набрали какихъ-то китайцевъ, умершихъ отъ тифа, и неизвѣстныхъ покойниковъ, которыхъ положили въ гробы, затянутые въ красныя тряпки, и отправились хоронить на Марсовомъ полѣ. То же самое рѣшено было сдѣлать въ Царскомъ Селѣ, но тамъ количество жертвъ революціи оказалось совсѣмъ мизернымъ: всего 6 человѣкъ солдатъ, угорѣвшихъ пьяными въ подвалѣ магазина. Тогда въ больницѣ нашли какую-то покойницу кухарку, а съ Казанскаго кладбища выкопали уже давно похороненнаго стрѣлка, который былъ раненъ на усмиреніи революціонеровъ въ Петроградѣ. Рѣшено было похоронить ихъ на лужайкѣ въ Александровскомъ паркѣ, подъ окномъ кабинета Государя. Уже не говоря о томъ, какъ это было намѣренно оскорбительно для Царской Семьи, всякій, даже не порядочный, но хотя бы одаренный извѣстнымъ эстетическимъ чувствомъ человѣкъ, долженъ былъ воспротивиться этому, такъ хороша была эта ярко-зеленая лужайка, разстилавшаяся отъ чугунной ограды, между двумя аллеями вѣковыхъ лиственницъ, до самаго дворца, который бѣлѣлъ въ глубинѣ, на фонѣ синяго неба, своимъ полукруглымъ фронтономъ. Это была середина Пасхальной недѣли, и погода была уже теплая, весенняя; почки зеленѣли, и грѣло веселое солнце. Ея Величество съ Великими Княжнами сидѣла у одного изъ оконъ дворца; у другого окна въ нижнемъ этажѣ сидѣли фрейлины — гр. Гендрикова и баронесса Буксгевденъ, и всѣ вмѣстѣ, какъ потомъ оказалось,

желали одного и того же: чтобы погода испортилась. Ихъ желаніе было услышано, и въ тотъ моментъ, когда красные гробы, сопровождаемые мѣстнымъ гарнизономъ и довольно небольшимъ количествомъ публики, подъ звуки „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой“, появились въ оградѣ парка, солнце вдругъ спряталось, небо заволоклось тучами, и густыми хлопьями сталъ падать мокрый, холодный снѣгъ, закрывшій своей пеленой всѣхъ участниковъ торжества отъ глазъ Царской Семьи...

Въ концѣ мая мой отецъ былъ временно выпущенъ изъ-подъ ареста для жизни дома, такъ какъ жена моего брата была при смерти. Изъ другихъ лицъ свиты была освобождена оберъ-гофмейстерина Елизавета Алексѣевна Нарышкина, заболѣвшая воспаленіемъ легкихъ, такъ какъ охрана сократила отопленіе дворца.

До возвращенія моего отца домой, я два раза была у него во дворцѣ. Онъ выходилъ меня встрѣчать къ воротамъ парка. Въ видѣ большой любезности мнѣ разрѣшали пройти въ караульное помѣщеніе, но и тамъ мы все время разговаривали въ присутствіи дежурнаго офицера или одного изъ солдатъ. Мой отецъ выбиралъ всегда дни дежурства запаснаго батальона 4-го Стрѣлковаго Императорской Фамиліи полка, т. к. они держали себя лучше остальныхъ, и я торопилась, чтобы уйти до смѣны караула и появленія 1-го или 2-го полка.

Ко времени выѣзда моего отца изъ дворца, комендантъ Коровиченко уже былъ назначенъ командующимъ Казанскимъ Военнымъ Округомъ, а его мѣсто занялъ полковникъ лейбъ-гвардіи Петроградскаго полка Евгеній Степановичъ Кобылинскій, впослѣдствіи сопровождавшій Ихъ Величествъ въ Тобольскъ. Люди праваго направленія возмущались поступкомъ Кобылинскаго, удивляясь, какъ гвардейскій полковникъ стараго времени могъ взять на себя должность „тюремщика“ при Царской Семьѣ. Между тѣмъ, никто изъ нихъ не подумалъ, какую пользу можетъ принести вѣрный человѣкъ на такомъ посту, никто не оцѣнилъ великаго и благороднаго поступка Кобылинскаго по достоинству, никто не подумалъ, что, несмотря на революцію и состоя якобы въ противномъ лагерѣ, онъ продолжалъ служить Государю Императору вѣрой и правдой, терпя грубости и нахальство охраны и презрительное отношеніе со стороны нѣкоторыхъ арестованныхъ, не понимавшихъ трудности его щекотливаго положенія. Евгеній Степановичъ Кобылинскій сдѣлалъ для Царской Семьи все, что могъ, и не его вина, если недальновидные монархисты-организаторы не смогли даже въ этомъ разобраться и не обратились къ единственному человѣку, который имѣлъ полную возможность организовать освобожденіе Царской Семьи и ждалъ только какой-нибудь помощи извнѣ, которую онъ самъ не могъ призвать, такъ какъ каждое его дѣйствіе, каждое его слово, чуть не мысль, были подъ непрестаннымъ надзоромъ трехсотъ враждебно настроенныхъ, подозрительныхъ солдатъ. Впослѣдствіи, разсказывая о жизни Ихъ Величествъ въ Тобольскѣ, я буду подробнѣе разсказывать объ участіи въ этой жизни Кобылинскаго. На мѣсто коменданта Кобылинскій былъ назначенъ генераломъ Корниловымъ, который еще былъ командующимъ войсками.

Когда мой отецъ увидѣлъ, что жена брата внѣ опасности, онъ спросилъ Ихъ Величествъ, желаютъ ли они его возвращенія, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, обратился къ полковнику Кобылинскому съ просьбой спросить на это разрѣшеніе Керенскаго, т. к., по правиламъ, разъ выпущенное лицо свиты, нельзя было впускать обратно. Вскорѣ полк. Кобылинскій далъ знать моему отцу, что Керенскій лично желаетъ его видѣть. Разговоръ отца съ Керенскимъ происходилъ въ Петроградѣ и подробно мнѣ неизвѣстенъ; повидимому, онъ касался лишь желанія моего отца вернуться во дворецъ и предполагаемаго отъѣзда Ихъ Величествъ. Не знаю, сказалъ

ли Керенскій назначенный день отъѣзда, т. к. мой отецъ до послѣдняго момента говорилъ, что онъ только предполагаетъ, что отъѣздъ состоится вскорѣ послѣ дня рожденія Алексѣя Николаевича, что же касается мѣста отправки, то Керенскій назвалъ нѣсколько городовъ Поволжья и Сибири. 30-го іюля мой отецъ вошелъ къ арестованнымъ въ Александровскій дворецъ, а въ ночь съ 31 на 1-е августа Ихъ Величествъ увезли въ Тобольскъ, при чемъ во все время пути до г. Тюмени они не знали, гдѣ имъ будетъ назначено остановиться. Говорили потомъ, что эта ночь отъѣзда изъ родного дома въ неизвѣстныя мѣста была очень тяжела. Отъѣздъ назначенъ былъ въ 1 часъ ночи, а выѣхали они около 6 час. утра. Великія Княжны много плакали, Императрица тоже была встревожена, а мой отецъ ходилъ отъ однихъ къ другимъ съ бутылочкой капель и всѣхъ утѣшалъ. Когда всѣ усѣлись, Керенскій подскочилъ къ автомобилямъ и повелительно крикнулъ: „Можно ѣхать." Тотчасъ же весь поѣздъ тронулся по направленію къ Императорской вѣткѣ. Изъ лицъ свиты Ихъ Величествъ сопровождали: фрейлина графиня Анастасія Васильевна Гендрикова, гофъ-лектриса Екатерина Адольфовна Шнейдеръ, генералъ-адъютантъ Илья Леонидовичъ Татищевъ, гофмаршалъ князь Василій Александровичъ Долгоруковъ, Петръ Андреевичъ Жильяръ и мой отецъ. Докторъ Деревенко, съ разрѣшенія Керенскаго, получилъ отпускъ и долженъ былъ пріѣхать впослѣдствіи, фрейлина баронесса Буксгевденъ вынуждена была остаться въ Петроградѣ изъ-за предстоявшей ей операціи апендицита. Охрану несъ „Отрядъ Особаго Назначенія," состоявшій изъ трехъ ротъ отъ 1-го, 2-го и 4-го запасныхъ гвардейскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ, каждая при двухъ офицерахъ на роту: отъ 1-го полка прапорщикъ Зима и прапорщикъ Мяснянкинъ, отъ 2-го прапорщикъ Семеновъ и пр. Пыжовъ, отъ 4-го поручики Каршинъ и Малышевъ. Хозяйственной частью завѣдывалъ все тотъ же капитанъ Аксюта, комендантомъ и начальникомъ отряда былъ полк. Кобылинскій, при немъ адъютантъ-поручикъ Мундель. Офицеры всѣ были не кадровые, а прикомандированные, въ большинствѣ очень лѣваго направленія, за исключеніемъ Мундель, уже немолодого человѣка, бывшаго правовѣда, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, занимавшаго какое-то большое мѣсто въ одномъ изъ министерствъ, и поручика Малышева, сразу пріобрѣвшаго расположеніе Царской Семьи. Остальные офицеры тоже держали себя очень корректно, и даже страшный для насъ по Царскосельскимъ воспоминаніямъ кап. Аксюта ни во что, кромѣ хозяйственной части, не вмѣшивался, рѣдко ходилъ къ солдатамъ, и когда одинъ разъ ему пришлось замѣнить въ караулѣ одного изъ захворавшихъ офицеровъ, онъ очаровалъ всѣхъ арестованныхъ любезностью своего обращенія, такъ что, судя по его жизни въ Тобольскѣ, ему никакъ нельзя было приписать всѣхъ царскосельскихъ слуховъ.

Кобылинскій получилъ отъ Керенскаго бумагу, въ которой предписывалось всѣмъ: „Слушаться распоряженій полковника Кобылинскаго, какъ моихъ собственныхъ. Александръ Керенскій". Кромѣ бумаги, были устныя наставленія поддерживать въ Тобольскѣ царскосельскій режимъ, т. е. не выпускать никого за предѣлы отведенныхъ помѣщеній, за исключеніемъ доктора Деревенко и моего отца, которымъ разрѣшалось приносить медицинскую помошь населенію. Мой отецъ былъ назначенъ Керенскимъ состоять при Ихъ Величествахъ, а Деревенко-врачемъ Отряда Особаго Назначенія.

Кромѣ Кобылинскаго, былъ назначенъ комиссаръ по гражданской части Макаровъ, пробывшій два года на каторгѣ и говорившій, что онъ соціалистъ-революціонеръ, и это заявленіе повергло всѣхъ, въ особенности Илью Леонидовича Татищева, въ величайшее недоумѣніе. Высокаго роста, съ тонкими чертами красиваго лица, пре-

красно одѣтый, гладко причесанный, съ полированными ногтями, онъ съ перваго взгляда производилъ впечатлѣніе человѣка хорошей семьи и отнюдь не зараженнаго новыми идеями. Не знаю, за что онъ былъ на каторгѣ.

Илья Леонидовичъ очень любилъ разсказывать о своемъ знакомствѣ съ Макаровымъ. Государю Императору былъ поданъ списокъ тѣхъ генералъ-адъютантовъ, изъ которыхъ одного разрѣшалось взять въ Тобольскъ. Въ спискѣ стояли Воейковъ, Ниловъ, Нарышкинъ, Татищевъ и еще три, фамиліи которыхъ я не помню. Выборъ Государя палъ на Татищева, и удачнѣе нельзя было придумать, т. к. Татищевъ былъ человѣкъ христіанской души и кротчайшаго характера, котораго всѣ за пребываніе въ Тобольскѣ искренно полюбили. Татищевъ состоялъ до войны при Императорѣ Вильгельмѣ, а послѣ жилъ въ Петроградѣ, изрѣдка неся дежурства въ Царскомъ Селѣ. Макаровъ былъ посланъ къ нему Керенскимъ объявить желаніе Государя Императора. Макаровъ сразу произвелъ на Татищева чрезвычайно пріятное впечатлѣніе и заинтересовалъ его вниманіемъ знатока, съ которымъ разсматривалъ старинныя вещи. „Какой Вы партіи?“ спросилъ его Татищевъ. — „Соціалистъ-революціонеръ“. На это Татищевъ разсмѣялся и сказалъ: „Вы такой же соціалистъ-революціонеръ, какъ и я“. Макаровъ промолчалъ.

Я видѣла Макарова два раза, когда онъ, по просьбѣ моего отца, заѣзжалъ ко мнѣ въ Царское Село. Съ исключительной любезностью и вниманіемъ давалъ онъ различные совѣты относительно переѣзда, предупреждая о Тобольской скукѣ и пустотѣ, и совѣтовалъ запастись возможно большимъ количествомъ книгъ, подписаться на газеты и журналы, а также захватить съ собой картины, фотографіи, скатерти и занавѣски и вообще всевозможныя бездѣлушки и тряпочки, которыя могли бы скрасить комнаты. Онъ далъ мнѣ письмо къ смѣнившему его комиссару Панкратову и, прощаясь, сказалъ: „Пожалуйста, передайте всѣмъ въ Тобольскѣ, что я всегда готовъ къ ихъ услугамъ и буду радъ помочь имъ, въ чемъ только возможно.“

Послѣ отъѣзда Царской Семьи и моего отца, я еще въ теченіе мѣсяца оставалась въ Царскомъ Селѣ, въ страшномъ безпокойствѣ. Казалось, что эта ссылка въ заброшенный въ снѣгахъ городъ, представлявшійся мнѣ деревней, освѣщаемой лучинами, нарочно придумана для того, чтобы медленно погубить Царскую Семью или, пользуясь глухимъ краемъ, подъ благовиднымъ предлогомъ покончить съ ними.

Въ Царскомъ же Селѣ и Петроградѣ процвѣталъ въ то время дворъ Керенскаго — „главноуговаривающаго“ или „Императора Александра IV“, какъ его тогда называли. Въ началѣ революціи много было говорено о томъ, какъ дорого стоилъ императорскій дворъ. Рѣшили упразднить его и начали съ распродажи за безцѣнокъ великолѣпныхъ лошадей и автомобилей, но потомъ, послѣ знаменитыхъ іюльскихъ дней, когда Керенскій остался одинъ со всѣми портфелями и скрывался отъ Петроградскихъ безпорядковъ въ Царскомъ Селѣ у комиссара Екатерининскаго дворца, барона Штейнгеля, появился новый дворъ-дворъ Керенскаго, который тратилъ деньги раза въ четыре больше прежняго двора. Всѣ лошади, экипажи опять скупались уже по баснословнымъ цѣнамъ, и въ великолѣпныхъ экипажахъ, съ коронами и англійской упряжью, разъѣзжали грязные и затрепанные члены Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, а физіономіи Керенскаго и Штейнгеля препротивно выглядывали изъ-за зеркальныхъ оконъ автомобиля, за которыми привыкли мы видѣть такія красивыя и дорогія намъ лица. Всѣ императорскія оранжереи опустошались для стола Керенскаго, который, конечно, не только не думалъ, по примѣру прежняго двора, удѣлять что-нибудь въ лазареты и раненымъ, но даже лишалъ ихъ и сиротскіе пріюты



Августѣйшія Сестры милосердія.



Августѣйшая Сестра милосердія Государыня Императрица Александра Θеодоровна.

возможности получать молоко и сливки, т. к. продукты Императорской фермы также всѣ поглощались имъ и какимъ-то веселымъ обществомъ, собиравшимся у Штейнгеля въ Екатерининскомъ дворцѣ и у Керенскаго въ Зимнемъ. Пріѣзжая въ Царское Село, Керенскій со всѣми своими гостями отправлялся гулять по парку, предпочитая бродить по хорошенькому садику Императрицы Маріи Александровны, примыкавшему къ комнатамъ Императора Александра II и помѣщенію офицерскаго лазарета. Вокругъ сада, еще по старой памяти, стояли часовые, такъ какъ въ прежнее время публикѣ былъ запрещенъ входъ туда. Однажды одинъ изъ часовыхъ отказался пропустить Керенскаго, и на заявленіе послѣдняго, что онъ военный министръ, не обратилъ никакого вниманія. Важный Керенскій оказывался въ глупомъ положеніи передъ своими гостями и цѣлой группой офицеровъ и сестеръ милосердія, смотрѣвшихъ на него черезъ рѣшетку, но тутъ онъ во-время вспомнилъ календарный анекдотъ про какого-то изъ Императоровъ и сказалъ, но почему-то на „ты“: „Поблагодари своего фельдфебеля, но не ротнаго командира за то, что у него солдаты хорошо знаютъ службу: Я военный министръ Керенскій.“ Однажды ко мнѣ въ лазаретъ, какъ разъ въ началѣ Корниловскаго движенія, когда вокругъ Царскаго уже были вырыты окопы, а Корниловскія войска стояли на ст. Дно, пріѣхала и раньше часто бывавшая у меня фрейлина Маргарита Сергѣевна Хитрово, работавшая вмѣстѣ съ Ихъ Высочествами въ собственномъ Ея Величества лазаретѣ и страстная поклонница всей Царской Семьи.

— „Я ѣду въ Тобольскъ“, объявила она мнѣ.

Я уже раньше слышала объ ея намѣреніи ѣхать въ Тобольскъ, но не ожидала, что это будетъ такъ скоро послѣ Ихъ отъѣзда.

— „Я ѣду завтра, у меня билетъ уже есть, а чтобы не возбуждать подозрѣнія, я ѣду какъ-будто бы на поклоненіе мощамъ Іоанна Тобольскаго. Туда много ѣздятъ, отчего же я не могу поѣхать на богомолье? А Вы мнѣ дайте письмо, если хотите.“

Я дала ей письмо къ моему отцу, и она отправилась, взявъ еще много писемъ къ лицамъ свиты и даже Ихъ Величествамъ.

Тѣмъ временемъ я уже получила письма отъ моего отца, сперва съ парохода, потомъ изъ Тобольска. 3-го августа Ихъ Величества прибыли въ Тюмень и ночью были переведены на пароходъ, который отошелъ къ Тобольску. По пріѣздѣ въ Тобольскъ, въ городъ выѣхали полковникъ Кобылинскій и комиссаръ Макаровъ и вернулись съ извѣстіемъ, что помѣщеніе еще не готово, такъ что Ихъ Величествамъ пришлось жить на пароходѣ около двухъ недѣль. Въ это время шелъ спѣшно ремонтъ губернаторскаго дома, въ которомъ предполагалось помѣстить Царскую Семью, и дома купца Корнилова напротивъ, для свиты и части охраны. Кромѣ того, небольшой кусочекъ площадки передъ губернаторскимъ домомъ окружался высокимъ сплошнымъ заборомъ. Это мѣсто предназначалось для прогулки арестованныхъ. За время жизни на пароходѣ, часть арестованныхъ два раза съѣзжала на берегъ для осмотра помѣщеній. Первый разъ для этого былъ отправленъ мой отецъ съ Кобылинскимъ и Макаровымъ, второй разъ камердинеръ Ея Величества Волковъ и камеръ-фрау Тутельбергъ. Кобылинскій и Макаровъ дѣлали все, чтобы улучшить помѣщеніе. Часть мебели въ губернаторскомъ домѣ сохранилась еще отъ стараго времени, недостававшія же вещи покупались въ лучшихъ домахъ Тобольска. Макаровъ настоялъ на покупкѣ для Великихъ Княженъ рояля. Упорно искали для Ихъ Величествъ пружинныя кровати, такъ какъ не хотѣли давать Имъ походныхъ, предназначенныхъ для Ихъ Высочествъ и лицъ свиты. Въ концѣ концовъи кровати были куплены въ какой-то семьѣ, поступившейся своимъ удобствомъ. Для

ремонта были приглашены обойщики, столяры, маляры и электротехники-плѣнные и военнообязанные нѣмцы, единственные хорошіе работники въ городѣ. Въ особенно плачевномъ состояніи были водопроводы, очень долго не чищенные, такъ что первое время вся грязь подымалась кверху и наводняла весь домъ невѣроятнымъ запахомъ, но это скоро было исправлено, и въ обоихъ домахъ были поставлены ванны. Наконецъ въ серединѣ августа Ихъ Величества и свита переѣхали въ городъ и пѣшкомъ шли отъ пристани до домовъ, при чемъ собравшаяся смотрѣть публика отмѣтила Ихъ бодрое и веселое настроеніе.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Маргариты Хитрово, я получила отъ своего отца разрѣшеніе ѣхать и была въ отчаяніи, что нѣкоторыя дѣла меня задерживали. Вдругъ



Общій видъ города Тобольска.

до насъ дошли слухи объ арестѣ Хитрово и препровожденіи ея подъ конвоемъ въ Петроградъ. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ Макаровъ, на смѣну которому въ Тобольскъ былъ посланъ комиссаръ Панкратовъ съ помощникомъ, прапорщикомъ Никольскимъ. Бѣдная Хитрово была очень поражена всѣмъ случившимся, не представляя себѣ, что, исключительно, ея странное поведеніе повело къ ея аресту, а ея пріѣздъ-къ удаленію Макарова и смѣнѣ его на болѣе довѣренное лицо. Но, дѣйствительно, она вела себя такъ, точно хотѣла довести до этого. Уѣзжая, она вся закуталась въ пакеты со всевозможной корреспонденціей, а съ пути писала открытки родственникамъ слѣдующаго содерженія: „Я теперь похудѣла, такъ какъ переложила все въ подушку“, или „Населеніе относится отлично, все подготовляется съ успѣхомъ“, и т. д. Пріѣхавъ въ Тобольскъ, она моментально направилась въ домъ, гдѣ помѣщалась свита, и наткнулась на гр. Гендрикову, которая провела ее въ свою комнату. Затѣмъ туда же пришелъ мой отецъ, и они всѣ мирно разговаривали, когда появился Кобылинскій и объявилъ, что онъ вынужденъ арестовать Хитрово. Коррес-

понденція была отобрана, у гр. Гендриковой сдѣлали обыскъ и ее, моего отца и Хитрово допрашивали, при чемъ послѣдняя, говорятъ, держала себя очень вызывающе. Затѣмъ ее подъ конвоемъ отправили въ Петроградъ. Въ этой исторіи обѣ стороны держали себя глупѣйшимъ образомъ. Хитрово должна была подумать о томъ, что ея внезапный отъѣздъ, ея переписка и появленіе неизвѣстной барышни въ глухомъ Тобольскѣ сразу будетъ отмѣчено революціонными властями, придиравшимися къ каждому пустяку, какимъ и была ея поѣздка. Она уѣхала самостоятельно, не по порученію какихъ-либо организацій и, главнымъ образомъ, для того, чтобы какъ-нибудь, хоть мелькомъ, повидать Царскую Семью. Можетъ быть, она и лелѣяла мечту подготовить почву къ освобожденію Ихъ Величествъ, но можно было понять, что не здѣсь кроется главная сѣть организацій: настолько появленіе Хитрово было наивно. Ясно было, что на нее не стоило тратить революціоннаго пыла. Для Ихъ Величествъ послѣдствія были несомнѣнно непріятныя, такъ какъ изъ-за этого уволили Макарова, человѣка, безусловно, иначе настроеннаго, чѣмъ Панкратовъ.

Все это произошло незадолго до моего отъѣзда въ Тобольскъ, куда я пріѣхала 14-го сентября. Нашъ маленькій и грязный пароходишко часовъ въ 6 съ ½ утра подходилъ къ Тобольску, еще окутанному голубоватой дымкой предразсвѣтнаго тумана, сквозь которую просвѣчивали очертанія большихъ бѣлыхъ зданій на нагорной части и сѣрыя тѣни какихъ-то лачужекъ у пристани. Долгое время длилась процедура провѣрки нашихъ бумагъ и, наконецъ, мы, т. е. старушка, воспитательница граф. Гендриковой, и я, очутились на пристани и собрались выѣзжать въ городъ, какъ помощникъ начальника милиціи объявилъ намъ, что не имѣетъ права отпустить насъ въ городъ, такъ какъ мы ѣдемъ къ арестованнымъ. Послѣ часового ожиданія, во время котораго мы наблюдали за чуждыми намъ типами длинноволосыхъ провинціальныхъ семинаристовъ, грязныхъ киргизовъ и хорошо знакомыми фигурами стрѣлковъ „Отряда Особаго Назначенія“, мнѣ удалось, наконецъ, добиться разрѣшенія пройти въ городъ подъ конвоемъ солдата, чтобы по телефону сговориться съ Кобылинскимъ. Было сѣренькое свѣжее утро, шелъ мелкій дождь, и всѣ улицы представляли собой расплывшуюся скользкую массу, по которой я еле поспѣвала за быстро шагавшимъ солдатомъ. Оказалось, что, по случаю праздника всѣ магазины закрыты и нѣтъ ни одного телефона, по которому я могла бы позвонить. Тѣмъ не менѣе, я потребовала, чтобы мнѣ показали зданіе, гдѣ помѣщаются арестованные, и квартиру полковника Кобылинскаго. Довольно скоро мы дошли до небольшой площади на главной улицѣ съ зеленѣвшимъ сзади крошечнымъ городскимъ садикомъ. Здѣсь находились два довольно большихъ зданія: одно бѣлое, бывшій губернаторскій домъ, теперь „Домъ Свободы“, съ огороженнымъ пространствомъ передъ нимъ и часовыми вокругъ, и другое розовое, съ завитками и украшеніями, — Корниловскій домъ, гдѣ помѣщалась свита. Я кинулась туда и наткнулась на графиню Гендрикову, но она, памятуя случай съ Хитрово, отскочила отъ меня съ возгласомъ: „Не подходите ко мнѣ, не подходите“ и, справившись, благополучно ли я доѣхала, не прошла въ двери до тѣхъ поръ, пока я не ушла. Полк. Кобылинскій оказался въ этомъ же домѣ и тотчасъ проводилъ меня самъ обратно на пристань, гдѣ его бумажка отъ Керенскаго произвела на милицію магическое дѣйствіе, и черезъ полчаса я уже была водворена въ комнатахъ моего отца. Корниловскій домъ былъ довольно большой, въ два этажа, нелѣпо построенный, съ мраморной лѣстницей, и украшеніями на деревянныхъ крашеныхъ потолкахъ, изображавшими лѣпку. Въ верхнемъ этажѣ помѣщались: генералъ Татищевъ, Екатерина Адольфовна Шнейдеръ, графиня Гендрикова, мистеръ Гиббсъ, князь Долгоруковъ, д-ръ Дере-

венко съ семьей и три горничныя. Внизу была офицерская столовая и буфетъ, комната, въ которой происходили засѣданія Отряднаго Комитета, и комнаты, гдѣ жили: мой отецъ, комиссаръ Панкратовъ, его помощникъ, прапорщикъ Никольскій, и прапорщикъ Зима. Въ подвальномъ этажѣ помѣщалась прислуга и 8 человѣкъ стрѣлковой охраны. Мой отецъ имѣлъ двѣ комнаты, изъ которыхъ одна, большая, свѣтлая, съ окнами на домъ Ихъ Величествъ, была предоставлена мнѣ, а въ другой, меньшей и проходной, гдѣ двери никогда не запирались и черезъ которую по утрамъ ходило мыться въ ванную все населеніе нижняго этажа и цѣлый день пробѣгалъ къ себѣ въ комнату прапор. Никольскій, помѣстился мой отецъ съ младшимъ братомъ Глѣбомъ. Обстановка отчасти была казенная, отчасти купленная



Домъ купца Корнилова въ Тобольскѣ, гдѣ помѣщалась свита Царской Семьи.

моимъ отцомъ, а одинъ желтый штофный диванчикъ и стулъ къ моему письменному столу, сдѣланному изъ крашенаго деревяннаго умывальника, были присланы мнѣ изъ другого дома Ея Величествомъ и Великой Княжной Ольгой Николаевной, нѣсколько разъ спрашивавшей, есть ли у меня мягкая мебель. На этомъ же диванчикѣ я нашла двѣ подушки, вышитыя: одна — Ея Величествомъ, а другая Великой Княжной Маріей Николаевной, — еще трогательный знакъ вниманія съ Ихъ стороны, всегда думавшихъ о томъ, какъ доставить удовольствіе окружающимъ. Изъ оконъ моей комнаты былъ виденъ весь домъ, гдѣ помѣщались Ихъ Величества, и площадка, отведенная для прогулокъ. Въ это утро, несмотря на дождь, Его Величество и Ихъ Высочества вышли гулять въ 11 часовъ, и я впервые увидала Ихъ здѣсь послѣ Царскаго Села. Его Величество, въ солдатской шинели и защитной фуражкѣ, своей обычной быстрой походкой ходилъ взадъ и впередъ отъ забора до забора. Великія Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна въ сѣрыхъ макинтошахъ и пуховыхъ шапочкахъ-синей и красной, быстро шагали рядомъ съ отцомъ, а Анастасія и Марія



Е. И. В. Великая Княжна Ольга Николаевна.

Е. И. В. Великая Княжна Татьяна Николаевна.

Николаевны, сидя на внутреннемъ заборѣ, отгораживавшемъ городъ и кладовыя, разговаривали съ караульными солдатами.

День Ихъ Величествъ въ Тобольскѣ проходилъ слѣдующимъ образомъ: вставали всѣ часовъ въ девять утра и послѣ утренняго чая занимались каждый своимъ дѣломъ: Его Величество и Ольга Николаевна чтеніемъ, младшія дѣти уроками, Ея Величество продолжала преподавать дѣтямъ Законъ Божій и занималась чтеніемъ съ Великой Княжной Татьяной Николаевной. Въ 11 часовъ всѣ выходили на прогулку за загородкой. Въ 1 часъ дня былъ завтракъ и затѣмъ опять прогулка до 4-хъ часовъ, когда подавался дневной чай. Послѣ чая опять занимались уроками и рукодѣліями, а Алексѣй Николаевичъ часа два проводилъ за играми. Въ семь съ поло-



Губернаторскій домъ въ Тобольскѣ, гдѣ помѣщались Ихъ Величества и Ихъ Высочества.

виной подавался обѣдъ, послѣ котораго и свита, обѣдавшая и завтракавшая съ Ихъ Величествами, оставалась на вечеръ. Тутъ устраивались игры въ карты или домино, безъ денегъ, конечно, при чемъ каждый вечеръ Его Величество читалъ вслухъ, преимущественно что-нибудь изъ классиковъ. Одинъ Алексѣй Николаевичъ отсутствовалъ, такъ какъ сразу послѣ обѣда шелъ спать. Преподаваніемъ Алексѣю Николаевичу, кромѣ Ея Величества, занимались: Ек. Ад. Шнейдеръ, Жильяръ и Клавдія Михайловна Битнеръ, пріѣхавшая въ Тобольскъ вмѣстѣ съ Кобылинскимъ, очень образованная и милая женщина, искренно любившая Царскую Семью и помогавшая Кобылинскому переносить стойко всѣ огорченія и мученія его тяжелой службы.

По воскресеньямъ Ихъ Величествамъ разрѣшали ходить къ ранней обѣднѣ въ храмъ Благовѣщенія, находившійся въ нѣсколькихъ шагахъ и въ который можно было пройти черезъ городской садъ, почти прилегавшій къ загородкѣ около губернаторскаго дома. По всему саду разставлялись въ двѣ шеренги солдаты, между ко-

торыми и проходили Ихъ Величества и свита. Въ этой церкви служилъ отецъ Алексѣй Васильевъ, назначенный, по выбору епископа Гермогена, духовникомъ къ Ихъ Величествамъ, человѣкъ, сыгравшій роковую роль во всемъ, происшедшемъ впослѣдствіи. Самъ же епископъ Гермогенъ, какъ извѣстно, тоже погибшій мученической смертью, велъ тайную переписку съ Ихъ Величествами, посылалъ Имъ просфоры и вообще до самой своей смерти не забывалъ Ихъ.

Ихъ Величествамъ не разрѣшено было выходить за предѣлы ограды, и мой отецъ, безъ вѣдома Ихъ Величествъ, написалъ Керенскому письмо, въ которомъ говорилъ, что считаетъ своимъ долгомъ врача заявить о недостаткѣ моціона для арестованныхъ и проситъ разрѣшенія предоставить Имъ прогулки въ городѣ, хотя бы подъ охраной. На это вскорѣ пришелъ отвѣтъ Керенскаго съ разрѣшеніемъ, но когда мой отецъ показалъ его Панкратову, то тотъ долго думалъ и рѣшилъ, что онъ разрѣшить этого не можетъ, такъ какъ могутъ быть покушенія во время прогулки. Эти предположенія были очень мало основательны, такъ какъ громадное большинство населенія относилось къ Ихъ Величествамъ съ прежними вѣрноподданическими чувствами, а въ крайнемъ случаѣ можно было бы усилить охрану.

Панкратовъ былъ человѣкъ лѣтъ подъ 50, растрепанный, въ очкахъ, похожій на стараго чернаго ворона. По его словамъ, онъ девятнадцати лѣтъ былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость за убійство жандарма, посланнаго арестовать какую-то политическую дѣятельницу, скрывавшуюся у Панкратова. Къ тому же онъ имѣлъ типографію, и у него нашли массу недозволенной литературы. Въ крѣпости онъ просидѣлъ, въ одиночномъ заключеніи, 15 лѣтъ, при чемъ одинъ изъ его сосѣдей по камерѣ былъ буйный сумасшедшій, чрезвычайно раздражавшій его своими криками, прыжками и стукомъ въ стѣну. Черезъ 15 лѣтъ онъ былъ сосланъ въ Якутскую область, гдѣ пробылъ 12 лѣтъ и познакомился съ сосланнымъ туда же на 7 лѣтъ, не знаю за что, Никольскимъ. Оттуда они оба выѣхали послѣ революціи. Панкратовъ былъ человѣкъ безусловно идейный и скорѣе симпатичный, но чрезвычайно наивный и нерѣшительный. Имѣй онъ больше настойчивости, а, главное, желанія, онъ могъ бы держать въ рукахъ „Отрядный Комитетъ“, собственно говоря, руководившій всей жизнью въ Тобольскѣ и отъ котораго Кобылинскій съ большимъ трудомъ добивался какихъ-нибудь послабленій.

Никольскій, тоже, повидимому, идейный и яростно боровшійся съ мѣстными большевиками, производилъ довольно непріятное впечатлѣніе своимъ грубымъ, скуластымъ лицомъ, растрепанной головой, манерой вваливаться въ комнату не стучась, въ шапкѣ и съ папиросой въ зубахъ, и жать руки своими костистыми пальцами, такъ что можно было кричать отъ боли. Къ арестованнымъ онъ не имѣлъ никакого отношенія и занимался распропагандированіемъ отряда, солдаты котораго жаловались, что все было хорошо, пока Панкратовъ и Никольскій не пришли съ политическими разговорами, а теперь весь отрядъ раздѣлился на партіи и перессорился. Иногда Никольскому вдругъ приходило въ голову являться съ какимъ-нибудь заявленіемъ къ лицамъ свиты, чаще другихъ къ князю Долгорукову, при чемъ отъ послѣдняго онъ всегда получалъ очень внушительныя и не очень пріятныя наставленія, заставлявшія его отступать.

Какъ я уже сказала, отрядъ управлялся „Отряднымъ Комитетомъ“. При переѣздѣ въ Тобольскъ Кобылинскому удалось устроить послабленіе для свиты, т. е., вмѣсто Царскосельскаго режима, разрѣшить имъ прогулки по городу. Вскорѣ это солдатамъ не понравилось, и они рѣшили сократить эти прогулки до часу въ день и въ сопровожденіи одного стрѣлка. Хотя свита была очень скромна: Татищевъ

ходилъ только къ зубному врачу, Гендрикова раза два въ недѣлю, и только князь Долгоруковъ ежедневно, однако солдатамъ надоѣло ихъ сопровождать, и они рѣшили совсѣмъ лишить свиту прогулокъ. По этому поводу состоялось бурное засѣданіе, на которомъ Кобылинскій заявилъ, что они не имѣютъ права совершенно лишить свободы иностранныхъ подданныхъ Жильяра и Гиббса, а если однимъ разрѣшать какія-нибудь послабленія, то нельзя обходить и другихъ. Мудрый комитетъ поддался на эту удочку и рѣшилъ всѣмъ предоставить свободный выходъ безъ конвоя, но не больше, чѣмъ на одинъ часъ въ недѣлю. Всѣ долго недоумѣвали, почему они всего на одинъ часъ становились безопасны для революціонныхъ властей, но рѣшили уже не указывать комитету на странности его рѣшеній и подчинились тѣмъ болѣе, что гулять однимъ, хоть разъ въ недѣлю, все-таки было пріятнѣе, чѣмъ имѣть, какъ выражался Mr. Gibbs, „this wretshed soldier in your back“ *.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда изъ Царскаго Села, привезены были вещи для Ихъ Величествъ, отправляемыя Макаровымъ, который былъ помощникомъ дворцоваго комиссара. Присылка этихъ вещей еще разъ доказала сердечность отношенія Макарова. Кромѣ выписанныхъ ковровъ и портьеръ, онъ прислалъ, по собственному побужденію, любимыя вещи Императрицы, какъ нѣкоторые портреты, ширмочки, картины и вазы, руководясь указаніями царскосельской прислуги. Кромѣ того, былъ имъ же присланъ, съ разрѣшенія Керенскаго, ящикъ съ виномъ для Царской Семьи. Этотъ ящикъ произвелъ цѣлую бурю. Комитетъ собирался нѣсколько дней подрядъ, солдаты цѣлыми днями толпами ходили къ нашему сосѣду, прапорщику Зимѣ, такъ что тяжелый воздухъ, ими приносимый, проникалъ даже къ намъ черезъ запертыя и заставленныя двери. Шли безконечные споры о томъ, можно ли открыть этотъ ящикъ. Офицеры и Кобылинскій старались доказать имъ всю законность появленія этого ящика, такъ какъ посланный за вещами отрядный же солдатъ, одинъ изъ самыхъ лѣвыхъ, клялся и божился, что ящикъ упаковывался и въ присутствіи, и съ разрѣшенія Керенскаго, но доказательствъ у него никакихъ не было, и солдаты кричали: „Намъ самъ комиссаръ Макаровъ говорилъ, чтобъ мы не пили и другимъ не давали.“ Послѣ длинныхъ споровъ, несмотря на просьбу доктора Деревенко отдать вина ему въ распоряженіе отряднаго лазарета для больныхъ, ящикъ, во избѣжаніе искушенія, былъ спущенъ нераскупореннымъ въ Иртышъ.

Въ день моего пріѣзда Ея Величество сказала моему отцу: „Я надѣюсь, что Таня будетъ бывать у насъ.“ Рѣшено было испросить разрѣшеніе у комитета, подъ благовиднымъ предлогомъ общихъ уроковъ, и дождаться только пріѣзда моего брата, чтобы просить сразу за двухъ, такъ какъ Ея Величество пригласила и его. Мы уже были преисполнены самыми радужными планами о почти совмѣстной жизни съ Ихъ Высочествами. Жильяръ уже развивалъ планъ литературныхъ лекцій и состязаній, когда комитетъ объявилъ, что онъ этого разрѣшить не можетъ, а что, если намъ нужно брать уроки, то пусть Жильяръ ходитъ къ намъ. Отчего Жильяру, жившему съ Ихъ Височествами, разрѣшалось безъ всякаго контроля проводить съ нами, съ глазу на глазъ, по три часа въ недѣлю, отчего намъ разрѣшалось сколько угодно времени проводить съ другими лицами и моимъ отцомъ, имѣющими безпрепятственный входъ къ Ихъ Величествамъ, а лично намъ нельзя было проникнуть туда, было тѣмъ болѣе странно, что сыну доктора Деревенко разрѣшено было приходить къ Алексѣю Николаевичу. Это было, очевидно, сдѣлано просто изъ желанія показать свою власть и лишить насъ всѣхъ лишняго развле-

* „Этого проклятаго солдата за спиной“.

ченія. Когда подошло Рождество, Ихъ Высочества лично просили разрѣшенія у комиссара Панкратова насъ пригласить, но онъ на это имъ отвѣтилъ: „Это Вамъ доставитъ очень большое удовольствіе на нѣсколько часовъ, безъ котораго Вы потомъ будете нѣсколько недѣль еще больше скучать.“ Эта своеобразная забота объ Ихъ Высочествахъ лишила насъ громаднаго наслажденія, которое мы могли имѣть съ полнымъ правомъ, т. к. всей прислугѣ, до послѣдней поломойки, разрѣшено было получить подарки изъ рукъ Ихъ Высочествъ, но мы не сдавались и, при смѣнѣ предсѣдателя комитета, опять обратились съ той же просьбой, но опять получили отказъ.

Проснувшись одинъ разъ утромъ, по обыкновенію, очень поздно, часовъ около $10^1/_2$, я услышала въ сосѣдней комнатѣ голосъ прап. Зимы и нѣсколькихъ солдатъ, говорившихъ: „Такъ и сказалъ: „Ихъ Императорскимъ Величествамъ“ всѣ же слышали, — вѣдь сколько народу въ церкви было.“ Это былъ какой-то Царскій день, помнится, восшествіе на престолъ, когда вся Царская Семья и свита были на утренней обѣднѣ, и вдругъ за обѣдней, во всеуслышаніе, діакономъ было провозглашено многолѣтіе Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ. Это маленькое событіе имѣло очень большія послѣдствія. Отецъ Алексѣй былъ аростованъ домашнимъ арестомъ и вмѣстѣ съ діакономъ подвергнутъ допросу. На этомъ допросѣ они оба держали себя самымъ растеряннымъ образомъ, ни одинъ не имѣя мужества взять на себя это несчастное провозглашеніе, и сваливали то другъ на друга, то на Панкратова, будто бы это имъ разрѣшившаго. Для охраны отецъ Алексѣй сталъ сразу подозрителенъ, а въ глазахъ Ихъ Величествъ онъ пріобрѣлъ славу человѣка, за Нихъ пострадавшаго, и тѣмъ Ихъ очень къ себѣ расположилъ. Часть свиты тоже восхищалась имъ, за исключеніемъ моего отца, совершенно справедливо находившаго, что это была просто неумѣстная выходка, отъ которой отецъ Алексѣй нисколько не пострадалъ, т. к. изъ-подъ ареста его скоро выпустили, Ихъ же Величествамъ много повредившая. Дѣйствительно, послѣ этого случая Ихъ стали пускать въ церковь все рѣже и рѣже и, наконецъ, совсѣмъ лишили этого, устроивъ только маленькую походную церковь въ домѣ. Отца Алексѣя при Ихъ Величествахъ смѣнилъ отецъ Владиміръ Хлыновъ, и можно глубоко сожалѣть о томъ, что онъ не занималъ этого мѣста съ самаго начала, такъ какъ тогда бы Ихъ Величества не имѣли случая войти въ сношенія съ Васильевымъ, бывшимъ однимъ изъ виновниковъ ихъ гибели. Надо отдать справедливость нашимъ монархистамъ, что они, собираясь организовать дѣло спасенія Ихъ Величествъ, вели все это, не узнавъ даже подробно Тобольской обстановки и географическаго положенія города. Петроградскія и Московскія организаціи посылали многихъ своихъ членовъ въ Тобольскъ и Тюмень, многіе изъ нихъ тамъ же даже жили по нѣсколько мѣсяцевъ, скрываясь подъ чужимъ именемъ и терпя лишенія и нужду, въ ужасной обстановкѣ, но всѣ они попадались въ одну и ту же ловушку-организацію отца Алексѣя и его главнаго руководителя, поручика Соловьева, вкравшагося въ довѣріе недальновидныхъ монархистовъ, благодаря женитьбѣ на дочери одного лица, пользовавшагося уваженіемъ Ихъ Величествъ. Главной цѣлью отца Алексѣя было, повидимому, полученіе денегъ, затѣмъ повернуть дѣло такимъ образомъ, чтобы, въ случаѣ реставраціи, явиться, въ глазахъ Ихъ Величествъ, Ихъ спасителемъ, въ случаѣ же возвышенія другой какой власти не быть причисленнымъ къ монархистамъ. Соловьевъ же дѣйствовалъ опредѣленно съ цѣлью погубить Ихъ Величествъ и для этого занялъ очень важный пунктъ Тюмень, фильтруя всѣхъ пріѣзжавшихъ и давая директивы въ Петроградъ и

Е. И. В. Великая Княжна Анастасія Николаевна.



Е. И. В. Великая Княжна Марія Николаевна.

Москву. Въ то же время они оба получали большія деньги для Ихъ Величествъ, изъ которыхъ, самое большее, четвертая часть достигала своего назначенія, остальными же Соловьевъ и Васильевъ поддерживали свое существованіе. Уже только послѣ отъѣзда Ихъ Величествъ пришло въ голову свѣрить суммы, полученныя Ихъ Величествами и доставленныя Имъ Соловьевымъ и Васильевымъ, но было уже поздно.

Для Ихъ Величествъ, не знавшихъ, какая часть доходила до Нихъ, и получившихъ все-таки нѣсколько десятковъ тысячъ и нѣсколько посылокъ съ вещами, конечно, казалось, что Соловьевъ и Васильевъ Ихъ истинные друзья и помощники. Петроградскимъ и Московскимъ организаціямъ Соловьевъ и Васильевъ давали все время свѣдѣнія о сильной организации въ Тобольскѣ, состоящей изъ 300 человѣкъ офицеровъ, не требующей пріѣзда новыхъ лицъ, а исключительно только денежнаго пособія. Всѣхъ же, все-таки стремившихся проникнуть къ Ихъ Величествамъ Соловьевъ задерживалъ въ Тюмени, пропуская въ Тобольскъ или на одну ночь, или совершенно неспособныхъ къ подпольной работѣ людей. Въ случаѣ же неповиновенія ему, онъ выдавалъ офицеровъ совдепамъ, съ которыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Все это мы узнали отъ одного офицера, въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, жившаго въ Тюмени въ качествѣ чернорабочаго и имѣвшаго возможность часто видѣться съ Соловьевымъ, но не знавшаго также положенія въ Тобольскѣ и также слѣпо ему довѣрявшагося. Удивительно то, что ни одинъ изъ организаторовъ не попытался провѣрить доставляемые имъ слухи, если не у полковника Кобылинскаго, то, по крайней мѣрѣ, у кого - нибудь изъ лицъ свиты, изъ которыхъ мой отецъ, напримѣръ, имѣлъ право ѣздить въ качествѣ врача куда угодно, къ которому записываться на пріемъ могъ приходить каждый съ улицы, и переписка его никогда не подвергалась цензурѣ. Одинъ только графъ Яковъ Васильевичъ Ростовцевъ, управляющій дѣлами Ихъ Величествъ, догадался прислать своего довѣреннаго человѣка съ деньгами для Ихъ Величествъ къ моему отцу, и эти деньги, въ количествѣ 80 тысячъ, были тотчасъ же доставлены и взяты впослѣдствіи Кн. Долгоруковымъ для Ихъ Величествъ въ Екатеринбургъ.

Еще одинъ конспираторъ проникъ къ моему отцу, но онъ, живя въ Тобольскѣ нѣсколько мѣсяцевъ, все-же не познакомился съ обстановкой. Мы встрѣчались съ нимъ нѣсколько разъ уже послѣ отъѣзда Ихъ Величествъ — это было въ семьѣ одного Тобольскаго купца-мясника, пасынокъ котораго тоже мнилъ себя организаторомъ и былъ ярымъ противникомъ отца Алексѣя. Онъ очень много говорилъ о своей организаціи, состоявшей, якобы, изъ офицеровъ и союза фронтовиковъ. Когда Ихъ Величествъ увезли изъ Тобольска, мы освѣдомились о томъ, почему, собственно говоря, его организація не предприняла что-либо противъ этого. „Вы знаете“, сказалъ онъ намъ, „мы вѣдь организовались для спасенія Алексѣя Николаевича“. Подошло время отъѣзда Великихъ Княженъ и Алексѣя Николаевича, и мы опять обратились съ тѣмъ же вопросомъ къ организатору. „Помилуйте, вѣдь не могли же мы себя обнаруживать, вѣдь насъ бы всѣхъ красноармейцы переловили“. Когда прошелъ въ Тобольскѣ слухъ о предполагавшемся большевиками избіеніи офицеровъ, организаторъ такъ растерялся, что даже не могъ вспомнить, куда онъ засунулъ свой револьверъ, а когда ночь прошла спокойно, прибѣжалъ къ намъ торжествующій, въ какой - то старой шляпѣ своей жены и засаленномъ макинтошѣ. „Теперь-то уже они меня не найдутъ“ радовался онъ, забывъ о своихъ помощникахъ и союзѣ фронтовиковъ, „я ѣду сейчасъ на рыбалку, въ такое мѣсто, что никто меня не разыщетъ.“

Однажды мы были въ гостяхъ у этого организатора, гдѣ, кромѣ насъ, его родителей и жены, былъ еще его зять, членъ совдепа. Вдругъ звонокъ, организаторъ бѣжитъ самъ открыть двери, затѣмъ возвращается съ какимъ-то растеряннымъ видомъ и представляетъ намъ г. I.. открывающаго въ Тобольскѣ кинематографъ. При первомъ взглядѣ на него, мы поняли, что кинематографъ здѣсь не при чемъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ маленькими холеными руками, съ правильными чертами интеллигентнаго лица, съ великолѣпнымъ англійскимъ проборомъ и тщательно подстриженной и расчесанной бородкой. Его слегка картавое произношеніе обличало человѣка, привыкшаго говорить на иностранныхъ языкахъ. Мы не знали, кто онъ, но сразу я догадалась о его петроградскомъ происхожденіи, а онъ, очевидно, предупрежденный организаторомъ, сѣлъ около насъ съ братомъ и началъ разговоръ, сначала общій, потомъ постепенно переходя на разсказы изъ петроградской жизни: „Моя кузина княжна Урусова . . . Вы знаете князя Кочубей . . . Когда мы были на Высочайшемъ обѣдѣ . . . У насъ въ первой гвардейской дивизіи“ и т. д. безъ конца и безъ удержу, не замѣчая ужасныхъ гримасъ организатора и насторожившагося члена совдепа. При второй встрѣчѣ повторилось то же самое, такъ что бывшіе у организатора гости предупреждали его: „Берегитесь, онъ не похожъ на варшавскаго мѣщанина.“ Понятно, что комиссары всѣ его отлично знали, о чемъ, къ его великому изумленію, ему и говорили, но тѣмъ не менѣе дали безпрепятственно выѣхать изъ Тобольска. Между тѣмъ никакой организаціи въ Тобольскѣ не было, и всѣ 300 человѣкъ, о которыхъ любилъ говорить отецъ Васильевъ и о которыхъ даже Ихъ Величества знали, были чистымъ вымысломъ. Несмотря на это, не было ничего легче, какъ организовать спасеніе Ихъ Величествъ, только стоило обратиться къ тому, кого всѣ обходили, благодаря наговорамъ отца Алексѣя, кого считали революціонеромъ и записали въ Черную Книгу, полковнику Кобылинскому. Онъ одинъ могъ дать точныя свѣдѣнія о настроеніи охраны, которое еще до февраля 1918 г. было самое благопріятное. Отрядъ состоялъ въ большинствѣ случаевъ изъ старыхъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ, георгіевскихъ кавалеровъ, изъ которыхъ почти всѣ относились къ Ихъ Величествамъ дружелюбно, а нѣкоторые мучились сознаніемъ своей великой вины передъ Ними, называли себя клятвопреступниками и старались мелкими услугами, какъ, напримѣръ, подношеніемъ просфоръ и цвѣтовъ Ихъ Величествамъ, какъ-нибудь выразить свои чувства. Кромѣ того, цѣлый взводъ стрѣлковъ Императорской Фамиліи, во главѣ со своимъ командиромъ, поручикомъ Малышевымъ, передавалъ полковнику Кобылинскому, что въ ихъ дежурство они дадутъ Ихъ Величествамъ безопасно уѣхать и вотъ такими-то обстоятельствами не сумѣли воспользоваться, потому что никто не зналъ объ этомъ, никто не постарался даже узнать этого, никто не обратился къ Кобылинскому, потому только, что онъ вынужденъ былъ жать руки комиссарамъ и быть наружно угрюмымъ съ арестованными. Только Татищевъ и мой отецъ поняли его и всячески защищали даже въ глазахъ Царской Семьи, которая тоже, вначалѣ, относилась къ нему недружелюбно и только уже передъ самымъ отъѣздомъ Государь занесъ въ свой дневникъ, „Кобылинскій мой лучшій другъ.“

„Что онъ выноситъ отъ нихъ“, говорилъ одинъ старый солдатъ изъ охраны, знавшій Кобылинскаго до революціи, „какъ съ нимъ обращаются, ругаютъ прямо, а онъ все терпитъ.“ И онъ терпѣлъ для того, чтобы удержаться при Ихъ Величествахъ, хотя посѣдѣлъ и состарился за эту зиму, точно за 10 лѣтъ.

Настроеніе отряда нѣсколько измѣнилось къ марту 1918 года, когда большевизмъ окончательно заразилъ Тобольскъ и когда половины старыхъ солдатъ уже не было,

такъ какъ они разъѣхались, отпущенные приказомъ Керенскаго, а на ихъ мѣсто появились новобранцы изъ Петрограда и Царскаго Села; но даже это обстоятельство можно было повернуть благопріятно для дѣла, такъ какъ можно было всегда имѣть нѣсколькихъ вѣрныхъ людей, которые, въ качествѣ новобранцевъ, могли быть назначены въ охрану изъ тѣхъ же Царскосельскихъ батальоновъ. „Помилуйте“, говорилъ Жильяръ-швейцарецъ, признававшій республику въ Швейцаріи, но бывшій ярымъ монархистомъ въ Россіи: „да у насъ каждый грузчикъ, каждый капитанъ на пароходѣ, каждый ямщикъ были бы свои люди.“ Дѣйствительно, ничего не было легче, какъ имѣть среди служащихъ парохода или среди почтовыхъ ямщиковъ своихъ же людей. Наконецъ, существовалъ еще одинъ простой способъ: денежный подкупъ всей охраны, изъ которой многіе говорили Ихъ Высочествамъ: „Какъ большевики намъ денегъ дадутъ, такъ мы и уйдемъ;“ несомнѣнно, они не стали бы противиться, если бы деньги шли оть монархистовъ. Наконецъ, самое географическое положеніе Тобольска, соединеннаго водными и санными путями съ Благовѣщенскомъ, съ одной стороны, и Обдорскомъ, съ другой, куда ежегодно приходили норвежскіе пароходы, какъ нельзя болѣе благопріятствовало побѣгу.

Несмотря на запрещеніе и охрану, отецъ Алексѣй продолжалъ имѣть сношенія съ Ихъ Величествами и хвастался этимъ въ городѣ. Половины того, что онъ разсказызалъ о посылаемыхъ ему на храненіе вещахъ и какихъ-то письмахъ, благодаря которымъ онъ держитъ въ рукахъ всю Царскую Семью, конечно, никогда не происходило, но все-же онъ давалъ знать Ихъ Величествамъ о своихъ мнимыхъ организаціяхъ. Они пересылали черезъ него нѣкоторыя письма, передавали же все черезъ одного изъ слугъ — Кирпичникова. Кирпичниковъ занималъ какое-то очень низкое мѣсто въ кухонной іерархіи, но обратилъ на себя вниманіе Ихъ Величествъ своей колоссальной, несмотря на маленькій ростъ, физической силой и большой услужливостью. Маленькій, коренастый, вѣчно грязный-онъ производилъ впечатлѣніе жулика и развязнаго нахала. Не знаю, какія были его оффиціальныя занятія, но главнымъ образомъ въ г. Тобольскѣ онъ занимался разведеніемъ свиней. Нѣсколько свиней были куплены Ихъ Величествами, остальныхъ Кирпичниковъ притащилъ своихъ и безцеремонно пасъ ихъ на отведенномъ для прогулки дворикѣ. Нѣсколько разъ въ недѣлю онъ принимался за варку обѣда для своихъ питомцевъ, при чемъ производилъ это на той же кухнѣ, гдѣ готовили Ихъ Величествамъ. Въ Губернаторскомъ домѣ, когда онъ принимался за это дѣло, такой запахъ распространялся изъ кухни, что изъ нижняго этажа всѣ мчались наверхъ, одержимые приступомъ морской болѣзни, а наверху Ихъ Величества и Ихъ Высочества закрывали двери и только говорили: „Ахъ, это Кирпичниковъ варитъ“, но никогда никто не дѣлалъ ему замѣчанія и не предлагалъ производить варку въ другомъ мѣстѣ. Однажды м-ръ Гиббсъ пришелъ совсѣмъ простуженный, несмотря на довольно сносную погоду. Когда мой отецъ поинтересовался узнать, гдѣ это онъ простудился, то оказалось, что они были вынуждены цѣлый день сидѣть съ открытыми окнами. Мой отецъ сперва удивился, потомъ вдругъ догадался: „Was it the pigs food?“ — „It was just the pigs' food“*, отвѣтилъ Гиббсъ съ уныніемъ. Кирпичниковъ какимъ-то образомъ пріобрѣлъ большое довѣріе солдатъ охраны, и уже при большевикахъ мы посылали черезъ него сласти Ихъ Высочествамъ, половину которыхъ онъ, конечно, съѣдалъ самъ. Впослѣдствіи онъ хвастался, что Ея Величество дала ему нитку жемчуга на храненіе, но врядъ ли это была правда. Онъ былъ большимъ другомъ отца Алексѣя и также

* „Не виновато-ли свиное кушанье?“ — „Да, какъ разъ оно.“

беззастѣнчиво вралъ и сплетничалъ. Однажды утромъ, незадолго до Рождества, мы узнали о пріѣздѣ фрейлины баронессы Буксгевденъ. Она задержалась въ Петроградѣ изъ-за операціи апендицита, но какъ только поправилась, принялась за дѣятельныя приготовленія къ отъѣзду. Человѣкъ дѣловой и энергичный, много помогавшій Ея Величеству въ организаціи всевозможныхъ складовъ, она рѣшительно отправилась къ Керенскому и, посидѣвъ нѣсколько разъ у него въ передней въ Зимнемъ Дворцѣ, добилась полученія бумажки съ разрѣшеніемъ ѣхать. Съ ней пріѣхала старушка англичанка, другъ дѣтства ея матери. Обѣ онѣ много натерпѣлись дорогой, такъ какъ по нѣсколько сутокъ сидѣли запертыя въ купэ, тогда какъ въ корридорѣ были набиты солдаты, стучавшіе имъ въ двери съ угрожающими криками: „Смерть буржуямъ". На одной изъ станцій онѣ встрѣтили эшелонъ казаковъ, которые угнали ихъ паровозъ. На вокзалѣ поднялась форменная баталія и стрѣльба. Пѣхота сдалась, такъ какъ у казаковъ оказались пулеметы, и они, раздобывъ паровозъ, уѣхали. Когда же баронесса добралась до Тюмени, то ей еще предстояло не менѣе сложное путешествіе на лошадяхъ зимой. Наконецъ, преодолѣвъ всѣ трудности и имѣя всѣ нужныя разрѣшенія, она появилась въ Тобольскѣ, мечтая въ тотъ же день проникнуть къ Ихъ Величествамъ, но это ей не удалось. И на этотъ разъ Отрядный Комитетъ хотѣлъ показать свою власть. Послѣ долгихъ споровъ и ссоръ, отъ которыхъ стонъ стоялъ во всемъ Корниловскомъ домѣ и среди которыхъ иногда прорывался спокойный и пытавшійся добиться какого-нибудь толковаго рѣшенія, голосъ Кобылинскаго, они категорически отказались впустить баронессу къ Ихъ Величествамъ, а предложили ей выѣхать изъ Корниловскаго дома, гдѣ раньше разрѣшили остановиться. Главной причиной ихъ запрета была шуба. Живя вмѣстѣ очень дружно при дворѣ, фрейлина Буксгевденъ и Гендрикова даже иногда шили себѣ одинаковыя вещи, между прочимъ двѣ шубы свѣтло-сѣраго сукна, съ большими собольими воротниками, совершенно одинаковаго покроя. Надо же было, чтобы графиня Гендрикова, ползимы не вынимавшая шубы, такъ что охрана привыкла ее видѣть въ черномъ котиковомъ пальто, въ это утро, по случаю холода, пошла въ сѣрой шубѣ, въ точно такой, въ какой часъ тому назадъ появилась въ Тобольскѣ баронесса Буксгевденъ. И охрана тотчасъ же рѣшила, что это Буксгевденъ пробралась къ Ихъ Величествамъ безъ ихъ разрѣшенія, хотя никто изъ нихъ не видѣлъ Буксгевденъ въ домѣ Ихъ Величествъ, а часовой не могъ положительно сказать, кого онъ пропустилъ. Исторія съ разрѣшеніемъ длилась нѣсколько дней, и тѣмъ обиднѣе было баронессѣ его не получить и уѣхать изъ Корниловскаго дома. Но въ гости приходить ей разрѣшили, и она дѣлала это ежедневно, навѣщая своего друга гр. Гендрикову и поджидая у окна появленія въ окнахъ того дома Ея Величества и Великихъ Княженъ, тоже аккуратно приходившихъ на эти краткія свиданія.

Ихъ Высочества, несомнѣнно, очень скучали: такъ часто Ихъ можно было видѣть сидящими на подоконникахъ въ залѣ и смотрящими по часу или два на пустынныя улицы Тобольска. Развлеченій было очень немного: сперва устроили онѣ себѣ ледяную гору и ежедневно катались на ней, раскраснѣвшіяся отъ мороза, такія хорошенькія въ своихъ сѣрыхъ костюмахъ и темныхъ мѣховыхъ шапочкахъ, или устраивали на этой же горѣ грандіозную возню съ Алексѣемъ Николаевичемъ, кн. Долгоруковымъ и Жильяромъ, который ходилъ въ мѣховой курткѣ, замотанный башлыкомъ, какъ онъ говорилъ „à la kalmouk".

Они всѣ неистово боролись, сбрасывая другъ друга въ снѣгъ, и громко смѣялись. Государь въ это время рубилъ и пилилъ дрова. Въ этомъ Великія Княжны Ему тоже помогали, съ необыкновенной ловкостью и силой взмахивая топоромъ, такъ



Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ со своими друаьями
кадетами въ Ставкѣ. Могилевъ. Лѣто 1916 г.

Группа Великихъ Княженъ: Ольги, Татьяны, Маріи и Анастасіи въ Царскомъ Селѣ.

что щепки летѣли въ разныя стороны. По вечерамъ онѣ всѣ сидѣли во главѣ съ Ея Величествомъ, усердно занимались рукодѣліями, такъ какъ приближалось Рождество, и, по старому обычаю, онѣ хотѣли сдѣлать всѣмъ подарки. Была устроена елка не только для всей прислуги, но и для дежурившихъ въ первый и во второй день взводовъ охраны, при чемъ каждый изъ солдатъ и каждый человѣкъ изъ прислуги получили какую-нибудь полезную вещь собственной работы Ея Величества или Ихъ Высочествъ, въ родѣ вязаной шапки или перчатокъ. Какъ я уже говорила, мы съ братомъ проводили Рождество одни, такъ какъ мой отецъ былъ съ Ихъ Величествами, а насъ туда не пустили. Но, благодаря вниманію Ея Величества, и для насъ этотъ день не прошелъ незамѣченнымъ. Утромъ въ сочельникъ Ея Величество спросила моего отца, есть ли у насъ елка, и, узнавъ, что нѣтъ, тотчасъ же послала кого-то изъ прислуги въ городъ за елкой для насъ и приложила къ этому нѣсколько подсвѣчниковъ, дождя, снѣга и свѣчей, собственноручно подрѣзанныхъ Его Величествомъ. Затѣмъ вечеромъ того же дня мы получили тоже по вышитой работѣ Ихъ Высочествъ, рисованную Ея Величествомъ закладочку и по вещицѣ: моему отцу — вазу, брату-книгу съ надписью, и мнѣ брелокъ — золотой самородокъ съ брильянтомъ, который впослѣдствіи, къ моему великому горю, вмѣстѣ съ браслетомъ матери и брелочкомъ отца, былъ у меня украденъ. Не могу сказать, какъ тронуло насъ это вниманіе со стороны тѣхъ, кто больше всего сами нуждались въ поддержкѣ и имѣли силу не только переносить все съ мужествомъ и бодростью, но и оказывать столько вниманія и ласки всѣмъ окружающимъ, не исключая людей, ихъ предавшихъ, державшихъ Ихъ, какъ узниковъ.

Несомнѣнно, что изъ всѣхъ заключенныхъ больше всего выдержки, наибольшее присутствіе духа было у тѣхъ, кто долженъ былъ больше всѣхъ страдать, — у Царской Семьи.

Несмотря на очень хорошія отношенія и на искреннее желаніе свиты жить въ мирѣ, все-таки, благодаря напряженному и нервному состоянію, происходили мелочные споры и ссоры, послѣ которыхъ Илья Леонидовичъ Татищевъ говорилъ: „Не надо мельчать, не надо мельчать". Настроеніе, конечно, у всѣхъ было мрачное, и нѣкоторыя изъ лицъ свиты постоянно заводили разговоры о грубости Никольскаго, невоспитанности Панкратова и глупости отряднаго комитета, вмѣсто того, чтобы всячески избѣгать подобныхъ разборовъ, конечно, не способствовавшихъ подбодренію настроенія Ихъ Величествъ.

Ледяную гору Великихъ Княженъ солдаты разрушили, на томъ основаніи, что, поднимаясь на эту гору, Ихъ Высочества оказывались уже внѣ забора, на виду у публики, которая собиралась на Нихъ смотрѣть. Опять охрана начала говорить про возможныя покушенія, о которыхъ никто и не думалъ, такъ какъ большинство публики было настроено совершенно иначе. Одинъ старенькій полковникъ на слѣдующій день послѣ пріѣзда Ихъ Величествъ надѣлъ полную парадную форму и въ теченіе получаса стоялъ, вытянувшись во фронтъ, подъ окнами дома Ихъ Величествъ. Нѣкоторые ходили гулять спеціально, чтобы видѣть въ окно кого-нибудь изъ Царской Семьи, другіе черезъ моего отца, Деревенко и Кобылинскаго посылали конфеты, сахаръ, торты или какихъ-нибудь замѣчательныхъ копченыхъ рыбъ. Изъ женскаго Ивановскаго монастыря привозили молочные продукты, квасъ, присылали просфоры, а въ мартѣ искусно испеченныхъ жаворонковъ, по 50 штукъ въ гнѣздышкѣ, величиной съ дессертную тарелку. Конечно, уничтоженіе горы было лишеніемъ для Ихъ Высочествъ, воспитанныхъ въ здоровомъ духѣ здоровыхъ физическихъ развлеченій, но не помню кто, кажется, Жильяръ, вскорѣ нашелъ другое занятіе:

домашніе спектакли. Эти спектакли преимущественно ставились на иностранныхъ языкахъ подъ руководствомъ Жильяра и Гиббса. Только одинъ былъ русскій, въ которомъ единственный разъ принималъ лично участіе Его Величество и отъ котораго у меня сохранилась программа, написанная Его рукой. Дѣйствующими лицами чаще всего были: Татьяна Николаевна, Марія Николаевна и Алексѣй Николаевичъ, и для мужскихъ ролей — Жильяръ и Гиббсъ, рѣже другихъ — Анастасія Николаевна и Ольга Николаевна, иногда кто-нибудь изъ свиты. Мой отецъ категорически отказался отъ

Медвѣдь.
А. Чехова.

Дѣйствующiя лица:

Попова . . . . О. Н.
Смирновъ . . . . Н. А.
Лука . . . . М. Н.

———

Тобольскъ. 18 Февр. 1918 г.

Писанная рукой Государя Императора программа спектакля 18 Февраля 1918 г. въ Тобольскѣ.

The Crystal-Gazer.
A Comic sketch by L. Montague Esq:
Dramatis personae.

Miss Bessie Black: . . . M: N:
The Crystal Gazer: . . . S. Gibbs.
Stage-manager: S. Gibbs.

18th Febr: 1918 г.

Тобольскъ.

Писанная рукой Государыни Императрицы программа спектакля 18 Февраля 1918 г. въ Тобольскѣ.

участія, прося оставить себѣ роль зрителя, которыхъ и такъ было немного, но однажды Алексѣй Николаевичъ послѣ обѣда подошелъ къ нему и съ серьезностью дѣлового человѣка сказалъ: „Мнѣ надо Вамъ кое-что сказать, Евгеній Сергѣевичъ", Послѣ этого онъ взялъ моего отца подъ руку и пошелъ съ нимъ взадъ и впередъ по залѣ. Дѣло заключалось въ томъ, что Алексѣй Николаевичъ просилъ моего отца взять на себя роль въ слѣдующемъ спектаклѣ. Мой отецъ сперва отказался, но Алексѣй Николаевичъ такъ просилъ его сдѣлать это для него, что это будетъ роль стараго доктора, очень легкая, что мой отецъ согласился, но спектакль не состоялся, не помню отчего. Эти спектакли всѣмъ доставляли много удовольствія, не только игравшимъ, но и зрителямъ, такъ какъ Жильяръ и Гиббсъ оказались искусными

Le Suicide de John.
Comédie en 1 acte de
Maurice Hennequin.
Personnages:
Duplessé, rentier .... P. G.
John, son domestique .... A. N.
Lucien, neveu de Duplessé ... M. N.

Le 6 Déc: 1917.

Тобольскъ.

Писанная рукой Государыни Императрицы программа спектакля 6 Декабря 1917 г. въ Тобольскѣ.

A la Porte.
Comédie en un acte par
Eugène Verconsin.
Personnages.
Roland Delaunay (artiste) --- P. Gilliard.
Mme Dumont: ------ Tt. N.
Balthazar: ------ } A. N.
Mathieu: ------ }
Régisseur: P. Gilliard.
Le 21 Janvier 1918.
Tobolsk.

Писанная рукой Вел. Кн. Татьяны Николаевны программа спектакля 21 Января 1918 г. въ Тобольскѣ.

La Bête Noire.
Comédie en 1 acte par MM. Mendel et Cordier.
Personnages:
Le Docteur Dorthez ...... Gen: Татищевъ.
Frédéric Dorthez, son neveu ..... M: N.
Mme de Bellamare, veuve ..... Tt: N.
Cyprienne, sa fille .... Fr. Гендрикова
Madame Miette .... O. N.
(gouvernante de la maison Dorthez.)
La scène se passe de nos jours à Pau, dans la maison de Santé du Dr. Dorthez.
Régisseur: P. Gilliard.

Le 28 Janvier 1918.

Тобольскъ

Писанная рукой Государыни Императрицы программа спектакля 28 Января 1918 г. въ Тобольскѣ.

In and out of a Punt.
by H. V. Esmond.
Dramatis personae.
Margaret: .... Tt: N.
Hugh: ...... S. Gibbs.
Stage manager: S. Gibbs.

11th Febr: 1918.
Тобольскъ.

Писанная рукой Государыни Императрицы программа спектакля 11 Февраля 1918 г. въ Тобольскѣ.

режиссерами, а Великія Княжны, въ особенности Татьяна Николаевна, проявили много живости и таланта. Алексѣй Николаевичъ, съ привязанной бородой и говорившій басомъ, былъ тоже необычайно милъ. Дни протекали хотя и скучно, но все-же довольно мирно, и всѣ мы съ содроганіемъ читали объ ужасахъ, происходившихъ въ Петроградѣ и Москвѣ, уже давно перешедшихъ въ руки большевиковъ. Въ Тобольскѣ все еще боролись противъ нихъ, и такъ какъ не было еще красноармейцевъ, то дѣла шли мирно. Но вдругъ однажды мы всѣ были свидѣтелями появленія многихъ троекъ съ бубенцами, въ которыхъ сидѣли по двое-трое человѣкъ солдатъ. Въ тотъ же день страшная для всѣхъ вѣсть разнеслась по Тобольску: „Красноармейцы". Дѣйствительно, это былъ отрядъ изъ 50 человѣкъ. Начальниками ихъ были два молодыхъ офицера, мѣстные жители, хорошо извѣстные въ Тобольскѣ: одинъ Демьяновъ, выгнанный изъ семинаріи, про котораго говорили, что онъ былъ мальчишкой сквернаго поведенія, другой-корн. Дегтяревъ, появленіе котораго въ числѣ красноармейцевъ всѣхъ страшно поразило. Дегтяревъ былъ сирота, чуть ли не родственникъ одного изъ Тобольскихъ губернаторовъ и извѣстный съ гимназической скамьи своимъ крайне монархическимъ направленіемъ. При поступленіи въ Петроградскій Университетъ онъ былъ членомъ Союза Михаила Архангела, и вдругъ появился въ роли красногвардейца. Но по его поведенію видно было, что онъ такой же красногвардеецъ, какой былъ и прежде. За все время пребыванія въ Тобольскѣ этотъ отрядъ красногвардейцевъ не произвелъ ни одного обыска, не сдѣлалъ ни одного разстрѣла, не замѣшался ни въ одну скандальную исторію. Когда же пріѣхалъ какой-то особенно грозный отрядъ изъ Тюмени, приступившій къ опустошенію кармановъ клубныхъ завсегдатаевъ и заставившій кормить себя въ этомъ клубѣ даромъ, то Дегтяревъ со своимъ отрядомъ потребовалъ отъ нихъ удаленія, а такъ какъ Дегтяревскій отрядъ поддержалъ отрядъ Особаго Назначенія, то тѣ на другой же день покинули Тобольскъ. Нашъ знаменитый организаторъ говорилъ, что Дегтяревъ, въ ихъ кругу, совершенно открыто говорилъ о своемъ монархическомъ направленіи, показывая даже какія-то бумаги отъ Омскихъ монархическихъ организацій; по словамъ того же организатора, былъ какой-то случай въ Тобольскѣ, когда Дегтяреву удалось, благодаря своему положенію начальника красногвардейцевъ, спасти жизнь Царской Семьи . . . Во всякомъ случаѣ, никто не слыхалъ о такихъ кроткихъ большевикахъ, какъ эти. Единственными пострадавшими отъ нихъ были Панкратовъ и Никольскій, такъ какъ они потребовали ихъ удаленія. Никольскій долго боролся въ Совдепѣ, составляя какіе-то блоки, гдѣ въ результатѣ ихъ попросили о выѣздѣ. „Не думали мы, что раньше Васъ уѣдемъ", сказалъ онъ намъ на прощаніе, проходя черезъ нашу комнату съ чемоданчикомъ и въ грандіозной лохматой черной папахѣ, въ которой онъ еще больше имѣлъ видъ разбойника. „Куда же Вы ѣдете?" спросили мы. „Не знаемъ; искать оскорбленному чувству уголокъ." Кажется, этотъ уголокъ они оба нашли въ Уфѣ, а на ихъ мѣсто появился новый большевицкій комиссаръ латышъ Дуцманъ, подписавшій смертный приговоръ епископу Гермогену, высокаго роста, съ типичнымъ непроницаемымъ лицомъ и полуприкрытыми вѣками голубовато-сѣрыми глазами.

Предсѣдатель Отряднаго Комитета тоже смѣнился къ моменту переворота; это мѣсто занималъ унтеръ-офицеръ 1-го стрѣлковаго полка Кирѣевъ, возбудившій неудовольствіе отряда тѣмъ, что перенесъ въ комнату засѣданій изъ казармы свою кровать и спалъ тамъ, устроенный не хуже насъ всѣхъ. Это обстоятельство особенно возмущало нашего истопника Георгія или Жоржика, какъ его всѣ называли, удивительнаго типа, съ лохматой кудрявой головой и кривыми, какъ колесо, ногами. Онъ



Е. И. В. Государь Императоръ послѣ ареста въ Царскомъ Селѣ.



Высадка Царской Семьи въ Тобольскѣ.



Стрѣлки отряда особаго назначенія (охрана Царской Семьи) подносятъ цвѣты Ихъ Высочествамъ Великимъ Княжнамъ.

явился къ предсѣдателю въ комнату, долго и усердно ругалъ его на весь Корниловскій домъ непечатными словами и, наконецъ, пообѣщался вынести его ночью на улицу вмѣстѣ съ кроватью. Мѣсто Кирѣева было вскорѣ послѣ этого занято прапорщикомъ Матвѣевымъ, произведеннымъ самимъ Ленинымъ въ прапорщики изъ подпрапорщиковъ. Матвѣевъ поселился въ комнатѣ Никольскаго и сдѣлалъ на ней этикетку: „Квартера Павла Матвеевича товарища Матвеева." Не знаю, указалъ ли ему кто-нибудь на нѣкоторую безграмотность этой надписи, но вскорѣ тамъ появилась другая: „гр. П. М. Матвеев." Къ чести его надо сказать, что онъ, по производствѣ своемъ въ офицеры, купилъ глобусъ и какія-то книги и сталъ брать уроки у мѣстныхъ учителей.

По возвращеніи своемъ изъ Петрограда, Матвѣевъ привезъ печальныя нововведенія. Приказомъ Ленина было, во-первыхъ, объявлено, чтобы вся свита, кромѣ докторовъ, жила безвыходно въ томъ же домѣ, гдѣ Ихъ Величества, во-вторыхъ, перевести Ихъ Величествъ на солдатскій паекъ. При отъѣздѣ Ихъ Величествъ въ Тобольскъ, Керенскій выдалъ Кобылинскому деньги, которыя должны были пополняться изъ Петрограда. Сумма была довольно значительная, такъ какъ изъ нея оплачивалось болѣе 20-ти человѣкъ прислуги и столъ свиты и Ихъ Величествъ, состоявшій изъ утренняго кофе съ закуской, завтрака изъ двухъ блюдъ, обѣда изъ 3-хъ и чаевъ съ печеньями и сластями. Но уже въ октябрѣ Петроградъ денегъ не высылалъ, а Кобылинскій не хотѣлъ обращаться къ непризнаваемому еще г.. Тобольскомъ большевицкому правительству. Уже много было взято въ долгъ, и купцы не рѣшались давать больше. Тогда Кобылинскій обратился за помощью къ Татищеву и Долгорукову, и они оба выдали расписки, въ которыхъ обязались уплатить эти деньги изъ своихъ личныхъ средствъ. Такъ шли дѣла до тѣхъ поръ, пока не пришло распоряженіе Ленина перевести арестованныхъ на солдатскій паекъ. На содержаніе всей Царской Семьи, свиты и прислуги отпускалось по 4.000 р. въ мѣсяцъ. Свита, конечно, тотчасъ стала платить за себя, но не такъ-то легко было устроиться съ прислугой. Ленинымъ указывалось количество могущихъ служить людей, и половину приходилось уволить. Для того, чтобы эти люди не оказались на улицѣ безъ заработка, Ея Величество рѣшило въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ платить имъ жалованіе изъ личныхъ средствъ, но такъ какъ отпускаемыхъ денегъ не хватало, то Ея Величество сдѣлала очень умное распоряженіе: слугамъ, оставшимся при нихъ, выдавать въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ $^2/_3$ содержанія, съ обѣщаніемъ изъ послѣдующихъ экономій это пополнить, а пока, на остающуюся $^1/_3$ поддерживать существованіе уволенныхъ. Кажется, каждый изъ продолжавшихъ жить на всемъ готовомъ слугъ долженъ былъ бы безъ всякаго колебанія временно отказаться отъ одной трети, для помощи своимъ же коллегамъ, но вышло совсѣмъ наоборотъ. Оставшіеся на своихъ мѣстахъ, сытые и прикрытые люди подняли такое возмущеніе, такой скандалъ, что бѣдный Жильяръ, которому поручено было это дѣло, пришелъ въ совершенное отчаяніе отъ корысти этихъ людей, отъ которыхъ онъ никакъ не ожидалъ такого безобразнаго отношенія къ своимъ же сослуживцамъ. Надо вообще отдать справедливость придворной прислугѣ, что она оказалась не вполнѣ на высотѣ положенія. Несомнѣнно, нѣкоторые изъ нихъ были искренно преданы Ихъ Величествамъ, что и доказали своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ, но многимъ эта преданность совершенно не мѣшала, даже въ такое трудное время, красть провизію, подавать невѣроятные счета, съѣдать половину присланныхъ Ихъ Величествамъ подарковъ, что узнавалось изъ разсказовъ другихъ служащихъ, обиженныхъ неравнымъ дѣлежомъ. Наконецъ, въ день своего увольненія они всѣ такъ перепились, что ползали на

четверенькахъ мимо комнатъ Ихъ Высочествъ къ себѣ въ мансардное помѣщеніе. Теперь, съ сокращеніемъ денегъ, столъ Ихъ Величествъ сталъ не только скромнымъ но прямо скуднымъ. Они должны были лишиться сладкихъ блюдъ, печеній, кофе, даже яйца и масло давались въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ становились съ каждымъ днемъ все дороже. Переѣздъ свиты тоже былъ большимъ неудобствомъ, такъ какъ мѣста въ губернаторскомъ домѣ и такъ было мало. Пришлось ставить перегородки и выкраивать комнаты изъ лѣстничныхъ площадокъ. Екатерина Адольфовна должна была жить со своими горничными, изъ которыхъ одну больную, еле двигавшуюся, она держала изъ жалости. Татищева помѣстили съ Долгоруковымъ, что было обоимъ не очень пріятно, такъ какъ они не вполнѣ сходились характерами и часто спорили. Татищевъ былъ проникнутъ духомъ христіанскаго милосердія, а Долгоруковъ, наоборотъ, очень рѣзко осуждалъ всѣхъ. Татищевъ любилъ много говорить и разсказывать все однѣ и тѣ же исторіи буквально по 10, 15 разъ, такъ что мы, при всемъ своемъ уваженіи къ нему, не могли удерживаться отъ улыбки. Долгоруковъ разсуждалъ о политикѣ не очень умно, дѣлалъ всевозможныя умозаключенія, выводившія Татищева изъ себя. Гиббсъ долженъ былъ быть помѣщенъ съ Жильяромъ, который занималъ большую комнату, служившую часто Ихъ Высочествамъ классной, но Гиббсъ категорически отказался. Вся свита должна была въ опредѣленное количество часовъ уложиться и перебраться въ другой домъ, но Гиббсъ объявилъ, что онъ не переѣдетъ до тѣхъ поръ, пока ему не отведутъ отдѣльную комнату. Съ упорнымъ англичаниномъ даже Отрядный Комитетъ не могъ сладить, и спеціально для него отремонтировали теплый и обширный, въ два окна, каменный сарайчикъ, гдѣ его и преслѣдовалъ запахъ свиного варева. Когда Гиббсъ жилъ въ Корниловскомъ домѣ, у него была своя отдѣльная прислуга-беззубая Анфиса, или Физа, и Великія Княжны, шутя, говорили, что Гиббсъ безъ Физы не переѣдетъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней Гиббсъ потребовалъ, чтобы Физа была переведена въ д. № 1 для его личныхъ услугъ и что тоже было моментально исполнено.

Какъ разъ въ этотъ періодъ открылись славныя дѣла боцмана Деревенько. Раньше очень къ нему привязанные Алексѣй Николаевичъ и Великія Княжны во время революціи стали замѣчать, что Деревенько не тотъ. Мой отецъ часто находилъ его слишкомъ развязнымъ и даже иногда грубымъ, тогда же онъ окончательно пересталъ стѣсняться. Въ день назначенія комендантомъ Коровиченко онъ бѣжалъ за нимъ по корридору съ такими низкими поклонами, что Алексѣй Николаевичъ смѣялся до упаду и говорилъ Жильяру: „Voyez le gros, le gros“*. За время ареста въ Александровскомъ Дворцѣ онъ подалъ счетъ на 3000 за какіе-то сапоги и платье Алексѣя Николаевича, которыхъ никто никогда не видѣлъ. По переѣздѣ въ Тобольскъ, оказался случайно попавшимъ сундукъ Деревенько, такъ какъ онъ самъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, отказался ѣхать. Онъ нѣсколько разъ умолялъ выслать ему вещи, но, конечно, всѣмъ было не до сундуковъ Деревенько. Наконецъ, когда производили разборку ненужныхъ вещей, наткнулись на сундукъ и открыли его. Онъ оказался совершенно наполненнымъ новыми сапогами отъ Вейса и платьемъ отъ лучшихъ портныхъ, шитыхъ на Алексѣя Николаевича, начиная чуть не съ двухъ лѣтъ, и приберегаемыхъ Деревенькой для своихъ сыновей. Среди прочихъ вещей былъ найденъ кожаный футляръ съ разобраннымъ монте-кристо великолѣпной работы, подарокъ Алексѣю Николаевичу отъ Великаго Князя Сергѣя Михаиловича. Конечно,

* „Посмотрите на толстяка“.

при такомъ составѣ низшихъ служащихъ, дворъ стоилъ раза въ 4 дороже, чѣмъ тратилось въ дѣйствительности на Ихъ Величествъ и свиту. Извѣстенъ случай когда, еще во время Государя Александра III, одинъ изъ оберъ-гофмаршаловъ, возмутившись представленными счетами, отправился и лично закупилъ дешевой и свѣжей провизіи. На слѣдующій день никто во дворцѣ не могъ проглотить ни кусочка, и, когда призвали старшаго повара, то онъ отвѣтилъ: „Не могу знать. Ихъ Высокопревосходительство сами изволили покупать провизію". Въ наши дни фрейлина Бюцова, получивъ къ завтраку тухлую курицу, завернула ее въ бумажку и побѣжала къ оберъ-гофмаршалу графу Бенкендорфу, но онъ сказалъ: „Что подѣлаете? я самъ такую ѣмъ." Мой отецъ пробовалъ воспользоваться своимъ правомъ полученія казенныхъ закусокъ, но результатомъ этого оказались такіе грандіозные счета въ гофмаршальской части, что мой отецъ отказался отъ своихъ правъ и только изрѣдка выписывалъ конфеты и вина.

Однажды часовъ въ 7, вскорѣ послѣ прихода красноармейцевъ, мы съ братомъ были заинтересованы необычнымъ возбужденіемъ въ домѣ и на улицѣ. Нашъ сосѣдъ, прапорщикъ Зима, щелкалъ винтовочными затворами и бѣгалъ взадъ и впередъ, держа по винтовкѣ въ каждой рукѣ. Къ казармамъ отряда то и дѣло карьеромъ подъѣзжали извозчики, на которыхъ стрѣлки возвращались, очевидно, по вызову, изъ города. Вскорѣ мы узнали отъ прислуги, что красногвардейцы ночью обѣщаются сдѣлать нападеніе на губернаторскій домъ, чтобы выкрасть Царскую Семью, и что отрядъ готовится къ защитѣ. Дѣйствительно, караулъ былъ усиленъ, выставили пулеметы, и отрядъ не спалъ всю ночь. Не знаю, было ли дѣйствительно что-либо серьезное, можетъ быть, здѣсь-то и погашенное Дегтяревымъ, только ночью ничего не произошло, а на утро Демьяновъ явился и объявилъ, что они только хотѣли провѣрить, насколько отрядъ хорошо знаетъ свои обязанности, и что теперь они вполнѣ удовлетворены его дѣятельностью. Между тѣмъ, отрядъ все больше распускался: часовые уже очень рѣдко стояли на своихъ постахъ, а, забравъ винтовку подъ мышку, путешествовали взадъ и впередъ, размышляя о томъ, отчего это буржуи ѣздятъ на собственныхъ лошадяхъ, а по ночамъ Кобылинскому часто случалось заставать посты пустыми и весь караулъ играющимъ въ шашки въ караульномъ помѣщеніи, такъ что, въ случаѣ дѣйствительнаго нападенія, ихъ бы забрали всѣхъ живьемъ. Демьяновъ сдѣлалъ подробный осмотръ всего дома и обыскъ оружія, при чемъ Зима опять забѣгалъ съ озабоченнымъ видомъ и, наконецъ, показалъ брату взятую имъ, для спасенія отъ красноармейцевъ, шашку Его Величества, но мы такъ и не узнали, кому онъ ее отдалъ на храненіе. Больше никто этой шашки не видѣлъ.

Разъ вечеромъ, я, ложась спать, долго не могла заснуть. Подъ моей комнатой, въ помѣщеніи охраны, происходило что-то невѣроятное; пьяные возгласы, пѣніе, ревъ граммофона, топанье многихъ ногъ и паденіе тяжелыхъ тѣлъ. Я надѣла халатъ и сѣла въ ожиданіи, когда они, окончательно напившись, придутъ насъ рѣзать, когда, къ довершенію моего безпокойства, послышались выстрѣлы, вызвавшіе появленіе караула. Оказалось, что стрѣлки напились и, несмотря на уговариваніе чухонки горничной, заявлявшей, что „комишари Душмани и каспатини доктори" спать не могутъ и что только „шумазетци" такіе подымаютъ скандалы, устроили пѣніе и пляску и, въ концѣ концовъ, стрѣльбу, такъ что только вмѣшательство караула ихъ успокоило.

Зима начинала проходить. Насъ очень пугалъ тобольскій климатъ, но онъ оказался вовсе не такъ плохъ, какъ о немъ говорили. До конца октября почти не

было снѣгу, и морозъ не больше 5°. Декабрьскіе морозы были порядочные: гр. 16, 20, иногда доходили до 25 и 30, но мы всѣ продолжали храбро выходить ежедневно, а въ болѣе теплые дни можно было видѣть Ея Величество среди гуляющихъ. Только въ февралѣ начались снѣжныя бури, но все-же простужались мало, и только Великія Княжны захворали довольно легкой краснухой, которой ихъ заразилъ сынъ доктора Деревенко. Но вдругъ слегъ Алексѣй Николаевичъ. Это было для всѣхъ большое несчастіе, такъ какъ онъ опять очень страдалъ; у него появилось то же внутреннее кровоизліяніе отъ ушиба, уже такъ измучившее его въ Спалѣ. Страшно живой и веселый, онъ постоянно прыгалъ и скакалъ и устраивалъ очень бурныя игры. Одна изъ нихъ была катанье внизъ по ступенькамъ лѣстницы въ деревянной лодкѣ на полозьяхъ, другая — какія-то импровизированныя качели изъ бревна. Не знаю, во время которой изъ нихъ, но Алексѣй Николаевичъ ушибся и опять слегъ.

Между тѣмъ февральскія бури прошли, и ихъ смѣнили теплые весенніе дни. Уже въ концѣ марта все начало таять, а въ апрѣлѣ я ходила въ лѣтнемъ костюмѣ, а братъ безъ пальто. Правда, это не помѣшало маю быть холоднымъ и дождливымъ, въ родѣ ноября, но тогда мы всѣ наслаждались. Царскую Семью все чаще, за исключеніемъ Алексѣя Николаевича, можно было видѣть на ихъ большомъ балконѣ, на которомъ они и осенью часто сидѣли, такъ что публика могла ясно ихъ видѣть. Приближалась Пасха, и на первой недѣлѣ поста мы всѣ говѣли.

Однажды, числа 10-го апрѣля, прибылъ въ Корниловскій домъ новый комиссаръ, назначенія котораго никто не зналъ; недоумѣвали, отчего онъ пріѣхалъ, на мѣсто ли комиссара Дуцмана, или будетъ теперь два комиссара. Пріѣхавшаго звали Яковлевъ, говорили, что онъ матросъ. Онъ ходилъ въ матросской блузѣ, тулупѣ и папахѣ. Лицо у него было довольно интеллигентное и скорѣе симпатичное. На второй день его пребыванія, мой отецъ сообщилъ намъ важную новость: Яковлевъ пріѣхалъ сюда, чтобы повезти, по приказанію Ленина, Ихъ Величествъ на судъ въ Москву, и вопросъ въ томъ, отпуститъ ли ихъ отрядъ безпрепятственно. Несмотря на страшное слово „судъ“, всѣ приняли это извѣстіе скорѣе съ радостью, такъ какъ были убѣждены, что это вовсе не судъ, а просто отъѣздъ за границу. Навѣрное, самъ Яковлевъ говорилъ объ этомъ, такъ какъ Кобылинскій ходилъ бодрый и веселый и самъ сказалъ мнѣ, уже послѣ ихъ отъѣзда: „Какой тамъ судъ, никакого суда не будетъ, а ихъ прямо изъ Москвы повезутъ на Петроградъ, Финляндію, Швецію и Норвегію.“

11-го апрѣля все утро засѣдалъ Отрядный Комитетъ въ присутствіи Яковлева и Кобылинскаго. Наконецъ, часовъ около 3-хъ мой отецъ пришелъ намъ сказать, что, по распоряженію Яковлева, его и Деревенко также объявляютъ арестованными вмѣстѣ съ Ихъ Величествами, неизвѣстно насколько времени, можетъ быть, только на нѣсколько часовъ, а можетъ быть, дня на два, на три. Взявъ только маленькій чемоданчикъ съ лѣкарствами, смѣной бѣлья и умывальными принадлежностями, мой отецъ надѣлъ свое чистое дворцовое платье, т. е. то, въ которомъ онъ никогда не ѣздилъ къ больнымъ, перекрестилъ, поцѣловалъ насъ, какъ всегда, и вышелъ. Былъ теплый весенній день, и я смотрѣла, какъ онъ осторожно на каблукахъ переходилъ грязную улицу въ своемъ штатскомъ пальто и фетровой шляпѣ. Мой отецъ носилъ форму: генеральское пальто и погоны съ вензелями Государя и въ Тобольскѣ все время, даже съ приходомъ большевиковъ, когда ходили уже вообще безъ погонъ, пока, наконецъ, Отрядный Комитетъ не заявилъ, что они, собственно говоря, ничего противъ не имѣютъ, но красногвардейцы нѣсколько разъ спрашивали, что тутъ за генералъ ходитъ, поэтому, во избѣжаніе недоразумѣній, просили моего отца снять



Өеодоровскій Государевъ Соборъ.

погоны. На это онъ имъ отвѣтилъ, что погонъ не сниметъ, но, если это событіе, дѣйствительно, грозитъ какими-нибудь непріятностями, просто переодѣнется въ штатское.

Мы остались одни, недоумѣвая, что можетъ означать арестъ. Часовъ въ 7 вечера къ намъ прибѣжала Клавдія Михайловна Битнеръ. „Я пришла Вамъ сказать по секрету, что сегодня ночью увозятъ Николая Александровича и Александру Федоровну, и Вашъ отецъ и Долгоруковъ ѣдутъ съ ними. Такъ что, если хотите что-либо папѣ послать, то Евгеній Степановичъ Кобылинскій пришлетъ солдата изъ караула.“ Мы отъ души поблагодарили ее за сообщеніе и принялись укладывать вещи, а вскорѣ получили прощальное письмо отъ отца. Отчасти изъ письма, отчасти изъ разсказовъ Кобылинскаго и бывшей вмѣстѣ съ графиней Гендриковой ея воспитательницы, узнали подробности этого дня и ночи. Послѣ объявленнаго ареста, Яковлевъ явился къ Ихъ Величеству и въ очень вѣжливой формѣ сообщилъ, что онъ долженъ увезти всю Царскую Семью и сдѣлаетъ это сегодня ночью. На это ему сказали, что Алексѣя Николаевича нельзя везти, такъ какъ онъ еще боленъ. Яковлевъ объявилъ, что, въ такомъ случаѣ, Его Величеству придется ѣхать одному. „Я не отпущу Его Величество одного“, сказала Императрица, и ей Яковлевъ разрѣшилъ тоже ѣхать, также и одной изъ дочерей. Великія Княжны посовѣтовались между собой и рѣшили, что Ольга Николаевна слаба здоровьемъ, Татьяна Николаевна должна остаться для ухода за Алексѣемъ Николаевичемъ и для веденія хозяйства, Анастасія Николаевна еще мала. „Тогда я поѣду“, сказала Марія Николаевна съ улыбкой, но слезы блестѣли въ ея чудныхъ синихъ глазахъ. Зашелъ разговоръ о свитѣ. Яковлевъ сказалъ, что съ Его Величествомъ можетъ поѣхать или Татищевъ, или Долгоруковъ и по одному изъ мужской и женской прислуги. Рѣшено было, что поѣдетъ Долгоруковъ, а Татищеву Ея Величество сказала: „Я Вамъ поручаю дѣтей.“ Изъ прислуги попали камердинеръ Его Величества Чемадуровъ и горничная Демидова. О докторахъ не было никакихъ распоряженій, но еще въ самомъ началѣ услыхавъ, что Ихъ Величества ѣдутъ, мой отецъ объявилъ, что онъ поѣдетъ съ Ними. „А какъ же Ваши дѣти?“ спросила Ея Величество, зная наши отношенія и тѣ ужасныя безпокойства, которыя мой отецъ переживалъ всегда въ разлукѣ съ нами. На это мой отецъ отвѣтилъ, что на первомъ мѣстѣ для него всегда стоятъ интересы Ихъ Величествъ. Ея Величество до слезъ была этимъ тронута и особенно сердечно благодарила.

Начались спѣшные сборы и укладка. Я съ содроганіемъ вспоминаю эту ночь и всѣ за ней послѣдующіе дни. Можно себѣ представить, каковы были переживанія и родителей, и дѣтей, никогда почти не разлучавшихся и такъ сильно любившихъ другъ друга, какъ любили Ихъ Величества Ихъ Высочествъ. Родителямъ предстояло опасное путешествіе въ нѣсколько сутокъ на лошадяхъ, по еле проходимымъ дорогамъ, такъ какъ послѣдніе дни погода стояла теплая, снѣгъ почти стаялъ, и съ часу на часъ ждали, что тронется Иртышъ. Дѣти оставались одни въ чужомъ городѣ, больные, не зная, когда увидятся съ родителями. Къ тому же приближалась Пасха, Великій Праздникъ, особенно чтимый Ихъ Величествами, который Они всегда привыкли проводить вмѣстѣ, говѣя на Страстной недѣлѣ. Передъ отъѣздомъ Ея Величество разослала въ городъ уволеннымъ по распоряженію Ленина слугамъ по одной или двѣ тысячи денегъ, а 80 тысячъ были даны на храненіе кн. Долгорукову, который рѣшилъ захватить съ собой револьверъ. Татищевъ и всѣ остальные его отговаривали, говоря, что это только повлечетъ къ недоразумѣніямъ, но онъ не послушался ихъ совѣтовъ. При этомъ отъѣздѣ еще разъ можно было наблюдать

колоссальную выдержку и силу духа Царской Семьи. Ея Величество лежала у Себя на кушеткѣ, и слезы градомъ текли по Ея лицу, но когда Она вышла прощаться, то выраженіе Ея было доброе и ласковое, дѣйствующее на всѣхъ ободряюще.

Въ эту ночь я рѣшила не ложиться и часто смотрѣла на ярко освѣщенныя окна губернаторскаго дома, въ которыхъ, казалось мнѣ, появлялась иногда тѣнь моего отца, но я боялась открывать штору и очень явно наблюдать за происходящимъ, чтобы не навлечь неудовольствіе охраны. Часа въ два ночи пришли солдаты за послѣдними вещами и чемоданомъ моего отца. Около этого же времени на улицѣ послышался непрестанный скрипъ полозьевъ, топотъ верховыхъ и запряженныхъ лошадей. Это были ямщики и конные изъ отряда Яковлева. Наканунѣ собирали лучшихъ ямщиковъ и сани со всего города и еле-еле нашли крытый возокъ для Ея Величества. На разсвѣтѣ я потушила огонь. Губернаторскій домъ и казармы были ярко освѣщены. За заборами загородки вереницей стояли сани и возокъ, ожидая, чтобы имъ открыли ворота. На улицѣ то-и-дѣло появлялись то Дуцманъ, то Кобылинскій или кто-нибудь изъ солдатъ охраны. Наконецъ одинъ взводъ вышелъ изъ воротъ Корниловскаго дома, и построившись на улицѣ, ушелъ куда-то въ сторону почтоваго пути. Изрѣдка являлись какіе-то незнакомые солдаты верхомъ, очевидно, изъ отряда Яковлева. Наконецъ ворота загородки открылись, и ямщики, одинъ за другимъ, стали подъѣзжать къ крыльцу. Во дворѣ стало оживленно, появились фигуры слугъ и солдатъ, тащившія вещи. Среди нихъ выдѣлялась высокая фигура стараго камердинера Его Величества Чемадурова, уже готоваго къ отъѣзду. Нѣсколько разъ изъ дому выходилъ мой отецъ, въ заячьемъ тулупчикѣ князя Долгорукова, такъ какъ въ его доху закутали Ея Величество и Марію Николаевну, у которыхъ не было ничего, кромѣ легкихъ шубокъ. Наконецъ на крыльцѣ появились Ихъ Величества, Великія Княжны и вся свита. Было часовъ пять утра, и на разсвѣтѣ блѣднаго весенняго дня всѣхъ можно было хорошо видѣть. Комиссаръ Яковлевъ шелъ около Государя и что-то почтительно говорилъ ему, часто прикладывая руку къ папахѣ. Стали садиться, укутываться. Вотъ тронулись. Поѣздъ выѣхалъ изъ противоположныхъ отъ меня воротъ загородки и загнулъ мимо забора, прямо на меня, чтобы затѣмъ подъ моими окнами повернуть налѣво по главной улицѣ. Въ первыхъ двухъ саняхъ сидѣли 4 солдата съ винтовками, затѣмъ Государь и Яковлевъ. Его Величество сидѣлъ справа, въ защитной фуражкѣ и солдатской шинели. Онъ повернулся, разговаривая съ Яковлевымъ, и я, какъ сейчасъ, помню Его доброе лицо съ бодрой улыбкой. Дальше были опять сани съ солдатами, державшими между колѣнъ винтовки, потомъ возокъ, въ глубинѣ котораго виднѣлась фигура Государыни и красивое, тоже улыбающееся такой же ободряющей улыбкой, какъ у Государя, личико Великой Княжны Маріи Николаевны, потомъ опять солдаты, потомъ сани съ моимъ отцомъ и княземъ Долгоруковымъ. Мой отецъ замѣтилъ меня и, обернувшись, нѣсколько разъ благословилъ. Потомъ опять солдаты, Демидова съ Матвѣевымъ, Чемадуровъ съ солдатами, опять солдаты и верховые вокругъ. Все это со страшной быстротой промелькнуло передо мной и завернуло за уголъ. Я посмотрѣла въ сторону губернаторскаго дома. Тамъ на крыльцѣ стояли три фигуры въ сѣрыхъ костюмахъ и долго смотрѣли вдаль, потомъ повернулись и медленно, одна за другой, вошли въ домъ.

Прошло нѣсколько дней безъ извѣстій, потомъ вдругъ на Страстной недѣлѣ пришла телеграмма отъ Яковлева, не помню, Кобылинскому или Дуцману, „Передаю полномочія Екатеринбургскому совдепу, ѣду въ Москву.“ Это насъ всѣхъ страшно удивило. Ясно было, что произошло какое-нибудь недоразумѣніе, только не на

пользу Ихъ Величествамъ. Съ нетерпѣніемъ ждали послѣдующихъ извѣстіи, которыя долго не приходили. Наконецъ, пріѣхали тѣ 8 человѣкъ стрѣлковъ Отряда Особаго Назначенія, во главѣ съ Матвѣевымъ, которыхъ Яковлевъ бралъ съ собой. Они разсказали мало утѣшительнаго. По дорогѣ они узнали, что Екатеринбургскій совдепъ, не согласный съ рѣшеніемъ Московскаго-отправить Царскую Семью въ Москву, рѣшилъ ихъ задержать. Узнавъ это, Яковлевъ, чтобы обмануть ихъ хоть на время, повернулъ на Омскъ, разсчитывая оттуда проскочить на Челябинскъ. Но, къ несчастью, можетъ быть, по чьему-нибудь злому намѣренію, у нихъ не хватило воды, и пришлось ее набирать въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Екатеринбурга, гдѣ ихъ и застигли екатеринбургскіе красноармейцы, потребовавшіе сдачи Царской Семьи. Стрѣлки отказались это сдѣлать и въ теченіе 4-хъ дней стояли на площадкахъ вагона. Не знаю, почему Яковлевъ не далъ знать въ Москву, съ просьбой поддержки, но стрѣлки должны были уступить, такъ какъ было всего 8 человѣкъ, а Екатеринбургскіе красногвардейцы обѣщались разстрѣлять весь поѣздъ. Послѣ того, какъ стрѣлки покинули свои посты на площадкахъ вагона, ихъ посадили на хлѣбъ и на воду въ какіе-то подвалы, а Государя, Государыню, Вел. Княжну Марію Николаевну, моего отца, князя Долгорукова, Чемадурова и Демидову взяли изъ поѣзда. Этому предшествовалъ обыскъ; у Долгорукова были найдены два револьвера и 80 тысячъ денегъ. Его отдѣлили и отвезли въ тюрьму, а остальныхъ, на извозчикахъ, въ Ипатьевскій домъ. Оттуда, черезъ нѣкоторое время, Ихъ Высочества и мы получили письма отъ нашихъ родителей. Къ сожалѣнію, эти, какъ и всѣ остальныя письма моего отца, были мною уничтожены. Мой отецъ писалъ, что ихъ помѣстили въ приличномъ домѣ, въ трехъ комнатахъ, съ разрѣшеніемъ пользоваться ванной. Въ одной комнатѣ помѣстились Ихъ Величества и Великая Княжна Марія Николаевна, въ другой Демидова, въ столовой на полу мой отецъ и Чемадуровъ. Домъ окружили двойнымъ заборомъ, изъ которыхъ одинъ былъ такъ высокъ, что отъ собора виднѣлся только золотой крестъ, но и видѣть крестъ доставляло много удовольствія заключеннымъ. Обѣдали они всѣ вмѣстѣ съ прислугой, и на Пасху были куличи, яйца и пасхи, но ни къ заутренѣ пойти не разрѣшили, ни туда пригласить священника. Все-таки первые дни, повидимому, еще было, болѣе или менѣе, сносно, но уже послѣднее письмо моего отца, помѣченное 3-мъ мая, т. е. даже до отъѣзда Ихъ Высочествъ изъ Тобольска, было, несмотря на всю кротость моего отца и желаніе его во всемъ видѣть только хорошее, очень мрачное. Онъ писалъ о томъ, какъ обидно видѣть ничѣмъ незаслуженное недовѣріе и получать рѣзкіе отказы со стороны охраны, когда обращаешься къ нимъ, какъ врачъ, съ просьбой въ послабленіяхъ для заключенныхъ, хотя бы въ прогулкахъ по саду. Если въ тонѣ моего отца проскальзывало недовольство и если онъ начиналъ считать охрану рѣзкой, то это значило, что жизнь тамъ уже очень тяжела и охрана начинала издѣваться.

Въ Тобольскѣ дни проходили тоскливо. Всѣ наши помыслы были сосредоточены на Екатеринбургѣ, и всѣ стремились скорѣе попасть туда. Кобылинскій обѣщалъ намъ съ братомъ взять насъ съ собой, когда онъ повезетъ Ихъ Высочествъ къ родителямъ, и мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждали этого отъѣзда. Еще на Страстной недѣлѣ пріѣхалъ изъ Екатеринбурга отрядъ красной гвардій, который долженъ былъ смѣнить отрядъ Особаго Назначенія и сопровождать Ихъ Высочествъ въ Екатеринбургъ, но Деревенко заявилъ, что еще двѣ недѣли нельзя везти Алексѣя Николаевича, да и отрядъ не хотѣлъ сдавать своихъ полномочій, не получивъ жалованія за послѣдніе мѣсяцы. Ни Дуцманъ, ни отрядный комитетъ уже не имѣли прежней власти. Ихъ мѣста были заняты двумя комиссарами: Хохряковымъ и Родіоновымъ.

Хохряковъ, кочегаръ по происхожденію, былъ довольно безобиднымъ и неумнымъ созданіемъ. Онъ, съ первыхъ же словъ, разсказалъ моему брату, о чемъ братъ передалъ свитѣ, что, по пріѣздѣ въ Екатеринбургъ, вся свита будетъ арестована отдѣльно отъ Ихъ Величествъ, такъ что имъ и ѣхать не стоитъ. Не таковъ былъ Родіоновъ. Онъ былъ жандармомъ въ Вержболовѣ: баронесса Буксгевденъ запомнила его лицо.

Татищевъ тоже видалъ его раньше, и Родіоновъ не отрицалъ, что тоже знаетъ Татищева. Это былъ человѣкъ небольшаго роста, съ отталкивающимъ выраженіемъ довольно благообразнаго лица. Если онъ былъ любезенъ, то дѣлалъ это, точно издѣваясь; если начиналъ кричать, то становился звѣремъ. Они оба съ Хохряковымъ ежедневно являлись къ Ихъ Высочествамъ, присутствуя при электризаціи Алексѣя Николаевича и наблюдая за обѣдами, чтобы не было вина и лишнихъ блюдъ. Когда отрядъ Особаго Назначенія, наконецъ, сдался, получивъ свое жалованіе, Родіоновъ сдѣлался уже полновластнымъ хозяиномъ положенія и сталъ вводить новыя правила. Онъ запретилъ Ихъ Высочествамъ запирать двери Ихъ комнатъ, чтобы, какъ онъ говорилъ: „Я каждую минуту могъ войти и видѣть, что Вы дѣлаете“; затѣмъ Имъ нельзя было, безъ его разрѣшенія, не только выходить гулять, но и спускаться въ нижній этажъ, и для соблюденія этого правила, были поставлены часовые внизу и вверху лѣстницы. Но часовые были не очень точны въ исполненіи этихъ приказаній. Однажды Родіоновъ встрѣтилъ Ихъ Высочествъ внизу: „Какъ Вы смѣли сюда прійти безъ моего разрѣшенія?“ накинулся онъ на нихъ. — „Часовые насъ пропустили“, отвѣтили онѣ. — „Ну посмотримъ, какъ они Васъ пропустятъ сейчасъ“, злобно сказалъ онъ, но нижній часовой съ безмолвной улыбкой далъ пройти Ихъ Высочествамъ мимо себя безпрепятственно и, несмотря на грозные крики Родіонова, что „товарищи“ позорятъ свое званіе революціоннаго солдата, верхній часовой послѣдовалъ примѣру нижняго. Крикамъ Родіонова не было конца, и Ихъ Высочества со смѣхомъ ушли къ себѣ.

Наконецъ насталъ день отъѣзда. Передъ этимъ Великія Княжны усиленно работали, собирая свои драгоцѣнности. Окружающіе совѣтовали имъ оставить все у довѣренныхъ лицъ въ Тобольскѣ, но Татьяна Николаевна, которой это дѣло было поручено Императрицей, настаивала на томъ, чтобы везти все, такъ какъ таково было желаніе матери. Еще лично Ихъ Величества, уѣзжая, передали часть вещей и денегъ полковнику Кобылинскому и часть вещей отослали въ Ивановскій монастырь съ тѣмъ, чтобы оттуда выдали вещи Жильяру, либо Татищеву; теперь же Великія Княжны все рѣшили везти съ собой. Въ Царскомъ Селѣ, передъ отъѣздомъ въ Тобольскъ, онѣ изъ большей части вещей вынули камни изъ оправъ и отдѣльно зашили въ платье и бѣлье жемчуга и брильянты.

Мы выѣхали изъ Корниловскаго дома за два дня до отъѣзда Ихъ Высочествъ, такъ какъ намъ посовѣтовали это сдѣлать лучше самимъ, чѣмъ ждать, пока придутъ выселять силой. Утромъ, наканунѣ дня Ихъ отъѣзда, мы пошли къ губернаторскому дому. Подъ его окнами стояли жена и дочь повара Харитонова, пришедшія въ окно проститься съ мужемъ передъ отъѣздомъ. Родіоновъ, размахивая руками, неистово кричалъ: „Нельзя передъ окнами останавливаться, нельзя, говорятъ вамъ: разстрѣлять велю.“ Мы прошли въ Корниловскій домъ, который сейчасъ весь былъ занятъ охраной, и стали ждать Родіонова. Онъ скоро появился въ фуражкѣ, съ дѣловымъ видомъ и пачкой бумагъ въ рукѣ. Я назвала себя и сказала, что хочу ѣхать къ моему отцу. „До Екатеринбурга я могу Васъ довезти, а дальше что будетъ, я не знаю.“ Я сказала, что желаю попасть къ отцу. „Помилуйте, зачѣмъ Вамъ? вѣдь это

Молебенъ передъ Өеодоровскимъ Государевымъ Соборомъ. 1914 г.

Өеодоровскій Государевъ Соборъ. Мѣста Ихъ Величествъ.

заключеніе продлится еще, можетъ быть, годы; а Вы еще молоды, у Васъ вся жизнь впереди.“ Я повторила, что мое единственное желаніе-быть съ отцомъ, хотя бы заключеніе продлилось сотни лѣтъ, но получила категорическое заявленіе, что меня могутъ довезти до Екатеринбурга, но тамъ къ отцу и Ихъ Величествамъ не пустятъ. Въ такомъ случаѣ, ѣхать, конечно, не имѣло смысла. „А правда,“ спросилъ братъ, „что свиту всю посадятъ въ тюрьму?“ Родіоновъ насторожился. „Нѣтъ, неправда.“ — „А какъ же намъ Хохряковъ сказалъ?“ — „Если онъ сказалъ, такъ это его дѣло, а я ничего не знаю“, объявилъ Родіоновъ съ недовольнымъ видомъ. На этомъ мы разстались.

Я рѣшила не ѣхать, такъ какъ я знала, что мой пріѣздъ въ Екатеринбургъ будетъ только лишнимъ поводомъ къ разговорамъ и можетъ повлечь за собой только какія-нибудь осложненія, въ родѣ пріѣзда Хитрово. Свита тоже была предупреждена, что они могутъ и не ѣхать, но они надѣялись, все-таки, попасть къ Ихъ Величествамъ. Даже баронессѣ Буксгевденъ разрѣшено было проѣхать до Екатеринбурга, и она этимъ воспользовалась. Несмотря на то, что съ полковника Кобылинскаго были уже сняты всѣ полномочія, онъ хотѣлъ сопровождать Ихъ Высочествъ и получилъ не только разрѣшеніе, но почти приказаніе Родіонова это сдѣлать, но отъ всѣхъ потрясеній послѣднихъ дней, и безъ того ослабленный своими тяжелыми раненіями и уже хворавшій въ Тобольскѣ нервной экземой, полковникъ Кобылинскій вдругъ слегъ и въ день отъѣзда Ихъ Высочествъ лежалъ съ температурой въ 40° и не могъ подняться съ постели. Это обстоятельство ставили тоже Кобылинскому въ вину, якобы симулировавшему болѣзнь, но я опредѣленно знаю о желаніи Кобылинскаго сопровождать Ихъ Высочествъ. Да и какъ можно сомнѣваться въ чувствахъ и дѣйствіяхъ этого высоко-порядочнаго и преданнаго Ихъ Величествамъ человѣка? „Я самое дорогое отдалъ Государю Императору — свою честь,“ вотъ подлинныя слова полковника Кобылинскаго, въ которыхъ, какъ нельзя лучше, выражено все, что ему пришлось вынести.

Въ день смѣны отряда Особаго Назначенія на отрядъ Родіонова произошелъ еще одинъ маленькій инцидентъ: Алексѣю Николаевичу и сыну д-ра Деревенко очень нравилось тайно переписываться, хотя никто не мѣшалъ имъ переписываться явно, черезъ самого Деревенку. Имъ же доставляло особенное удовольствіе пересылать письма какимъ-то таинственнымъ способомъ, въ просверленныхъ просфорахъ, напримѣръ. Въ этотъ разъ Алексѣй Николаевичъ передалъ свое письмо къ Колѣ Деревенко черезъ своего лакея Нагорнаго, который долженъ былъ принести ему отвѣтъ, но Нагорный запоздалъ, вернулся обратно, когда караулъ отъ отряда Особаго Назначенія уже смѣнился Родіоновскимъ.

Нагорнаго обыскали, нашли письмо самаго невиннаго содержанія и подняли цѣлую исторію. На основаніи этой исторіи съ письмомъ, д-ръ Деревенко не былъ пущенъ къ Ихъ Величествамъ, но и подъ арестъ не попалъ.

Самаго отъѣзда ихъ Высочествъ мы не видѣли и не пошли на пристань, такъ какъ намъ сказали, что туда не пускаютъ. Между тѣмъ, туда пускали кого угодно, и послѣдніе полчаса ихъ Высочествамъ разрѣшено было стоять на палубѣ, на разстояніи какихъ-нибудь двухъ аршинъ отъ публики на пристани. Дальнѣйшее же я знаю со словъ Жильяра и баронессы Буксгевденъ и камердинера Волкова. Издѣвательство охраны продолжалось на пароходѣ, все прогрессируя. Къ открытымъ дверямъ каютъ Великихъ Княженъ были приставлены часовые, такъ что онѣ даже не могли раздѣться. Вся провизія, присланная Ихъ Высочествамъ мѣстными жителями, Ивановскимъ монастыремъ и заключавшаяся въ ледникахъ съ молокомъ, квасомъ,

творогомъ и пирогами и печеньемъ, была отобрана красногвардейцами въ свое пользованіе. Они выдавали имъ только немного молока, а у баронессы Буксгевденъ нашлось въ карманѣ нѣсколько холодныхъ зразъ и сладкихъ кексовъ. Это было все ихъ питаніе. Не знаю, какъ продолжалось въ поѣздѣ до Екатеринбурга, но, по пріѣздѣ туда, всѣ были немедленно раздѣлены. Великія Княжны и Наслѣдникъ, въ сопровожденіи двухъ лакеевъ-штандартскихъ матросовъ-Нагорнаго и Сѣднева, повара и поваренка, были отвезены въ Ипатьевскій домъ, при чемъ Великихъ Княженъ самихъ заставили нести свой багажъ, и Татьяна Николаевна поразила всѣхъ своей силой, неся съ легкостью по чемодану въ каждой рукѣ. Графиня Гендрикова и Екатерина Адольфовна Шнейдеръ, Татищевъ и камердинеръ Волковъ были отправлены въ тюрьму, гдѣ первыхъ двухъ, по нездоровью, помѣстили въ тюремную больницу. Жильяра, баронессу Буксгевденъ, нѣсколько человѣкъ прислуги, Кирпичникова въ томъ числѣ, отвезли на запасные пути, гдѣ уже скопилось до 35.000 бѣженцевъ, хворавшихъ, умиравшихъ и родившихся въ невѣроятной грязи, которая можетъ образоваться отъ такого скопленія народа. Докторъ Деревенко, какъ я уже говорила, подъ арестъ не попалъ, а сталъ жить свободнымъ человѣкомъ, черезъ день приходя къ Ихъ Величествамъ подъ конвоемъ и контролируемый въ лѣченіи Алексѣя Николаевича какимъ-то безграмотнымъ фельдшеромъ. Когда же былъ назначенъ комиссаромъ Юровскій, за Деревенкой перестали посылать, а онъ, по его собственному выраженію, не хотѣлъ о себѣ напоминать большевикамъ и больше не бывалъ у Ихъ Величествъ. Такимъ обраaомъ онъ избѣгнулъ той ужасной участи, которая постигла всю свиту, и практиковалъ съ большимъ успѣхомъ въ Екатеринбургѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Ихъ Высочества уѣхали, мы уже больше не имѣли никакихъ свѣдѣній ни отъ нихъ, ни отъ моего отца, такъ какъ стали желѣзныя дороги, и вскорѣ мы очутились подъ разными правительствами, благодаря чешскому движенію. Все остальное я знаю со словъ Жильяра и баронессы Буксгевденъ, которые, живя на запасныхъ путяхъ, изрѣдка заходили въ городъ и видались съ д-ромъ Деревенко. Въ первые же дни по пріѣздѣ въ Екатеринбургъ, Жильяръ проходилъ мимо Ипатьевскаго дома, когда оттуда красногвардейцы вывели лакеевъ Нагорнаго и Сѣднева и, усадивъ на извозчика, увезли куда-то подъ конвоемъ. Въ тотъ же день оба были разстрѣляны. Красноармейцы ими давно были недовольны, такъ какъ считали, что они поaорятъ честь матросовъ, служа при Царской Семьѣ. Теперь же, въ Екатеринбургѣ, Нагорный не стерпѣлъ грубаго обращенія Родіонова съ Алексѣемъ Николаевичемъ и, выйдя аа нимъ, закричалъ на него, что, если онъ еще разъ позволитъ себѣ какую-либо грубость, онъ, Нагорный, его просто изобьетъ. Только послѣ ухода большевиковъ удалось разыскать, по платью, брошенныя красногвардейцами и разлагающіяся тѣла и похоронить ихъ.

Та же участь, что и Нагорнаго съ Сѣдневымъ, постигла и всю свиту, заключенную въ тюрьмѣ. Въ разное время были выведены изъ тюрьмы: Татищевъ, кн. Долгоруковъ и разстрѣляны. Граф. Гендрикову, Екатерину Адольфовну Шнейдеръ и камердинера Ея Величества Волкова перевели въ Пермь и держали въ одной тюрьмѣ съ супругой Его Высочества Князя Іоанна Константиновича — Еленой Петровной и Ея приближенными. Они очень нуждались въ тюрьмѣ, въ особенности граф. Гендрикова, не имѣвшая при себѣ никакихъ вещей. Она сама стирала свое бѣлье подъ краномъ, при чемъ, имѣя только одну смѣну бѣлья, стирая блузу, надѣвала рубашку, а стирая рубашку, надѣвала блузу. Однажды ее вызвали къ комиссарамъ: „Отчего Вы не попросите Ваши вещи?“, спросили ее. „Мнѣ ничего не нужно“, спокойно сказала графиня. „Чего Вы хотите?“ — „Служить Ихъ Величествамъ до конца дней

своихъ." — „Ахъ такъ?" — „Да, такъ." — „Ведите обратно въ тюрьму." Когда послѣ этого пришла стража и велѣла графинѣ и Екатеринѣ Адольфовнѣ идти за собой, то всѣмъ стало ясно, зачѣмъ. Графиня встала совсѣмъ спокойная и только сказала: „уже", но, повидимому, потомъ она повѣрила словамъ красноармейцевъ, объявившихъ, что ихъ просто переводятъ въ другую тюрьму. Кромѣ ея и Екатерины Адольфовны Шнейдеръ, въ этой партіи было еще нѣсколько мужчинъ и женщинъ и камердинеръ Волковъ. Послѣдній, замѣтивъ, что ихъ ведутъ все дальше и дальше и слышатся какіе-то подозрительные свистки изъ лѣсу, рѣшился бѣжать и въ тотъ моментъ, когда ведшіе ихъ солдаты, по одному изъ свистковъ, свернули въ чащу, онъ перепрыгнулъ черезъ канаву и бросился бѣжать; за нимъ раздались выстрѣлы, и онъ слышалъ, какъ графиня Гендрикова вскрикнула. Впослѣдствіи ея тѣло и тѣло Екатерины Адольфовны Шнейдеръ были найдены зарытыми около города. Теперь же онѣ похоронены въ Перми.

Жизнь арестованныхъ въ Ипатьевскомъ домѣ становилась съ каждымъ днемъ ужаснѣе. Произвели обыскъ и забрали все драгоцѣнное, при чемъ у Алексѣя Николаевича съ кровати сорвали золотую цѣпочку, на которой висѣли образа. Принеся пищу, — то, что оставалось послѣ караула, — плевали въ нее или убирали, когда арестованные только-что начинали ѣсть. Первое время Великія Княжны готовили Ея Величеству отдѣльно на спиртовкѣ кашу и макароны, приносимыя Деревенкой, но вскорѣ Деревенку перестали пускать къ нимъ, и онѣ больше ничего не получали. Въ то время въ Екатеринбургскомъ совдепѣ состоялъ одинъ германскій шпіонъ. (Впослѣдствіи оказалось, что Яковлевъ — бывшій русскій офицеръ и тоже германскій шпіонъ.) Членъ Екатеринбургскаго совдепа, шпіонъ германскаго правительства, былъ впущенъ комиссарами къ Государю и заявилъ, что вся Царская Семья будетъ освобождена и отправлена за границу, если Ихъ Величества подпишутъ Брестскій миръ. Ихъ Величества отказались, и послѣ этого жизнь ихъ стала еще хуже. Былъ назначенъ новый комиссаръ — еврей Юровскій. Отношеніе охраны было сплошнымъ издѣвательствомъ, а Ихъ Величества сносили все съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ святыхъ мучениковъ. Они погибли мученической смертью въ ночь съ 3 на 4 іюля (16 на 17) іюля 1918 года.

Слухъ объ этомъ ужасномъ, неслыханномъ преступленіи сразу поползъ по Сибири, какъ ни скрывали его участники этого дѣла. Конечно, никто изъ насъ не вѣрилъ слуху до тѣхъ поръ, пока, по пріѣздѣ во Владивостокъ, я не увидѣла людей, лично читавшихъ все дѣло, веденное генераломъ Дидерихсомъ. Въ ночь съ 3 на 4 іюля (16—17) 1918 года Царственнымъ узникамъ приказали собираться въ дорогу. Вся Царская Семья, мой отецъ и прислуга были скоро готовы и всѣ сведены въ подвальную комнату Ипатьевскаго дома. Тамъ имъ предложили подождать. Они попросили стулья; было принесено два: на одномъ изъ нихъ сѣлъ Государь съ Наслѣдникомъ на рукахъ, на другомъ Императрица. Они недолго ждали, какъ вошелъ Юровскій, въ сопровожденіи 12 солдатъ, изъ которыхъ только два было русскихъ, остальные евреи и латыши. Юровскій обратился къ Государю: „Вы отказались принять помощь Вашихъ родственниковъ, поэтому я долженъ Васъ разстрѣлять." Государь совершенно спокойно перекрестился и всталъ на колѣни, попрежнему держа Наслѣдника. Императрица также перекрестилась и преклонила колѣна.

Раздались выстрѣлы. Юровскій стрѣлялъ въ Государя, солдаты по остальнымъ. Когда уже переворачивали тѣла и добивали штыками, очнулась Великая Княжна Анастасія Николаевна и закричала. Ее тоже добили. Послѣ этого тѣла были обо-

браны, свалены въ автомобиль и свезены въ лѣсъ, гдѣ сжигались на двухъ кострахъ: огневомъ и кислотномъ; несмотря на такое усердное уничтоженіе, нѣкоторыя мелкія вещицы уцѣлѣли въ золѣ, и я видѣла фотографіи съ нихъ и узнала извѣстныя мнѣ вещи Царской Семьи и моего отца . . .

Такъ погибли эти великіе люди, эти, дѣйствительно, вѣрующіе христіане.

Вся Россія виновата въ ужасной смерти этихъ Святыхъ Мучениковъ, и никто не подумаетъ, никто не сознается въ своихъ грѣхахъ! Теперь больше, чѣмъ когда-либо, надо прибѣгнуть къ молитвѣ, надо разбудить въ себѣ заснувшую вѣру, надо призвать Христа, нашего Спасителя, и молиться, молиться за спасеніе душъ всего народа, за каждаго изъ насъ, за всѣхъ насъ, допустившихъ гибель своего Царя и Наслѣдника.

Молитва, покаяніе и сознаніе своего великаго грѣха передъ Царской Семьей, можетъ быть, искупятъ этотъ грѣхъ, который, иначе, ляжетъ и на дѣтей нашихъ, и не будетъ у насъ больше родины, не будетъ дано намъ видѣть благополучіе земной жизни, не будетъ дано намъ видѣть Царствіе Небесное. Да проститъ намъ Господь Богъ и Святая Семья Царскихъ Мучениковъ нашъ великій грѣхъ и да поможетъ намъ Христосъ начать новую свѣтлую жизнь по Его ученію!



Лейбъ медикъ Евгеній Сергѣевичъ Боткинъ.

Свита, послѣдовавшая съ Царской Семьей въ Тобольскъ.

Верхній рядъ (слѣва направо): Ген. адъют. И. Л. Татищевъ, воспитатель Наслѣдника Цесаревича П. А. Жильяръ, гофм. ген. м. Кн. В. А. Долгоруковъ.

Нижній рядъ (слѣва направо): гоф. лектриса Е. А. Шнейдеръ, фрейлина Граф. А. В. Гендрикова.

Письма и факсимиле.

Удостовѣреніе №

Изображенному на оборотѣ сего Евгенію Сергѣевичу Боткину разрѣшен вход и выход из дома №, что подписью и приложеніем казенной печати удостовѣряется. г. Тобольск 6 Ноября 1917.

Комиссар Временнаго Правительства В. Панкратов

КОМЕНДАНТЪ АЛЕКСАНДРОВСКАГО ДВОРЦА

Александровскаго Дворца

Полковник Кобылинский

Удостовѣреніе отъ Комиссара Временнаго Правительства Лейбъ-Медику Е. С. Боткину на право входа въ домъ, гдѣ пребывала Царская Семья въ Тобольскѣ.
(На обратной сторонѣ фотографіи, См. табл. XV.)

Тобольск. 23 Апрѣля 6 Мая 1918.

Воистину Воскресе!

Сердечно поздравляю со свѣтлым праздником и желаю всего, всего хорошаго. Горячо благодарю за сестру и за сиб. за поздравленіе. Пишу за неё т.к. она с Родителями уѣхала. Часто, часто Вас вспоминаем. Надѣюсь здоровы! Всѣ милыя больныя привѣт и благодарят за поздравленія, и я тоже. Еще раз желаю Вам всего хорошаго.

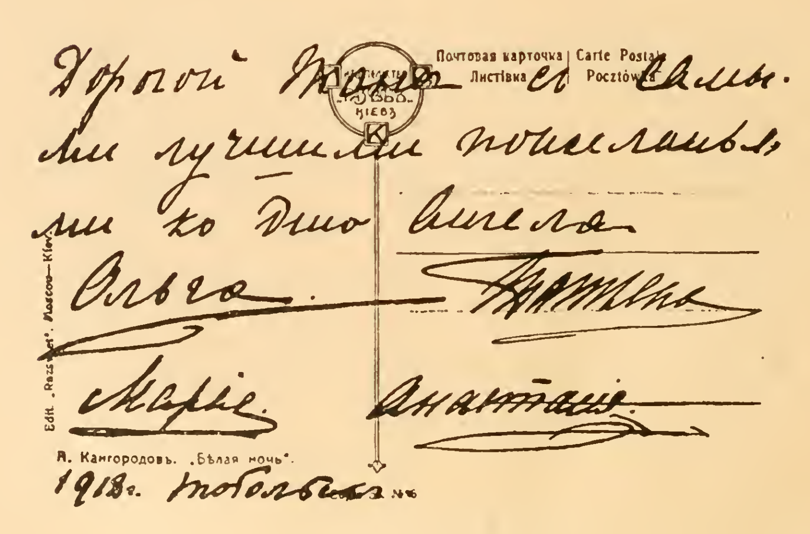
Собственноручное письмо Великой Княжны Анастасіи Николаевны (послѣ отъѣзда Ихъ Величествъ и В. Кн. Маріи Николаевны въ Екатеринбургъ) къ одному офицеру, лежавшему ранѣе въ лазаретѣ Ихъ Имени $\frac{\text{23 Апрѣля}}{\text{6 Мая}}$ 1918 г.


ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
CARTE POSTALE

А. И. Лажечниковъ
Купальня въ Царскомъ Селѣ
Le bain à Tsarskoe Selo

Крѣпко цѣлую и поздравляю съ Днемъ Ангела.
Александра.
Тобольскъ
12го Янв. 1918 г.

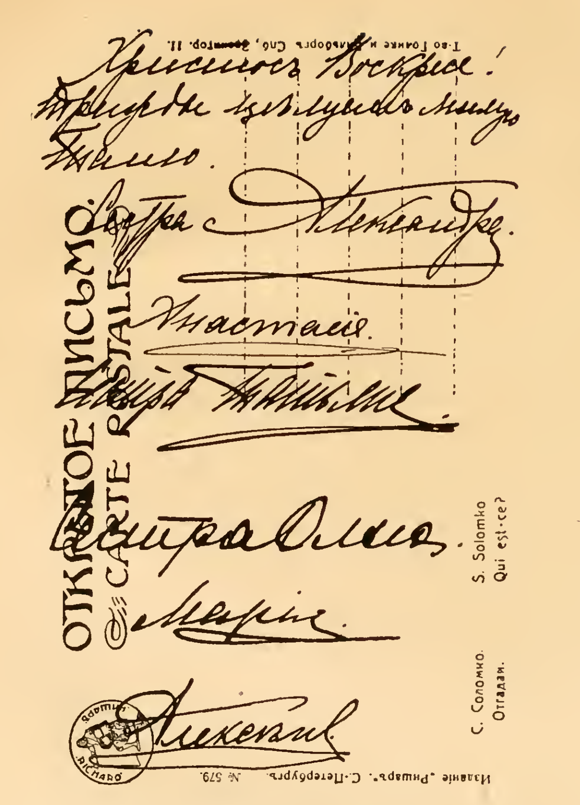
Собственноручное поздравленіе Государыни Императрицы Александры Θеодоровны Т. Е. Боткиной 12 Янв. 1918 г. въ Тобольскѣ.


Почтовая карточка | Carte Postale
Листiвка | Pocztówka

Дорогой Танѣ съ самыми лучшими пожеланьями ко дню Ангела.
Ольга.
Татьяна.
Марiя.
Анастасія.

А. Кангородовъ. „Бѣлая ночь".
Edit. „Razsvet". Moscou—Kiev.
1918 г. Тобольскъ.

То же отъ Великихъ Княженъ.



Собственноручное поздравленіе Ея Императорскаго Величества и Августѣйшихъ Дѣтей.

Тобольскъ. 6е Января 1918г.

Горячо благодаримъ за поздравленіе и открытку которая напомнила лазаретъ. Какъ поживаете? Не болятъ ли Ваши старые раны? Желаемъ всего хорошаго въ новомъ году и надѣемся, что на новой службѣ Вамъ не будетъ слишкомъ трудно. Шлемъ сердечный привѣтъ. М.

Храни Васъ Богъ. Часто вспоминаемъ. А.

Собственноручное письмо Великой Княжны Маріи Николаевны съ припиской Великой Княжны Анастасіи Николаевны къ одному ихъ офицеровъ, лежавшихъ ранѣе въ лазаретѣ Ихъ Имени.

9*

29: Апрѣля 1918 г.
Воскресенье

Спасибо Вамъ душка Таня
за добрую вѣсть. Мы тоже
получили сегодня письма отъ
23-го но собственно ничего не
пишутъ. Да, Марія пишетъ
что Вашъ Отецъ какъ всегда
пишетъ по ночамъ и рано
утромъ [illegible] въ [illegible]. А
такъ все Слава Богу.
Поклонъ Глѣбу и Вамъ отъ
всѣхъ. Целую крѣпко и еще
благодарю. Ольга

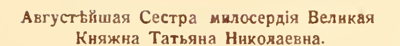
Собственноручное письмо В. Кн. Ольги Николаевны Т. Е. Боткиной 29 Апрѣля 1918 г. въ Тобольскѣ.

Спасибо, дорогая
Таня Вамъ и Глѣбу
за милое письмо.
Пишетъ-ли Папа?
Мы ничего не имѣ-
емъ и страшно гру-
стимъ. Пожалуйста
поцелуйте моего друга
Юлію Алексѣевну, т.
е. Дружку, Мелашку.
Целую Васъ обоихъ
и желаю всего доб-
раго. Ольга.

23: Апр. 1918 г. Тобольскъ.

Собственноручная записка В. Кн. Ольги Николаевны Т. Е. Боткиной 23 Апрѣля 1918 г. въ Тобольскѣ.





Августѣйшая Сестра милосердія Великая Княжна Татьяна Николаевна.



Августѣйшая Сестра милосердія Великая Княжна Ольга Николаевна.

И. И. В. Великія Княжны Марія Николаевна и Анастасія Николаевна среди раненыхъ въ лазаретѣ Своего Имени. 1915 г.

НѢСКОЛЬКО ОТРЫВКОВЪ ИЗЪ ПИСЕМЪ МОЕГО ОТЦА

I

Ливадія 4-го ноября 1913 г.* „... Въ десятомъ часу Ихъ Величества снова спросили (по телефону), можно ли навѣстить больного, и я сказалъ, что это уже никакой опасности представлять не можетъ, а только обрадуетъ и поддержитъ умирающаго. Дѣйствительно, онъ прослезился, узнавъ, что Они пришли, и сказалъ: „Ахъ, Они дорогіе, золотые“, велѣлъ себя причесать и все прибрать кругомъ. Затѣмъ сердечно разговаривалъ съ Ними, говорилъ, какъ онъ 31 годъ прожилъ съ женой, „какъ одна душа“, просилъ Его Величество курить и съ готовностью ухватился за предложеніе Ея Величества собороваться. Когда съ этимъ стали поторапливаться, умирающій спокойно сказалъ: „Не отойду, пока не особоруюсь.“ Во время соборованія онъ вполнѣ сознательно крестился, а когда оно окончилось, легъ на правый бокъ и заснулъ, — заснулъ подъ безконечно добрыми взорами Ихъ Величествъ, какъ ребенокъ на рукахъ у матери. Ихъ Величества ушли умиленные, и Государь согласился со мной, когда я вчера назвалъ кончину Вл. Ал. „завидной“.

30-го ноября 1913. Ливадія... „Ея Величество на другой день послѣ кончины Вл. Ал. была такъ особенно милостива со мной, видимо, чувствуя своей чуткой и высокой душой, что я долженъ переживать, и стараясь ободрить меня, не касаясь, впрочемъ, того, что могло меня угнетать. Такое отношеніе и въ такія минуты никогда невозможно будетъ забыть...“

Ц. Село. 17 янв. 1916. „... вчера я снова минутъ на 20 опоздалъ на службу** и, признавшись, что проспалъ, сказалъ, что никакъ не могу рано ложиться, т. к. не справляюсь съ дѣлами. „Вамъ давно говорили, что Вы должны уѣхать отдохнуть, что иначе Вы не выдержите. Нельзя доводить себя до полнаго изнеможенія“. — „Теперь я и самъ вижу, что это необходимо“, сказалъ я... Со мной согласились, и вопросъ теперь только въ томъ, какъ продолжителенъ будетъ мой отпускъ...“

* По поводу кончины дворцоваго коменданта ген. Дедюлина.
** Т. е. къ Ея Величеству.

II

Привожу собственныя слова моего отца изъ его писемъ къ старшимъ братьямъ о Государѣ.

6. IX. 1908. „Не удивляюсь, что Маковскій былъ очарованъ Государемъ, — это, дѣйствительно, чарующій чоловѣкъ. Какъ онъ тронулъ меня третьяго дня, напримѣръ. Послѣ обѣда, часовъ около 9½ веч., обыкновенно, я спѣшу къ себѣ въ каюту, чтобы пописать или почитать до чая, и стараюсь вернуться въ столовую 15 или 20 минутъ двѣнадцатаго, такъ, чтобы застать всѣхъ передъ самымъ окончаніемъ игры въ билліардъ. Это не настоящій большой билліардъ, а маленькая доска, которая устанавливается совершенно горизонтально по ватерпасу, и по ней четыре игрока катаютъ маленькій шарикъ помощью маленькихъ палочекъ, тоже съ шарикомъ на концѣ. Теперь постоянно по вечерамъ идетъ игра на двухъ столикахъ, на одномъ съ Государемъ, на другомъ съ Императрицей. Когда обѣ игры кончаются, Ея Величество прощается и уходитъ къ себѣ внизъ, а Государь садится пить чай. Вотъ я и стараюсь всегда прійти до этого момента. Такъ я пришелъ и третьяго дня, въ самомъ тревожномъ состояніи, вслѣдствіе отсутствія извѣстій о Васъ, и потираю холодныя руки, которыя только-что вымылъ. Государь подходитъ ко мнѣ и такъ ласково говоритъ: „Что это у Васъ, Е. С., зазябшій какой видъ?“ и обѣими руками беретъ мои холодныя. Ну, развѣ не трогательно это чутье и эта милая, долженъ сказать, ласка? . . .“

Фридбергъ. 15. (28.) IX. 1910. Надняхъ мы сдѣлали въ томъ же составѣ (Государь, флигель-адъютантъ Дрентельнъ и мой отецъ) первую пѣшеходную прогулку по Фридбергу, по городу; такъ право, кажется, Государя не меньше восьми разъ сняли четыре фотографа: одинъ и тотъ же-разъ сниметъ, потомъ забѣжитъ впередъ въ другую улицу (какъ посчастливилось ему догадаться, куда пойдетъ Его Величество?) — глядимъ, — и еще разъ чикнулъ . . . Между этими четырьмя фотографами оказался и нашъ Ганъ*, который шелъ, грустный, со своимъ „животомъ“**, какъ неудачный охотникъ съ пустымъ ягташемъ, и вдругъ . . . Государь . . . Сейчасъ побѣжалъ впередъ и снялъ. Черезъ нѣсколько времени, замѣтивъ, что Ганъ все идетъ сзади, Его Величество остановился и сказалъ ему: „Ну, ужъ снимите Насъ для альбома.“ То есть, это такая доброта, такая *безконечная* доброта—нашъ Царь‘ что я и сказать не могу . . . Ну, напримѣръ, эти наши утреннія прогулки: мнѣ положительно кажется, что онъ предпочиталъ бы дѣлать ихъ вдвоемъ съ Дрентельномъ, что я не только гораздо менѣе интересенъ, чѣмъ Др., но иногда, можетъ быть, даже мѣшаю завязаться между ними болѣе интересному разговору, но Государь знаетъ, какъ я наслаждаюсь и дорожу ими, и всегда беретъ меня съ собой, — а если я почему-нибудь не свободенъ (долженъ быть позванъ къ Ея Величеству), то Онъ *непремѣнно* передъ отъѣздомъ выразитъ мнѣ сочувствіе по этому поводу и всегда такъ удивительно сердечно и просто . . . Господи! Да развѣ я могъ разсчитывать на такое счастье, чтобы каждое утро гулять съ Государемъ? Да, я каждую прогулку считаю за особый праздникъ, а не то — думаю, будто у меня что отняли, когда я не попадаю на нее . . .

Между тѣмъ и Царь и Царица заботятся, чтобы я непремѣнно попалъ: Ея Величество меня пораньше принимаетъ и торопитъ на прогулку или, если не можетъ

* Придворный фотографъ Ганъ.

** Такъ называли Ихъ Высочества большой фотографическій аппаратъ Гана.

принять до нея, посылаетъ гулять и принимаетъ потомъ, по возвращеніи, а Государь, видимо, поджидаетъ иногда, — разъ даже подъѣхалъ на автомобилѣ за мной къ нашему домику . . . Подумай, какой онъ добрый . . . Если бы онъ только могъ знать, какъ я это чувствую . . . Все это я пишу тебѣ, конечно, только для Васъ, для семьи, — никому другому я бы не сказалъ этого, потому что меня бы не поняли, или приняли бы за хвастовство, — такъ и Вы не разсказывайте, а я отъ умиленія это выболталъ, отъ полноты души . . .

„Штандартъ" 6. VI. 1911. Потомъ я еще немного поигралъ, по приглашенію очаровательнаго А. Н.*, въ жмурки съ нимъ, двумя юнгами и Деревенькой на ютѣ. А. Н. очень веселился, раскраснѣлся и, уходя, ужасно мило спрашивалъ юнговъ, что „правда, очень веселая игра?"

„Штандартъ" 8. VI. 1911. Съ хорошей погодой у насъ сейчасъ же возобновилась береговая жизнь: дѣти ѣздили на островъ два раза, одинъ разъ и Государь съ ними, при чемъ самъ гребъ, а потомъ ходилъ на байдаркѣ.

„Штандартъ" 14. VII. 1911. Это трогательная картина, когда Марія Николаевна играетъ въ четыре руки съ Анастасіей Николаевной, — и такъ мило у нихъ это выходитъ. А какъ Ольга Николаевна музыкальна и какіе она успѣхи дѣлаетъ! Это я еще зимой замѣтилъ. Онѣ попрежнему всѣ очаровательны, хотя всѣ очень выросли и отношеніе ихъ ко всѣмъ стало болѣе взрослымъ, — я бы сказалъ, еще болѣе сердечнымъ, потому, что болѣе глубокимъ. Я никогда не забуду ихъ тонкое, совсѣмъ непоказное, но такое чуткое отношеніе къ моему горю, когда я былъ такъ встревоженъ Танюшинымъ тифомъ . . Я все вспоминаю покойную княгиню М. М. Голицыну**, которая была совсѣмъ порабощена чуткимъ сердечнымъ отношеніемъ къ ней Ольги Николаевны, тогда еще совсѣмъ маленькой, когда бѣдная княгиня оплакивала потерю своей прелестной внучки . . . Алексѣй Николаевичъ тоже очень растетъ, а съ нимъ и его очарованіе. О Родителяхъ я и не говорю: моя любовь къ нимъ и преданность безграничны . . . Вчера я участвовалъ въ грандіозной прогулкѣ съ Государемъ: мы сдѣлали 16 верстъ, — десять изъ нихъ, приблизительно, я прошелъ вмѣстѣ со всѣми шагомъ Его Величества, но потомъ отсталъ и пришелъ къ конечной нашей цѣли, къ каменоломнѣ, только 15-ью минутами позже . . . Когда я дошелъ, наконецъ, до берега моря, гдѣ около каменоломни собралась вся наша огромная семья, — и сухопутные и морскіе пѣшеходы, „пришедшіе" на моторномъ катерѣ, — милыя Великія Княжны, какъ настоящія сестры милосердія, и добрые спутники мои встрѣтили меня содовой водой, сохранившей въ чудодѣйственномъ термосѣ всю свою свѣжесть . . ."

III

„Штандартъ." Севастополь. Сентябрь 1911 г.

„Черезъ Министерство Двора я испросилъ для нихъ*** Высочайшее разрѣшеніе навѣстить меня въ моей каютѣ, и имъ было разрѣшено бывать у меня каждый день.

* Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ.

** Статсъ-дама кн. Марія Михайловна Голицына.

*** Для меня и младшаго брата Глѣба.

. . . Мнѣ гораздо лучше и я снова долженъ только благодарить Бога за свою болѣзнь: она не только доставила мнѣ радость принять нашихъ дорогихъ маленькихъ* въ моей милой каютѣ, не только приносить имъ радость навѣщать меня здѣсь, гдѣ имъ такъ нравится, но дала имъ необычайное счастье быть обласканными всѣми Великими Княжнами, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и даже Ихъ Величествами. Я также истинно счастливъ и не только этимъ, но и безграничной добротой Ихъ Величествъ. Чтобъ успокоить меня, Императрица каждый день приходитъ ко мнѣ, чтобы я послушалъ, а вчера былъ и самъ Государь. Я не въ силахъ передать Вамъ, до какой степени я былъ тронутъ и счастливъ. Своей добротой Они сдѣлали меня рабомъ Своимъ до конца дней моихъ . . Эльза Христіановна** каждый разъ благодаритъ меня послѣ того, какъ увидитъ Императрицу или Государя . . .

Севастополь 16. IX. 1911. „Всѣ были такъ добры къ нашимъ маленькимъ, что я просто растроганъ. Государь подалъ имъ руку, Императрица поцѣловала ихъ смиренныя головки, а о Великихъ Княжнахъ они Вамъ сами напишутъ. Безподобно было свиданіе Алексѣя Николаевича съ Глѣбомъ. Сперва онъ и Танѣ и Глѣбу говорилъ „Вы“, но скоро перешелъ на „ты“. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ къ Глѣбу былъ: „Какъ называется это отверстіе?“ — „Не знаю,“ смущенно отвѣтилъ Глѣбъ. — „А ты знаешь?“ обратился А. Н. къ Танѣ. „Знаю, — полупортикъ.“ — Дальше опять вопросы Глѣбу: „Чей это костыль?“ — „Папулинъ,“ тихо отвѣчаетъ Глѣбъ. „Чей?“ — удивленный вопросъ. — „Папулинъ,“ повторяетъ окончательно смущенный Глѣбъ. Тогда я объяснилъ, что значитъ это странное слово, но А. Н. еще нѣсколько разъ потомъ, среди другого разговора, повторялъ свой вопросъ, заинтересованный забавнымъ отвѣтомъ и, вѣроятно, смущеніемъ Глѣба, но тотъ уже отвѣчалъ смѣло. Сегодня очаровательный А. Н. опять заходилъ ко мнѣ и опять спрашивалъ про костыль. Отвѣтъ: „мой“ — мало заинтересовалъ его, онъ снова спросилъ, и я уже отвѣтилъ: „папулинъ“. Вчера, когда я днемъ лежалъ одиноко и грустилъ объ уѣхавшихъ дѣткахъ, вдругъ, въ обычное время, пришла развлекать меня Анастасія Николаевна и захотѣла все дѣлать для меня, что дѣлали мои дѣтки, напримѣръ, дать вымыть руки. Пришла и Марія Николаевна, и мы съ ней играли въ нулики и крестики, а сейчасъ забѣгала Ольга Николаевна — право, точно Ангелъ, залетомъ. Добрая Татьяна Николаевна навѣщаетъ меня каждый день. Вообще меня всѣ страшно балуютъ . . .“

Еще нѣсколько отрывковъ изъ писемъ моего отца къ сыновьямъ о жизни на Штандартѣ:

17. VII. 1908. Ты совершенно правъ, что славныя дѣтки, съ которыми я здѣсь живу, меня очень утѣшаютъ. Какъ только мы снова вступили на „Штандартъ“, Ан. Н-на*** меня спросила: „А Вы опять будете играть въ булль?“ — „Непремѣнно“, говорю. — „Вы не можете жить безъ булля?“ — „Нѣтъ“ — отвѣчаю я — „я и въ Петергофѣ бралъ кольцо отъ салфетки и бросалъ на квадраты паркета,“ продолжаю я. „Вамъ булль помогаетъ жить?“ тогда серьезно спросила Ан. Н-на. Премилая она дѣвочка . . .

* Т. е. я и мой братъ Глѣбъ.
** Эльза Христіановна Вейдеманнъ, наша гувернантка.
*** Ея Импер. Выс. Вел. Княжна Анастасія Николаевна.

Братъ Ея обворожителенъ, какъ всегда; вчера я поцѣловалъ его въ шейку сзади, а онъ улыбается и говоритъ: „Какую Вы гадость поцѣловали", и показываетъ на свою шейку, нѣжную и бѣлую. Вчера Дрентельнъ видитъ, что Онъ идетъ со своимъ деревяннымъ ружьемъ, и спрашиваетъ: „Вы на какой постъ идете?" — „Къ денежному ящику." — „А я на Великій постъ", шутитъ Дрентельнъ — „А я на Петровку", отвѣчаетъ Ал. Н-чъ.* На судахъ, которыя часто переговариваются между собою флагами, есть одинъ — красный съ бѣлымъ кружкомъ, который означаетъ: „ясно вижу." Вотъ играетъ разъ Деревенька** съ Ал. Н-чемъ и прячется отъ него за дверью, а тотъ увидалъ его и кричитъ ему: „ясно вижу."

Рейдъ „Штандартъ" 5. VI. 1911. Мы снова шли, какъ по зеркалу. Ничтожное колебаніе, которое всегда ощущается на ходу, было такъ мало замѣтно, что вчера за дневнымъ чаемъ, за которымъ Императрица сама разливала (Вы понимаете, какъ мнѣ радостно было это видѣть), я поймалъ себя на такой мысли: „что это за странный, грязный видъ у земли?" подумалъ я и тотчасъ спохватился: „Что за идіотство? Вѣдь мы же на водѣ."

IV

„26. III. 1914. (По дорогѣ въ Севастополь)."

... подъ окномъ гуляетъ ненаглядный Алексѣй Николаевичъ. Сегодня Алексѣй Николаевичъ обходилъ вагоны съ корзиночкой маленькихъ дутыхъ яицъ, которыя онъ продавалъ въ пользу бѣдныхъ дѣтей по порученію Великой Княгини Елизаветы Федоровны, сѣвшей къ намъ въ поѣздъ въ Москвѣ... Сегодня послѣ завтрака я носилъ Алексѣю Николаевичу показывать свою замѣчательную пепельницу... Онъ былъ очень доволенъ и очень хвалилъ, но, т. к. я засталъ его за обычнымъ дневнымъ отдыхомъ, когда Жильяръ ему что-то интересное разсказывалъ, я, замѣтивъ, что онъ хочетъ продолжать слушать, поспѣшилъ уходить. Когда я въ дверяхъ раскланивался, этотъ ненаглядный мальчикъ, очаровательно улыбаясь мнѣ, сказалъ: „Au revoir Monsieur. Je Vous aime de tout mon petit coeur"***. Это ли не очарованіе? Я въ восторгѣ ему отвѣтилъ: „Vous êtes adorable**** ..."

V

Спала 9. X. 1912... сегодня особенно часто вспоминаю Васъ и ясно представляю, что должны Вы были почувствовать, увидавъ въ газетахъ мое имя подъ бюллетенемъ о состояніи здоровья нашего ненагляднаго Алексѣя Николаевича... Я не въ силахъ передать Вамъ, что я переживаю... я ничего не въ состояніи дѣлать, кромѣ, какъ ходить около Него... ни о чемъ не въ состояніи думать, кромѣ какъ о Немъ, о его Родителяхъ... Молитесь, мои дѣтки... молитесь ежедневно, горячо за „нашего драгоцѣннаго Наслѣдника..."

* Его Импер. Выс. Наслѣд. Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ.
** Боцманъ Деревенька.
*** До свиданія, я люблю Васъ всѣмъ своимъ маленькимъ сердцемъ.
**** Вы очаровательны.

Спала 14. X. 1912 . . . Ему лучше, нашему безцѣнному больному. Богъ услышалъ горячія молитвы, столькими къ Нему возносимыя, и Наслѣднику положительно стало получше, слава Тебѣ, Господи. Но, что это были за дни. Какъ годы легли они на душу . . . И сейчасъ она еще не можетъ вполнѣ расправиться, — такъ долго бѣдному Наслѣднику еще нужно будетъ поправляться и столько еще случайностей можетъ быть на пути . . . "

Спала 19. X. 1912 . . . нашему драгоцѣнному больному, слава Богу, значительно лучше . . . Но писать я все-таки еще не успѣваю: цѣлый день около Него. По ночамъ тоже еще дежуримъ . . ."

Спала 22. X. 1912 . . . Нашему драгоцѣнному Наслѣднику правда, и несомнѣнно, и значительно лучше, но онъ еще требуетъ большого ухода, и я цѣлый день около Него, за очень малыми исключеніями (трапезы и т. п.), и каждую ночь дежурилъ, — ту или другую половину. Теперь мнѣ будутъ давать черезъ двѣ ночи въ третью отдыхъ. Сегодня дежурилъ первую половину, иззябъ, какъ всегда, и совершенно не въ силахъ былъ писать, а, благо нашъ золотой больной спалъ, самъ усѣлся въ кресло и вздремнулъ . . ."

VI

Ливадія 28 сент. 1911. „Базаръ былъ необыкновеннымъ праздникомъ для множества жителей Крыма, имѣвшихъ счастье видѣть Ихъ Величествъ и Великихъ Княженъ совсѣмъ близко и получить вещи даже прямо изъ рукъ Ея Величества (настроеніе было самое восторженное и умиленное).

VII

Ливадія 5 апр. 1914. „. . . Долгія службы, благодаря дивному служенію о. Александра*, простаиваются легко, производятъ сильное впечатлѣніе и надолго создаютъ особое настроеніе. Въ четвергъ мы всѣ пріобщались, и я не могъ удержать слезъ умиленія, когда Царь и Царица клали земные поклоны, кланялись намъ, многогрѣшнымъ, и вся Царская Семья пріобщалась . . ."

VIII

Письмо моего отца, написанное имъ сыну изъ Александровскаго Дворца послѣ ареста.

Ц. С. 16 апр. 1917. . . . Въ заключеніе мнѣ хочется перевести Вамъ нѣсколько удивительныхъ строкъ, подписанныхъ „А.", изъ № 77 Journal des Debats отъ 18-го марта с. г. . . . „Нужно радоваться, что онъ убѣдился въ томъ, что сопротивляться не надо. Онъ уберегъ этимъ Россію отъ революціонныхъ безпорядковъ, послѣдствій которыхъ, въ разгаръ общеевропейскаго кризиса, невозможно было бы учесть. Какъ ни больно ему было разстаться съ властью, которой онъ считалъ себя какъ бы священнымъ носителемъ и которую онъ проявлялъ по велѣніямъ своей совѣсти, чтобы передать

* Духовникъ Ихъ Величествъ о. Александръ Васильевъ.

ее неподточенной своему преемнику, онъ долженъ былъ признать себя человѣкомъ другого вѣка. Если у него сохранились еще иллюзіи относительно чувствъ тѣхъ элементовъ, которые считались до сихъ поръ столпами имперіи и самодержавія, онъ долженъ былъ потерять ихъ въ теченіе послѣднихъ дней . . . Манифестъ, которымъ онъ слагаетъ съ себя верховную власть, являетъ собой благородство и высоту мысли, достойныя восторга (admirable). Онъ не содержитъ ни тѣни горечи, ни упрековъ, ни сожалѣнія. Онъ проявляетъ полное самопожертвованіе. Онъ желаетъ Россіи въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ осуществленія ея главныхъ назначеній. Тѣмъ способомъ, которымъ онъ сходитъ съ трона, Николай II оказываетъ своей странѣ послѣднюю услугу, — самую большую, которую онъ могъ оказать въ настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ. Очень жаль, что Государь, одаренный такой благородной душой, поставилъ себя въ невозможность продолжать править . . .“

Все золотыя слова и сказанныя въ республиканской газетѣ свободной страны. Если бы наши газеты такъ писали, онѣ бы гораздо больше послужили тому дѣлу, которому хотятъ помочь, чѣмъ клеветой и пасквилями . . .“

IX

Тобольскъ 24-го дек. 1917. . . . Сегодня вечеромъ я былъ на елкѣ въ домѣ № 1, гдѣ всѣ женскія руки Семьи приготовили всѣмъ по нѣсколько подарковъ и всѣ вмѣстѣ, своею бодростью и привѣтливостью, сумѣли всѣмъ окружающимъ устроить настоящій праздникъ.

МОЛИТВА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ
ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ.

Пошли намъ, Господи, терпѣнье
Въ годину буйныхъ, мрачныхъ дней
Сносить народное гоненье
И пытки нашихъ палачей.

Дай крѣпость намъ, о Боже правый,
Злодѣйство ближняго прощать
И крестъ тяжелый и кровавый
Съ Твоею кротостью встрѣчать.

И въ дни мятежнаго волненья,
Когда ограбятъ насъ враги,
Терпѣть позоръ и оскорбленья,
Христосъ Спаситель, помоги.

Владыка міра, Богъ вселенной,
Благослави молитвой насъ
И дай покой душѣ смиренной
Въ невыносимый, страшный часъ.

И у преддверія могилы
Вдохни въ уста Твоихъ рабовъ
Нечеловѣческія силы —
Молиться кротко за враговъ.



Найдено среди оставшихся въ Екатеринбургѣ вещей фрейлины графини Анастасіи Васильевны Гендриковой. Впослѣдствіи выяснилось, что стихотвореніе это было прислано Царской Семьѣ и переписано Великой Княжной Ольгой Николаевной, что и ввело въ заблужденіе слѣдствіе.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЬ.

БѢЛГРАДЪ.
ИЗДАНІЕ
ВСЕСЛАВЯНСКАГО
КНИЖНАГО МАГАЗИНА.
1921